

Юрий Лабынцев
Лариса Щавинская

Западнобелорусское
письменное наследие
XVII–XX вв.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА БЕЛАРУСИ

Юрий Лабынцев
Лариса Щавинская

Западнобелорусское письменное наследие XVII–XX вв.

(Экспедиционные исследования 2000–2002 гг.)

Минск 2004

УДК 008(=826)+008(=84)

ББК ТЗ(43=Сл)

Л 12

Ответственный за выпуск: Т.И. Рощина

Лабынцев Ю., Щавинская Л.

Западнобелорусское письменное наследие XVII–XX вв.:
(Экспедиц. исслед. 2000–2002 гг.) / Рос. акад. наук; Ин-т славяноведения; Нац.б-ка Беларуси. – Мн., 2004. – 328 с.

Книга знакомит с духовной традицией белорусского этноса, живущего на пограничье Запада и Востока Европы в наиболее динамичной контактной зоне *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*, представляет историческую панораму культурных, политических и религиозных исканий западных белорусов преимущественно в XVII–XX вв. Особенностью монографии является публикация в ней многих историко-культурных и литературных текстов и документов, впервые вводимых в научный оборот.

На обложке воспроизведен современный рисунок деревни Кошели на Белостотчине Я.Якимчука.

Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Л $\frac{45-004}{M332-04}$ 4-03

ББК ТЗ(49=Сл)

ISSBN 985-6557-30-5

© Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л., 2004

© Национальная библиотека Беларуси, 2004

На пограничье славянских миров

Пространство современной Европы испещрено тысячами границ, имеющих различную природу, свойства, значение. К числу важнейших относятся границы этнокультурные, особенно те, что делят наш континент на главные цивилизационные составляющие – Восток и Запад, с давних пор весьма остро воспринимаемые и как особая геополитическая оппозиция. Восток Европы традиционно связывают с православием, Запад – с католицизмом и протестантизмом. В определенной степени данное обстоятельство повлияло и на номенклатурное деление славян, хотя некоторая часть восточных славян исповедует католицизм и греко-католицизм, а небольшая часть западных славян – православие. Тем не менее контуры общей границы между западными и восточными славянами, особенно католиками и православными, исторически очерчены довольно точно, прежде всего в ее части, наиболее глубоко выдвинутой в сторону запада Европы – это рубеж бывшего Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского. Его пограничная межа с Королевством Польским. Земли эти исстари именовались Подляшьем, находящимся ныне в составе Польши. Предки современных белорусов проникли сюда довольно рано, а общая восточнославянская колонизация этих земель привела к тому, что здесь постепенно возникло несколько крупнейших православных культурных центров, среди которых в раннем средневековье особенно выделялся г. Дрогичин, а в позднем – Супрасльский Благовещенский монастырь, сберегший одну из главнейших святынь славянства – Супрасльскую рукопись XI в. [1].

Уместно вспомнить, что недавно польские археологи открыли вблизи юго-западной границы Подляшья в Подеблоце загадочные таблички с фрагментами надписей (надписи), возможно свидетельствующих о проникновении сюда христианского «восточного обряда» уже в IX в., то есть за столетие до так называемого крещения Польши по латинскому обряду в 966 г. находка в Подеблоце могла быть связанной с влиянием кирилло-мефодиевской миссии, одним из следов которой, возможно, является этот древнейший памятник письменности на территории современной Польши.

В самое последнее время научный интерес к Подляшью – пограничью между Востоком и Западом, Беларусью и Польшей, православием и католицизмом, особой исторической и этнокультурной территории – необычайно возрос, прежде всего в польских ученых кругах. Для исследования этих земель мобилизована деятельность недавно созданного Университета в Белостоке, ставшим столицей одного из крупнейших воеводств Польши – Подляшского. В 1998 г. в Кракове на XII Международном съезде славистов прозвучали слова академика О.Н. Трубачева «об одной досадной лакуне» в наших знаниях о славянстве. Речь шла о том, что «слависты разных специальностей не хотят видеть капитального препятствия, стоящего на пути их умозрительных рассуждений: этнографического рубежа на Северо-Востоке Польши. Судя по тому, что у нас и этнографы обходятся без его упоминания (мне оно не встретилось в новой академической «Этнографии восточных славян», во всяком случае – в разделах о народной культуре белорусов), этот феномен в нашей литературе, мягко говоря, не пользуется известностью.

Понятие этого важнейшего этнографического рубежа было выдвинуто еще в довоенные годы в польской науке и состоит оно в том, «что на северо-восток от среднего течения Вислы фигурирует один из наиболее очерченных в Европе этнографических рубежей, имеющий, вдобавок, соответствия в ареалах доисторических культур. А именно – в

I тысячелетии до н.э. достигла этого рубежа с запада лужицкая культура...» [J. Czekanowski. Wstęp do historii Słowian. Wyd. II. Poznań, 1957. S. 385]. В этом рубеже не было никакой мистики: естественную преграду на восток от него образовывали сплошные дремучие леса, пуща. «В разные эпохи волны культур,двигающиеся с запада на восток, вынуждены были останавливаться на краю великого первобытного леса, как на берегу моря» [J. Czekanowski. Wstęp do historii Słowian... S. 390]» [2].

Искони Подляшье было тесно связано с Полесьем, прежде всего его западной частью, временами составлявшей с ним даже некое административное единство, не говоря уже о многовековом постоянном культурном единстве. Предки современных подляшских белорусов оставили им богатейшее культурное наследие, имеющее не только общеславянское, но и мировое значение. Одной из важнейших частей этого наследия является книжность и литература, многовековая жизнь которых связана практически со всеми уголками большой Европы, особенно с народами балканских государств, странами центра и востока континента, Прибалтики и, конечно же, с Россией, Украиной, Молдавией. Несмотря на выдающуюся значимость этого обширного региона и в качестве особой наиболее динамичной контактной зоны Востока и Запада Европы, и как крайней западной области многовекового существования восточнославянской литературной традиции, специальные экспедиционные исследования здесь впервые были предприняты лишь в 1996 г. и сразу же дали великолепные результаты [3], частично отображенные в наших монографиях [4], а также в целом ряде статей [5]. Давно и плодотворно изучаемая народная духовная культура Полесья, в том числе экспедиционным путем, привлекала исследователей в значительной степени своей архаикой. Народная книжность почти не интересовала их. В этой связи весьма показательны отношение ученых к такому принципиально важному явлению и в современной белорусской народной

книжной культуре как паралитургика с ее духовными песнопениями, по сей день не получившими в отечественной науке никакого признания. Собственно их, многочисленных народных духовных песен, как бы и не существует вовсе, если ориентироваться на содержание известного всем словаря научной и народной терминологии «Восточнославянский фольклор», изданного в Минске в 1993 г. объединенными силами славистов Беларуси, России, Украины.

Наши экспедиционные поиски 2000–2002 гг. были направлены на сбор памятников народной книжной культуры и письменных материалов, характеризующих прошлое и настоящее белорусского этноса, живущего в границах современной Польши, а также преимущественно в западных районах Полесья, прилегающих к польско-белорусскому пограничью в наиболее динамичной контактной зоне Востока и Запада Европы, миров *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*. Экспедиционные работы охватили регионы, где местное население продолжает сохранять живую традицию белорусской культуры. Учитывая особые условия работы, когда материалы могли быть, как правило, только скопированы, использовался широкий арсенал современных технических средств, включая электронные. Принципиально новым стало применение методов компьютерного архивирования с последующим созданием информационной системы на основе электронного архива экспедиции. Все это осуществлялось в полевых и осуществляется в камеральных условиях благодаря собственным программным разработкам.

Пристальное внимание во время экспедиционных исследований было уделено современным книжникам, авторам и переписчикам, а также обстоятельствам существования и успешного развития рукописной литературы наших дней, что в отдельных случаях связано с уникальностью литературных жанров, жизнь которых вне рукописной формы не была бы практически возможной. Комплекс собранных источников, слагаемых народной книжной культуры белору-

сов Подляшья и Полесья, весьма обширен: от письменных памятников кирилло-мефодиевской традиции до оригинальных стихотворных и прозаических сочинений, созданных в наши дни. Общее их число насчитывает несколько тысяч.

К особым, весьма важным, находкам следует отнести целые архивные и библиотечные комплексы, принадлежащие выдающимся белорусским собирателям, живущим в Польше, у которых как бы аккумулировалась живая традиция местной многовековой белорусской культуры, сохранившей в себе множество древних и новых форм, светских и церковных, в том числе более нигде почти не существующих ныне, а здесь все еще успешно развиваемых. Это во многом стало возможным благодаря тому, что на сегодняшний день в этой окраинной стороне Польши сложилась феноменальная ситуация, характеризующаяся наличием своеобразного полуостровного восточнославянского этнокультурного региона, на протяжении столетий сберегающего многие свои особенности, одной из которых и, пожалуй, самой заметной и важной, является собственная литература и печать, собственная литературная традиция и культура, сохраняющие живой народный характер.

Необходимо специально отметить, что залогом успешной работы экспедиций стали и специально разработанные способы и методы копирования материалов, позволяющие собирать все без исключения документальные источники самых разнообразных видов и форм, представляющие историко-литературный и историко-культурный интерес. Немаловажным слагаемым успеха являлось и то обстоятельство, что экспедиции были нацелены на копирование материалов, а не на собирание их оригиналов, с которыми владельцы, в случае последнего варианта, едва ли позволили бы даже ознакомиться. Важным, а иногда и решающим в возможности посмотреть, а затем и скопировать источник было наше обязательство не афишировать его точное местонахождение, не упоминать имя его владельца, что в условиях повсеместного

криминального интереса к предметам старины вполне объяснимо.

Следует напомнить, что в последние годы стала особенно заметной явная незавершенность в отображении мировым научным сообществом богатой духовной культуры белорусов. Прежде всего это касается культуры религиозной, практически неизученной. Почти парадоксально, но даже в таком фундаментальном и по сути энциклопедическом издании как «Белорусы» (М., 1998), выпущенном в знаменитой уже серии «Народы и культуры», места этой важнейшей в нынешнем понимании тематике не нашлось [6]. В отношении белорусов подобное «умолчание» едва ли вообще возможно, так как именно в их среде наряду с яркими проявлениями языческой архаики, что постоянно подчеркивается мировым научным сообществом на протяжении уже почти двух столетий, сосуществуют два основных христианских лагеря - православных и католиков, а также достаточно многочисленные протестантские группы, отдельные из которых, кстати, ведут свою родословную от различных движений времен Реформации. Образно говоря, именно здесь проходит культурная граница востока и запада Европы, что существеннейшим, а в некоторых моментах определяющим образом сказалось на облике белорусов, их истории. Нельзя забывать и о том, что именно на территории современной Белоруссии, в Бресте получило развитие религиозное направление, называемое ныне чаще греко-католицизмом, последователи которого, униаты, в наше время появились в республике вновь, правда, в весьма незначительном числе. Сама же униатская церковь, существовавшая на белорусских землях с 1596 по 1839 гг., в течение двух веков занимала здесь фактически главенствующее положение. Возрождение в Белоруссии в самые последние годы униатства и его распространение в некоторой части интеллигенции, озабоченной поиском «национальных корней», весьма симптоматично. В основном оно связано с декларированием пограничности,

порубежности культуры Белоруссии, ее местом между Востоком и Западом и в этом специфичности, особенности, особенности.

Еще более внутренне контрастна доктрина белорусов-католиков, национально-культурное движение, а правильное – движения среди которых серьезно пока не изучались, хотя вопрос об их существовании в той или иной форме стоял с большим или меньшим постоянством на протяжении полутысячелетия и особенно обострился в XX в. Белорусы-католики живут преимущественно в самой Белоруссии (несколько сот тысяч человек), Литве и Подляшском воеводстве Польши, где они постепенно сливаются с польским населением. Подляшский этнокультурный рубеж не только этнический, но и конфессиональный, этноконфессиональный. Здесь проходит крайняя западная граница расположения коренных поселений белорусов-католиков и белорусов-православных, занимающих территорию на десятки километров к северу, югу и западу от г. Белостока [7]. И если современный молодой белорусский культуролог С. Санько пишет как об очевидном, что «Уния на Беларуси так и не принесла исторического успеха» [8], то здесь, на Подляшье, до сих пор отчетливо видна вся сложность вековых восточнославянских национально-культурных борений, связанных не только с миром *Slavia Romana*, но и *Mundus Latina* вообще. Не случайно все это в той или иной мере и по сей день влияет на процесс самоопределения у белорусов Польши, в чем в последние годы также пытаются разобраться ученые России и Польши [9].

Белорусы-католики – не только особая, но и особо трудная тема для исследователя. До сегодняшнего дня подобные материалы специально почти не собирались и все, что было накоплено до сих пор, слишком незначительно. Не можем сослаться здесь на источники по истории белорусов-католиков, которые были известны в 1930-е гг. одному из виднейших деятелей белорусского национального движения

и костела в межвоенной Польше ксендзу Адаму Станкевичу [10]. По сути то небольшое, что он собрал тогда, сейчас является своего рода специальной, правда уже далеко не единственной, источниковой основой этой все еще новой и во всех отношениях принципиально важной для белорусской науки темы. Подтверждений тому можно привести множество, но, пожалуй, одним из самых ярких примеров является не прекращающиеся споры о поэте Адаме Мицкевиче – уроженце центральной Белоруссии, «поляке не по крови» [11]. Противоположный пример – все, связанное с ролью католицизма, в судьбе классика белорусской литературы Янки Купалы, жившего столетием позднее.

Письменная культура и язык православных белорусов Польши – тема, которой мы уделяем преимущественное внимание в этой книге. Именно православные белорусы Польши остаются последовательными, а в большинстве местностей уже и единственными хранителями национальных традиций, в то время как белорусы-католики Польши почти окончательно утрачивают даже внешние проявления своих этнических особенностей, в том числе так называемую «просту мову», на которой совсем еще недавно говорили целые села, ими населенные. Сплошная полонизация и практически поголовная ассимиляция – неизбежный удел белорусов-католиков Польши, еще несколько лет назад часто затруднявшихся при определении своей национальной принадлежности [12], что, впрочем, не меняло и не меняет сути дела, ибо остается еще достаточно много примет, неопровержимо свидетельствующих о том, что эти католики именно белорусы, а не поляки [13]. К сожалению, «идя за политиками и культуртрегерами (а этому, увы, содействовали и негативные тенденции деятельности или бездействия белорусских культурно-просветительских организаций, практически игнорирующих белорусскую разговорную речь, язык, быт, традиции многочисленного католического населения), польские ученые уже все чаще традиционную культуру

католиков в северо-восточной Белостотчине относят к явлениям собственно польским. Подтверждают это не только ссылками на громко декларируемое “самосознание”, но и подборками исключительно польскоязычных текстов песен, прозы, высказываний (чаще всего на литературном языке). В этом плане не только студенческие экспедиции полонистов высших учебных заведений, но и труды сотрудников Польской академии наук становятся все более целенаправленными» [14]. Парадоксально и то, что польские «исследователи культуры Западной Белостотчины постоянно, из исследования в исследование, повторяют сведения о мазурской колонизации этих земель, хотя остается удивительным слабое и редкое (отдельными островками-поселениями) наличие мазурского диалекта и проявлений традиционной мазурской культуры» [15].

Для настоящей книги нами были отобраны материалы, отображающие ряд важнейших сторон письменной и языковой культуры западных белорусов в их вековых связях с культурой украинской, польской и русской. Этот аспект, несмотря на его явную первостепенную значимость, не получил пока всестороннего синтетического освещения. Впервые мы начинаем публиковать и произведения, написанные в белорусской греко-католической и католической среде, современная внутренняя литературная жизнь которой практически неизвестна.

1. См. ее фотовоспроизведение, а также исследование о ней и перечень основной литературы: Супрасьльски или Ретков сборник. София, 1982. Т. 1–2; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. № 23; Щапов Я.Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 1. С. 54–64.

2. Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998. Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 21–22.

3. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Научно-исследовательская экспедиция 1996 года «Книжная культура православной Польши» и ее итоги // Славяноведение. 1998. № 4. С.83–90.

4. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исслед. и публ. по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши: (Материалы экспедиц. исследований 1999 г.) М., 2000 и др.

5. См., напр.: Лабынцев Ю.А. Археографическая экспедиция и научное издание памятников книжности как способ реконструкции этнокультурного пространства территорий // Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: Праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання. Юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты. Мінск, 1997. С. 250–257; Лабынцев Ю. Старообрядческий писатель в межвоенной Польше (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.) // Słowianie Wschodni: Między językiem a kulturą. Kraków, 1997. С. 197–203; Лабынцев Ю., Щавинская Л. Церковное летописание во II Речи Посполитой (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.) // Białoruskie Zeszyty Hist. 1998. Т. 10. S. 31–40 и др.

6. Подробнее см. нашу рецензию на эту книгу в журн.: Этногр. обозрение. 2000. № 2. С. 165–168.

7. Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Wrocław etc., 1980. Т. 1.

8. Санько С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі. Менск, 1998. С.186.

9. См., напр.: Sadowski A. Pogranicze polsko-białoruskie: Tożsamość mieszkańców. Białystok, 1995.

10. Центр. науч. б-ка НАН Беларусі. Отд. редких книг и рукописей. Ф. 4. Оп. 1.

11. Подробнее см., напр.: Białokozowicz B. Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej. Białystok, 1998.

12. См., напр.: Sadowski A. Pogranicze polsko-białoruskie...

13. См., напр.: Маціеўскі І. Музычны інгрэдыент як індыкатар гістарычнага субстрату нацыянальна-асіміляцыйных традыцый (на матэрыяле этнічнай культуры католікаў паўночнай Беластотчыны) // Гісторыя. Культуралогія. Мастацтвазнаўства: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». 1 сес. – 21–25 мая. 2 сес. – 4–7 снежня. Мінск, 2000 г. Мінск, 2001. С. 344–347.

14. Там же. С. 344.

15. Там же.

Белостотчина. Церковь Преображения Господня на вершине Святой Горы Грабарки

Тысячи обетных крестов на вершине Святой Горы Грабарки

Известные исследователи и собиратели православной церковной старины в Польше доктор богословия митрофорный протоиерей Григорий Сосна и матушка Антонина Сосна (Троц)

Старобелорусская агиография в её связях с западноукраинской и польской: литературная традиция культа св. Онуфрия Великого

В юго-восточной части современной Польши лежит обширная древняя земля, исстари именуемая Перемышльской. Земля эта, получившая название от г. Перемышля, уже в раннем Средневековье была заселена «русинами», давшими многим здешним поселениям весьма звучные древнерусские именованья и в нынешнее время сразу же выдающие их восточнославянское происхождение. Упомянем в этой связи хотя бы пятидесятитысячный г. Ярослав на р. Сан, по преданию основанный или, что скорее, отстроенный Ярославом Мудрым. Эстафету Киевской Руси затем в здешних местах приняло Галицко-Волынское княжество, в котором Перемышльская земля была его самым западным форпостом. Удаленная всего лишь на несколько десятков километров от Львова в сторону запада, Перемышльская земля на севере граничила с Холмщиной (Холмской Русью), на юге достигала верховьев р. Сан в центре Карпатских гор и занимала обширную территорию, на которой по сей день находится огромное число самых различных памятников кирилло-мефодиевской традиции. Едва ли будет преувеличением сказать, что основу нынешнего Подкарпатского воеводства Польши составляет именно Перемышльская земля и даже его столица г. Жешов (некогда «Русская Весь») издревле входил в ее состав. С 1340-х по 1772 гг. Перемышльская земля является частью Королевства Польского и Речи Посполитой, с 1772-го по 1918 гг. – Австро-Венгерской империи, с 1918-го по 1939 гг. – П Речи Посполитой. После освобождения советскими войсками Перемышльской земли от немецкой оккупации

пации, в 1945 г. на основе польско-советского договора она была включена в состав Польши, а местное украинское население отсюда практически полностью депортировано. Большая его часть оказалась в УССР, а меньшая была насильственно вывезена на территории, присоединенные к Польше после окончания Второй мировой войны. События эти стали одним из наиболее трагических моментов украинской истории, которые в определенной степени и по сей день оказывают влияние на взаимоотношения двух этносов.

О времени появления первых христиан и христианства на Перемышльской земле свидетельствует ряд весьма ранних документов [1]. Первое письменное свидетельство о г. Перемышле появляется в древнерусских летописях под 981 г. [2]. Позднее здесь возникает православное епископство, которое, по-видимому, было самым древним в Галичине [3]. Впрочем, как справедливо писал М. Грушевский, Перемышль был «древнейшим ... центром» Галичины, хотя «им летописи наши, даже Галицкая – занимаются очень мало» [4]. Такое, можно сказать, многовековое недостаточное внимание к судьбе Перемышльской земли в значительной степени способствовало преуменьшению ее роли в истории Украины, в развитии украинской культуры [5]. Прямой контакт с католическим миром, его жесткая экспансия, включавшая массовые разорения православных храмов, чему не только способствовали и потворствовали представители высшей администрации Польши, но что санкционировал и сам король [6], предопределили активное неприятие на Перемышльщине Брестской церковной унии вплоть до конца XVII в. [7]. Столетием позднее здесь, несмотря на значительное изменение этнического состава населения преимущественно в городах, наблюдается заметное оживление украинской культурной и церковной жизни, столицей которой является Перемышль, во многих своих начинаниях предвосхитивший будущее развитие этнонационального движения во всей Галичине. Священники греко-католической церкви,

такие как Иоанн Могильницкий, Иоанн Лавровский, Антон Добрянский, а также ее епископы, например, Иоанн Сنيгурский сделали необычайно много для возрождения местной кирилло-мефодиевской традиции и изучения церковнославянского языка [8]. Выдающуюся роль церковнославянского языка в сохранении этнокультурной самобытности «галицких украинцев, вскормленных молоком церковного языка», особо подчеркивал такой знаток славянского мира, как В. Копитар в своем обращении к И. Снигурскому [9]. Подобная констатация была по сути альфой и омегой и для всех образованных одноверцев самого перемышльского епископа И. Снигурского (1784–1847). Так, например, И. Могильницкий в своих многочисленных работах подчеркивал то, что церковнославянский язык является «матерью... иных» славянских языков [10]. Близки к такому пониманию были А. Добрянский, автор получившей широкое распространение и даже дважды изданной в Перемышле «Грамматики старославянского языка» [11] и И. Лавровский, начавший писать свою «грамматику» в 1815 г. [12].

Важно подчеркнуть, что все эти духовные лица в своей разносторонней деятельности в значительной степени использовали огромный массив местных памятников церковной старины, прежде всего письменных и старопечатных, собрание которых активно началось еще в XVIII в. и достигло своего апогея в начале века XIX. Ведущая роль в этом собрании всегда принадлежала местному епископату и клирикам греко-католического собора в Перемышле, а начиная с 1816 г. – утвержденной императором Францем I Перемышльской капитуле, в состав которой вошли наиболее видные представители священнослужителей епархии. В 1792 г. библиотека собора насчитывала 312 старопечатных книг в основном на латинском языке, в меньшем числе – на польском, французском и других языках. Книги эти были напечатаны в XVI–XVIII вв. в Париже, Антверпене, Кельне, Амстердаме, Венеции, Лейпциге, Праге, Риме, Варшаве, Пере-

мышле и других городах [13]. Помимо богословской и философской литературы, здесь было немало книг по географии, юриспруденции, истории и даже ряд произведений художественной литературы.

Начавшийся процесс собирания местных памятников церковной старины способствовал основанию в Перемышле особой Капитульной библиотеки, в которую стали стекаться древние письменные и старопечатные книжные памятники со всей епархии. Собственно основателем Капитульной библиотеки в Перемышле в полной мере следует считать И. Лавровского, передавшего сюда 14139 печатных книг и рукописей [14], хотя активно формироваться будущая библиотека начала значительно раньше [15]. Важным ее пополнением стал и дар епископа И. Снигурского, насчитывавший более двух тысяч книг [16]. Все это в самом скором времени сделало Капитульную библиотеку в Перемышле одной из богатейших в Галичине, примерно равной по числу книг знаменитой библиотеке Ю.М. Оссолинского, перевезенной во Львов, а главное – одним из самых значительных собраний кирилловских рукописей того времени в мире [17].

Достаточно проанализировать весьма подробный каталог рукописей Капитульной библиотеки, составленный выдающимся знатоком галицкой старины Антонием Петрушевичем, чтобы понять, как в первой половине XIX в. кропотливо собирались письменные памятники церковной старины по всей Перемышльской земле и даже в ее окрестностях [18]. В своем каталоге «*Manuscripta et Documenta Bibliothecae et Archivi Reverendissimi Capituli Cathedralis Ecclesiae Premisliensis*» А. Петрушевич «*parochus Nowicensis*» описал множество ценнейших кирилловских рукописных памятников, включая пергаменные. Были среди них и древние местные летописи и даже «русская граматыка», составленная в первые годы XIX в., представлявшая собой, видимо, одну из первых попыток анализа и нормализации «галицко-русского» языка, то есть один из самых ранних примеров кодифи-

кации украинского литературного языка. Нашлось в этом каталоге и место описаниям многочисленных списков XVI в. с книг Ф. Скорины, которые были необычайно широко распространены на Перемышльщине, а также стали одним из самых важных и часто цитируемых источников в работах галицких ученых в первой половине – середине XIX в. [19]. А. Петрушевич также упорядочил и описал колоссальное собрание архивных документов перемышльской епархии, насчитывавшее, что естественно, большое число кириллографичных актов, в том числе написанных на пергамене начиная с XIII в. [20]. Ему же принадлежат и описания ряда важнейших для истории украинцев и белорусов латино- и польскоязычных рукописей, содержащих ценнейший историко-культурный материал, в том числе непосредственно касающийся Перемышльской земли. С особой любовью и весьма подробно фиксировал А. Петрушевич, автор знаменитой шеститомной «Сводной Галицко-Русской Летописи» (Львов, 1874–1891), кириллографичные акты, связанные с судьбой Перемышльской епархии. Их перечень говорит об активных контактах перемышлян со всем остальным православным миром в XVI–XVII вв. и накале внутренней борьбы в епархии за отстаивание древних православных начал, в том числе и уже в униатское время, то есть в XVIII в. [21]. Для предшественников и преемников А. Петрушевича не были тайной давние культурные, в том числе книжные связи Перемышльской земли с далекой Московией. Примером может служить до сих пор сохраняющаяся в Окружном музее Перемышля *Триодь постная*, переписанная в 1618 г. местным иереем Симеоном с московского издания 1589 г. [22]. О знании же современной им российской научной, в том числе посвященной древнерусским произведениям, и художественной литературы говорят факты наличия в их личных библиотеках множества подобных изданий.

Преемник А. Петрушевича Мирон Подолинский, настоятель греко-католического собора в Перемышле, фикси-

рует увеличение кирилловских рукописей в Капитульной библиотеке почти в три раза, что свидетельствовало о еще большей активизации собирания этих памятников древности по приходам епархии и за ее пределами, в том числе в западной Лемковщине. Абсолютное большинство рукописей относилось к доуниатскому времени и надо полагать, что некоторые из них еще и в середине – второй половине XIX в. продолжали использоваться в практике греко-католической церкви, что было по тем временам явлением вполне обычным [23]. Каталог М. Подолинского содержит большое число ремарок языковедческого характера, очень точно отражающих состояние этнонациональных исканий в среде перемышлян в конце XIX – самом начале XX в. [24].

Вплоть до момента ликвидации греко-католической Капитульной библиотеки в Перемышле и передачи ее книжных собраний после окончания Второй мировой войны в основном в Библиотеку Народову в Варшаве, число кирилловских рукописей в ней почти удвоилось по сравнению с началом XX в. Каталог этого собрания в свое время был составлен о. Борисом Балыком, ему же принадлежит и специальный обзор этих рукописей [25], каковых тогда насчитывалось в коллекции более пятисот. Безусловно, и по сей день это одно из самых значительных и цельных региональных собраний кирилловских рукописей в мире и очень жаль, что оно так мало известно исследователям, хотя о его богатстве в научной литературе, в том числе российской, упоминается уже довольно давно [26].

Массовая депортация украинского населения с территорий, отошедших после окончания Второй мировой войны к Польше, прекращение здесь на долгие годы деятельности не только греко-католической, но и не запрещенной православной церкви привели к тому, что сотни местных церквей оказались заброшенными или же были превращены в римско-католические костелы [27]. К концу 1950-х гг. украинцы начинают постепенно возвращаться на отеческие земли, одна-

ко к сегодняшнему дню в сельской местности таких возвращенцев буквально единицы, очень мало их и в городах, например, в нынешнем семидесятитысячном Перемышле, по сути «украинской столице» в Польше, их всего около двух тысяч человек. Ныне заметен некоторый отток бывших греко-католиков в римско-католический костел и в православную церковь и, следовательно, изменение своей национальной ориентации, что в большой степени связано с так называемыми смешанными браками, о чем начинают все чаще писать польские исследователи [28]. Польской Автокефальной Православной Церкви со временем удалось восстановить ряд приходов древней православной перемышльской епархии, а в конце 1980-х гг. основать, а ныне отстроить в предместье Перемышля монастырь во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Как показали наши экспедиционные исследования, в частных и различных церковных собраниях (приходских и парафиальных, епархиальных и диоцезиальных) Перемышльщины находится еще довольно много древних кирилловских книжных памятников. В основном это старопечатные книги и рукописи, а также их фрагменты XVI–XVII вв. В отличие от печатных книг, выпущенных преимущественно в типографиях Львова и Киева, рукописи эти почти исключительно местной переписки. К последним следует добавить огромный пласт своего рода народной рукописной кирилловской книжности уже униатского времени, то есть XVIII–начала XX в., представленной в основном различного рода певческими сборниками, сохранившими большое число древних православных особенностей.

К числу наших экспедиционных находок особого рода следует отнести целый цикл поэтических и прозаических произведений, посвященных св. Онуфрию Великому, широкое почитание которого в здешних местах началось по крайней мере со времен Галицко-Волынского княжества. Не позднее первой половины XIV в. несколько южнее Перемышля

в районе нынешнего поселения Посада Рыботыцкая основывается православный Святоонуфриевский монастырь, сохранившийся каменный храм которого во имя Св. Онуфрия, датируемый XV в., является древнейшей целиком сохранившейся церковью на территории нынешней Польши. Еще дальше в Карпатских горах, уже на территории нынешнего Старосамборского района Львовской области Украины, возле самой государственной границы в селе Лавров находится еще один древний Святоонуфриевский монастырь. Здесь также сохранилась каменная церковь XV в. с фрагментами фресок, современных постройке храма [29]. В течение столетий оба этих монастыря были крупнейшими оплотами православия в Галичине и сохраняли свое значение как центры кирилло-мефодиевской традиции вплоть до XX столетия. Столь же древним является и львовский Святоонуфриевский монастырь, с которым была связана судьба русского и украинского первопечатника Ивана Федорова и где он похоронен.

К северу от Перемышля на берегу р. Западный Буг расположен еще один Святоонуфриевский монастырь. По названию местности Яблочин его часто называют Яблочинским. Монастырь был основан в XV в. и всегда оставался православным, то есть не переходил в унию. До сих пор это действующий мужской монастырь Польской Автокефальной Православной Церкви. Наконец, необходимо упомянуть еще один из числа старейших – Святоонуфриевский монастырь, ранее в документах называемый просто «Онуфрей» или «Онуфрий». Он находился на берегу р. Сож на нынешней границе Могилевской области Беларуси и Смоленской области России. Его настоятелями являлись смоленские архиепископы.

Св. Онуфрий Великий по сей день почитаем как в православном, так и в католическом мирах, где существуют довольно развитые культы святого. До сих пор во многих странах можно встретить различного рода его изображения,

представленные в украинской и белорусской среде многочисленными иконами «народного письма». Весьма почитаем св. Онуфрий и у русских старообрядцев, особенно так называемых «польских», что, по нашему мнению, в определенной степени было связано с влиянием древней белорусско-украинской традиции культа этого святого. Эта же традиция в определенной степени оказала влияние и на польский католический мир, о чем свидетельствуют его изображения, выполненные православными мастерами в XIV в. для Троицкого костела в Люблине и часовни св. Креста и Духа в Кракове.

Совсем недавно фреска с изображением св. Онуфрия работы молодого грузинского иконописца Лаши Кинцурашвили появилась в храме великомученика Георгия Победоносца, что на Большой Грузинской в Москве. Едва ли не большее число православных икон св. Онуфрия написано в последние годы представителями Бельской иконописной школы в Польше. Это не удивительно, ибо именно там сейчас существует самая масштабная практика воплощения древнего культа, носящая в буквальном смысле всенародный характер с массовыми празднованиями дня поминаения св. Онуфрия, многотысячными службами в его честь и паломничествами в Яблочинский Святоонуфриевский монастырь. Не удивительно, что среди наших экспедиционных находок в большом числе оказались церковнославянские тексты православных служб «преподобному отцу нашему Онуфрию Великому, пустынножителю египетскому», акафиста и молитв ему, а также польско-, русско-, украинско- и белорусскоязычные православные тексты житийного содержания, посвященные преподобному. Как правило, все это произведения XIX–XX вв., правда, в основе своей опирающиеся на старинные и даже древние тексты.

Среди найденных нами рукописей, представляющих литературную традицию культа св. Онуфрия в восточнославянской среде, довольно многочисленными оказались раз-

личного рода сборники и даже отдельные листки, содержащие в основном народные песнопения в его честь. Это очень интересный, преимущественно паралитургический, литературный массив, вобравший в себя как древние православные, так и греко-католические мотивы, в основном, видимо, появившиеся в XVIII в. Тексты эти многоязычные, преобладают диалектные формы украинского и белорусского языков, подвергшийся сильнейшей адаптации в местных условиях книжный церковнославянский язык, а также всевозможные формы польского языка, часто переходящего в восточнославянские говоры. Так, например, в рукописи середины – второй половины XVIII в., происходящей из украинско-белорусской униатской среды, читаем:

«Помощника кто ищещи имаши вскоре,
Аще токмо руце твои вознесеши горе:
Онуфрия преподобна
Молебника всеудобна
Во всех потребах.
Того силу й чудеса гласят вси концы,
Радостиша лучи во нем яко во слонци:
Имеюще благодати
И молят, да помогати
Земным изволит.
Огня пламень й невреди, но яко злато
Небес Творцу очищенно яви приятно:
Вовержен бо воздев руце,
Скоро приять помощь в муце
Ангелом, чудный.
Болше яви оусердие ко службе Бога,
Род бо земный остави, мир, й царства многа:
Палат отце отлучися
И в пустыню преселися
Монах отпелен.
Ангельски ту Онуфрия вижде живуца,

Хлеб от Христа во образе, пищу имуща.
Его лани воскормяше,
К монастырю бди ведяще,
О чудес славных!
Так пречудно воспитанный, яко ся рече,
В седмом лете во пустыню скоро потече.
Ангел ему предидяше,
И на подвиг наставляше
Суща в пустыни.
Ах як странно се житие детища лети!
Соравни бо Отцем святым, их же бе зрети:
Терпя сладце мраз, глад, жажду
Пафнутию рече: стражду.
Христу служащи.
Во таком терпении оугождаша Богу
Онуфрие отче святыи ты по премногу
Возвеличи Христа сила,
Дасть Ангелами тайны тела,
Яко достоину.
Господь всегда обещаея ты послушати,
О людех мольбы творяща, готов спасати:
Во час смерти в помощь буди,
Тя славящих не забуди,
Оусердно молим».

Вариации этой древней «Песни преподобному отцу Онуфрию Пустынножителю» известны нам в ряде украинских и белорусских рукописаний, осуществлявшихся вплоть до второй половины XX в. «Песнь» не претерпела значительных изменений на протяжении не менее трех столетий и жила в народе в доуниатские, униатские и вновь православные времена. А вот польскоязычные песни «do św. Onufrego Pustelnika», весьма распространенные среди греко-католиков во второй половине XVIII – начале XIX в., правда, не совсем адекватно понимаемые в простом народе, о чем свидетель-

ствуют многочисленные ошибки при их переписке, сейчас практически полностью забыты и встречаются лишь в рукописях того времени. Приведем начало одной из таких песен, датируемых нами серединой – второй половиной XVIII в. и несомненно принадлежащей перу какого-то базилианина, знатока «кресовой польщизны»:

«Onufry z przedziony Patrona,
Przybyway z nami pelney obronie:
Nas nieprzyjaciel zawsze otacza,
Czuwa na zgube, ledwie nie obraca».

Значительно расширить наше знание сложных процессов возникновения, писательской трансформации и практического бытования конкретных древних житийных сюжетов позволяет наша находка двух фрагментов жития св. Онуфрия Великого, первый из которых, вероятно, наиболее ранний, датированный нами первой половиной – серединой XVIII в., обнаружен в частном собрании на Перемышльщине, а второй, датированный второй половиной XVIII – началом XIX вв., гораздо севернее – на польско-белорусском пограничье. Если бы не более ранняя наша находка полного текста жития св. Онуфрия [30], атрибутировать данные фрагменты не было бы никакой возможности. Оба они восходят именно к этому тексту, представляющему собой авторскую переработку еще более древних житийных произведений на нескольких языках. Автором переработки, сделанной в последней четверти XVII в., является протоархимандрит базилианского ордена Иосиф Петкевич, опубликовавший ее в Супрасльском монастыре в 1696 г. Сохранился всего лишь один экземпляр этого издания, представляющий собой к тому же своего рода книгу-архив, скорее всего Лавровского Святоонуфриевского монастыря, а отчасти и Капитульной библиотеки в Перемышле, из которой он попал в главное книжное собрание Польши [31]. Уникальный экземпляр супрасльского издания жития содержит также фрагменты кириллографических монастырских документов XVI–XVII вв. и ана-

логичных польскоязычных материалов XVIII в., а главное – часть пергаменной кирилловской рукописи XIII–XIV вв., всестороннее изучение которой представляет первостепенный интерес для украиноведения и славистики в целом [32]. Не исключено, что это дошедший до нас редкостный ранний образец книгописания на родине Ивана Франко – Бойковщине. Как следует из анализа различных записей и помет на этой книге-архиве из Лавровского Святоонуфриевского монастыря («Житие Преподобнаго Ѡца нашего Ѡнуфрія Великаго Пустинножителя есть z каталогу книг їтой общежительной... обители Лавровскай дарованое от Превелебнаго Ѡца Доментіяна Хоцкіевича ѡрдинарійнаго казнодѣлю Дієцезіей Премиской которое Житие С: Ѡнуфрія да Ѡ тоей обители їтой нѣколи ни през никого Ѡваленное да не будет под Анаѡемою Стых Ѡць Седми Соборовъ») [33], прежде чем попасть в библиотеку греко-католического собора в Перемышле она скорее всего сменила нескольких владельцев, среди которых в XVIII в. был и некто Мацей Масиевич («Сига книга Рекомата Житие maciey masiewicz») [34]. Книга благополучно сохранялась в библиотеке греко-католического капитула в Перемышле вплоть до 1946 г. [35] и была обнаружена нами уже в составе собрания специальных коллекций Библиотеки Народовой в Варшаве в 1970-е гг. Это было открытие одного из самых «оригинальных памятников белорусской агиографической литературы» [36], которому, как теперь оказалось, предстояла долгая, почти трехвековая жизнь, бытование в широкой читательской среде от Карпат почти до берегов Балтийского моря. Впрочем и автор (составитель) данной версии жития св. Онуфрия, и сам его текст были хорошо известны и на Киевщине, и на Черниговщине [37]. Польскоязычный вариант этого жития находился и в библиотеке знаменитого агиографа, «последнего общеславянского писателя» Святителя Димитрия Ростовского, кото-

рый использовал его в своей работе [38]. Примечателен факт книжных контактов Святителя с монахами Лавровского Святоонуфриевского монастыря. Ему принадлежал рукописный нотный Ирмологион, составленный иеродиаконем этого монастыря Иосифом Крейницким в 1677 г. [39].

Современник Святителя Димитрия, который активно привлекал католические и, как мы видим, греко-католические источники при написании своих «Житий святых», базилианин Иосиф Петкевич (1630-е гг. – 1708), составитель супрасльского жития св. Онуфрия, учился в одном из лучших папских алузнатов (семинарии) в Бранево (ныне в Польше), имевшем широкую пятилетнюю программу изучения гуманитарных, философских и теологических дисциплин. В 1663 г. он был избран ректором резиденции базилиан в Риме, где провел около шести лет. С 1666 г. и до отъезда на родину исполнял должность прокуратора ордена. В дальнейшем жил в Жировичском и Бытенском монастырях, где был игуменом. В известном споре ордена с униатскими митрополитами стоял на стороне интересов ордена. В 1686 г. Иосифа Петкевича избрали протоархимандритом (главой) базилианского ордена сроком на четыре года. Он автор ряда морально-этических, дидактических, агиографических и других сочинений, в большинстве не напечатанных. Писал на польском, латинском, церковнославянском языках и на «простой мове». Особо проявил себя как незаурядный текстолог и палеограф, едва ли не впервые в восточнославянской практике использовавший различные списки одного и того же сочинения и его печатные издания на нескольких языках при подготовке древних текстов к изданию. Наиболее наглядным примером эдиционно-текстологической работы Иосифа Петкевича является подготовка отдельного издания «Жития Преподобнаго... Онуфрия царевича перскаго», неоднократно печатавшегося в XVII–XVIII вв. на польском, церковнославянском и немецком языках [40]. Первое издание «Жития» увидело свет в Вильно в 1686 г. на поль-

ском языке [41]. Иосиф Петкевич посвятил его представителю старинной некогда православной фамилии – Яну Казимиру Воловичу, которому «*Thumacz Doczesnego u wiekuistego Szczęścia Zyczy*». Как следует из авторской подписи, «Житие» писалось в Бытенском монастыре («*Dat z Monastyra Bytenskiego Roku... 1686*») [42]. Святитель Димитрий Ростовский имел в своей библиотеке именно это издание, экземпляр которого он буквально испещрил различными пометами, свидетельствующими не только об интересе к содержанию книги как таковой, но и ее источникам и принципам работы составителя. Особенно интересовал Святителя текст итальянского жития, в котором сообщалось множество неизвестных ему подробностей.

Иосиф Петкевич в предисловии к польскоязычному изданию подробно описал свое отношение к образу св. Онуфрия, принципы своего писательского труда и его условия, а также дал различного рода комментарии к тексту, что сделало его сочинение в буквальном смысле строго научным, примеров которому в восточнославянской практике древней поры мы, видимо, больше не найдем [43].

Церковнославянский текст жития Иосиф Петкевич издал в Супрасльском монастыре десятилетием позднее, в 1696 г. Оно было озаглавлено «*ЖИТІЄ ПРНАГВ ЩЦА НШГВ ВЕЛІКАГВ ОНУФРІЇ ЦРЄВІЧА ПЕРКАГО ПЪСТІННОЖІТЕЛА, СПІАЊНОЕ ПЕРВЪЕ С: ПЛАНЪТІЕМЪ ІНОКОМ, НІКЪ ЖЕ ШМНОГІЪ ІЗВОДЪ ГРЄЧЕСКАГВ, РЫМСКАГВ І ІТАЛІЇСКАГВ СОБРАЊНОЕ СМІРЄНЫМЪ ОЦЕМЪ ІОСИФОМЪ ПЕТКЄВИЧЕМ. ЧІНЪ С: ВАСНАШІЪ ВЕЛІКАГВ СОВѢТНИКОМЪ І ІГЪМЕНОМЪ ЖІРОВІЦКИМЪ*». Издание содержало две гравюры на дереве, представляющие св. Онуфрия, выполненные в традиционной древнерусской манере, а также стихи в его честь, написанные скорее всего самим Иосифом Петкевичем, которому так полюбилися образ преподобного, над чьим житием он работал долгие годы в Белоруссии, в Пруссии и в Италии:

«Аще Онѹфрїѣ ѿг҃лаз житїемз ѿмлаада,
 ерафїѣ лубовїю, нѣсть емѹ ограда
 зѣмнаа дѹ; тѣ ѿ зрїѣ в гѹнїю добротѹ
 то ѿ радн Цѣскагѹ икѹ"тра принм тѣетѹ».

Как свидетельствуют наши наблюдения, житие св. Онуфрия, написанное Иосифом Петкевичем, стало достоянием сразу же нескольких народов, прежде всего белорусского, украинского и русского. Его церковнославянский вариант, практически лишенный каких-либо особых униатских черт, был, возможно, известен и в старообрядческой среде, о чем свидетельствуют некоторые заметки в виденных нами в частных собраниях старообрядческих рукописях. Безусловно, житийные произведения Иосифа Петкевича, посвященные св. Онуфрию, не только значительно обогатили многоязыкую литературную традицию его культа, но и стали источником для написания новых сочинений о преподобном. Наши последние экспедиционные находки рукописных фрагментов жития, являющихся списками с церковнославянского его варианта пера Иосифа Петкевича, заставляют предпринять определенную реконструкцию и ввести в широкий научный оборот полный текст этого единственного в своем роде древнебелорусского житийного памятника, который мы воспроизводим по уникальному экземпляру из собрания Библиотеки Народовой в Варшаве с сохранением основных особенностей оригинала.

1. См., напр.: Stredovski J. Sacra Moraviae historia sive vitae S. Cyrilli et Methodii. Salzburg, 1710. P. 231.

2. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 58.

Свидетельствами богатой тысячелетней истории Перемышля являются многочисленные археологические находки, собранные несколькими поколениями ученых. См., напр.: Koperski A. Dzieje

Przemyśla. T.I. Osadnictwo pradziejowe i wczesnośredniowieczne. Cz.1. Źródła archeologiczne do pradziejowego i wczesnośredniowiecznego Przemyśla: Katalog. Przemyśl, 2001.

3. Об этой сложной и весьма запутанной проблеме см., напр.: Fenczak A. Wokół początków bizantyjsko-słowiańskiego biskupstwa w Przemyślu: Kwestia istnienia organizacji diecezjalnej w księstwie przemyskim (kon. XI – I poł. XII w.) // Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1996. T. 3. S. 21–38.

4. Грушевський М. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. 2. С. 461.

5. См., напр.: Перемишль і Перемиська земля протягом віків: 36. наук. праць і матеріалів Міжнар. наук. конф., орг. Наук. Т-вом ім. Т. Шевченка в Польщі 24–25 червня 1994 р. в Перемишлі. Перемишль; Львів, 1996; Początki sąsiedztwa: Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów, 1996.

6. См., напр.: Петрушевич А. Историческое известие о церкви Св. Пантелеймона близ города Галича, теперь костеле Станислава оо. францисканцев, яко древнейшем памятнике романского зодчества на Галицкой Руси с первой половины XIII ст. Львов, 1881. С. 23–25.

7. Подробнее см., напр.: Pelesz J. Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom. Wien, 1878–1880. Т. 1–2; Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1990–2000. Т. 1–5; Bendza M. Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596–1681: Studium historyczno-kanoniczne. Warszawa, 1982.

8. Интерес греко-католического священства Перемышльской земли XVIII – начала XIX в. к церковнославянскому языку был явлением вполне закономерным. Язык этот всегда составлял основу древней кирилло-мефодиевской традиции, о чем прежде всего свидетельствуют многочисленные сохранившиеся памятники местной письменности, включая деловую. Любопытны примеры составления и переписки словарей церковнославянского языка на Перемышльской земле в XVIII в. (см. Сборник XVIII в., хранящийся в Муzeum Okręgowe Перемышля под № 46).

9. Щурат В.В. Копитар і еп. Ів. Снігурський // Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка. Львів, 1918. Т. 125. С. 184.

10. См., напр.: Українсько-руський архив. Львів, 1910. Т. 5. С. 172.

11. См., напр., первое польскоязычное издание этой его книги: *Gramatyka języka starosłowiańskiego* (Przemyśl, 1837).

12. Андрохович А. Иван Лаврівський // *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка*. Львів, 1919. Т. 128. С. 116.

13. *Inventarium Librorum vigore Legationis pro Varte Ecclesia Cathedralis Creco Catholica Premisliensis...* – *Archiwum Państwowe w Przemyślu. Akta Kapituły Greckokatolickiej w Przemyślu*. Sygn. 425.

14. *Archiwum Państwowe w Przemyślu. Akta Kapituły Greckokatolickiej w Przemyślu*. Sygn. 426.

15. Там же. Sygn. 49.

16. Там же. Sygn. 434.

17. Там же. Sygn. 427, 428, 429, 430.

18. Там же. Sygn. 431.

19. Подробнее см.: Мацюк Г. Прескриптивне мовознавство в Галичині (перша половина XIX ст.). Львів, 2001.

20. *Archiwum Państwowe w Przemyślu. Akta Archiwum Greckokatolickiego Biskupstwa w Przemyślu*. Sygn. 1, 2, 3.

21. Приведем образцы описаний-резюме содержания таких актов: «№ 147. Петр Могила. Митроп. Киевски похваляет делание Братства Св. Троицы в Перемышле. 2 апреля 1633... № 148. Универсал канцелярии Свято Троецкой в Перемышли призывает русское духовенство на съезд в городе Санок в деле греческой веры. Перемышль 1635». – *Archiwum Państwowe w Przemyślu. Akta Kapituły Greckokatolickiej w Przemyślu*. Sygn. 431. К. 49v.

22. Вот эта запись: «Сѣмъ же бѣгодохновенна кнѣга трѣшца постыла начата бысть в лѣто ш рождства Хѣба ОЛХНІ мѣца юна ВІ днѣ, совершижеца мѣца шктомвѣрѣа ДІ днѣ: в домѣ бѣгобожннѣа мѣжа иереа Симеона трѣдомѣа и прележаніемъ его блаженнымъ въ славу и хвалѣу едннобѣщннѣа и неразѣбѣимѣа трѣшца, шца ѣа ѣтѣо дѣа нѣѣѣа и прѣно нѣа вѣкоа вѣкомъ. Аминъ».

– *Muzeum Okręgowe w Przemyślu*. № 7080. Эта рукопись описана в известном каталоге Я.Н. Щапова: *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики* (М., 1976. Ч. 2. С. 63, 129).

23. Подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV – XIX вв. Минск, 1998.

24. Вот как он, например, определяет язык Учительного свангелия начала XVII в., описанного под № 50 (77): «Учительна Еван-

гелія в польсько-украї.-лемківським діалекті». – Archiwum Państwowe w Przemyślu. Akty Kapituły Grekokatolickiej w Przemyślu. № 438.

25. Рукописи Перемиської греко-католицької капітули в Народовій бібліотеці у Варшаві // Богословія. Рим, 1973. Т. 37. С. 193–213; 1974. Т. 38. С. 237–243.

26. См., напр., отчет И.С. Пальмова, напечатанный в «Христианском чтении» за сентябрь–октябрь 1883 на с. 71–81, а также: Розов Н.Н. Маловідомі джерела з історії української мови // Питання історії української мови. Київ, 1970. С. 176–186; Щапов Я.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 11–12 и др.

27. Spis zabytków architektury i budownictwa województwa przemyskiego. Przemyśl, 1984; Losy cerkwi w Polsce po 1944 roku. Rzeszów, 1997; Zabytki architektury i budownictwa w Polsce. Warszawa, 1998. Т. 33.

28. Вот что писал недавно по этому поводу известный исследователь Г. Бабинский: «... К Православной Церкви в Польше принадлежит около 200 тысяч украинцев и лиц украинского происхождения. Это означает весьма заметное увеличение в сравнении с межвоенным периодом. Это также является аргументом в том, что переход униатов, после фактической ... ликвидации Греко-католической Церкви после 1947 г., в Римско-католический Костел имел относительно незначительные масштабы. Это подтверждают исследования в Перемышльском воеводстве. Для местных членов Греко-католической Церкви переход в православие был делом вполне естественным. Важнейшим было для них подобия и язык литургии нежели доктринальные отличия между религиями». – Babiński G. Stan badań nad mniejszością ukraińską w Polsce // Polskie badania nad mniejszościami kulturowymi: Wybrane zagadnia. Białystok, 1997. S. 58. См. также его монографию: Pogranicze polsko-ukraińskie: Etniczność, zróżnicowanie religijne, tożsamość (Kraków, 1997).

29. В известном «Списке русских городов дальних и ближних», который М.Н. Тихомиров датировал концом XIV в., есть очень интересная запись: «Самьбор, ту лежить святыи Ануфрей» (Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95). Не исключено, что речь здесь идет о расположенном в 40 км к юго-западу от г. Самбора Лавровском монастыре и во всяком случае указывается, что в районе Самбора находятся мощи св. Онуфрия.

30. Лабынцев Ю.А. Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века. М., 1979. С. 43–44.

31. Biblioteka Narodowa. Сур. 106.

32. Примечательно, что находка в Капитульной библиотеке Перемышля подобного фрагмента кирилловской рукописи XIII–XIV вв., сделанная около столетия назад, стала тогда же предметом специального исследования. См.: Гординський Я. Слова св. Ефрема Сирина в перемиських пергаминових листках нач. XIV в. // Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка. Львів, 1918. Т. 126–127. С. 171–209.

33. Запись конца XVII – начала XVIII в. по листам книги-архива.

34. Запись XVIII в. в конце книги-архива.

35. Следует упомянуть, что перед началом Второй мировой войны ею интересовался перемышльський греко-католический епископ Григорий Лакота, записка которого, написанная 14 января 1935 г. в Перемышле, хранится в книге-архиве.

36. Лабынцев Ю.А. Предварительный список... С. 44.

37. Необходимо указать, что культ св. Онуфрия на Киевщине XVII в. являлся более чем заметным. Так, например, в киевском *Евхологионе* (*Требник Петра Могилы*) 1646 г. его изображение помещено рядом с изображением преподобного Антония Печерского, которому св. Онуфрий как бы покровительствует (см.: *Евхологион*. Киев, 1646. С. 891). Едва ли это можно объяснить тем лишь обстоятельством, что автор гравюры, монах Илья, был постриженником Святоонуфриевского монастыря во Львове.

Любопытно упоминание св. Онуфрия, современное созданию супрасльського жития, в грамоте 1697 г. патриарха Адриана Ильинскому Троицкому монастырю в Чернигове (см.: Браиловский С.Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб, 1902. С. 150).

38. Лабынцев Ю.А. Последний общеславянский писатель Дмитрий Савич Туптало и главная книга его жизни. Киев, 1989. С. 15.

Книга находится ныне в библиотеке РГАДА. БМСТ.2821.

39. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Собрание А.А. Титова. № 1902.

См. подробное описание этой рукописи: Ясиновський Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16–18 століть: Каталог і кодикологічно-палеограф. дослід. Львів, 1996. С. 211–212.

40. Подробнее см.: Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1910. Т. XXIII. S. 353–354; Т. XXIV. S. 20–21, 268.

41. См.: *Zywot przedziwny świętego oycy naszego Onufryusza Wielkiego krolewica perskiego pustelnika napisany po grecku od S. Pafnucyusza mnicha a teraz z różnych Exemplantow Łacińskich, z iednego dawnego Słowińskiego, z Greckiego Języka przetłumaczonych, a naybardziej z Włoskiego iako nayobstęznieyszego, w iedno zebrany. Y Polskim językiem z Przydatkiem godnych wiadomości po każdym niemal Rozdziale Notacji do druku podany przez Nay W. x. Iozefa Pietkiewicza Protoarchimandritę Zakonu S. Bazylego W: Hegumena Monastyra Nowicyackiego Bytenskiego. Z dozwoleniem należytey Zwierzchności. W Wilnie: w Drukarni Soc: Iesu.R.P., 1686.*

42. Вот как сам Иосиф Петкевич называет себя на л. 3 польскоязычного издания жития 1686 г.: «Sługa unizony y Bogomodlca, x. Iozef Pietkiewicz Zakonu S. Bazylego W. Protoarchimandrita Hegumen Monastyra Nowicyackiego Bytenskiego».

43. См. собственное признание Иосифа Петкевича на л. 50б–6 польскоязычного издания жития 1686 г.: «Ja co do mego Polskiego wykładu / lubom tego był przedsięwzięcia/ włoski tylko iako w sobie iest przetłumaczyc Exemplantz wszakże przeyrzawszy się w innych też Exemplantach Łacińskich / iako to Anonyma in vitis Patrum Metaphrasta v Surynsza, y Authora Florarij Sanctorum, choć in Fragmento v Rosweyda, także w Metaphraście z Greckiego na Słowiński język przetłumaczonym/ y w niektórych Fragmentach in vitis Patrum położonych/ a widząc że z nich większe światło wziąć może text włoski/ zniósłem go z pomienionymi Exemplantami y Fragmentami / y z nich nowy poniekąd Text złożyłem. Oraz różnice między textami w textcie naszym z nich że pogadziąc. Przydałem też za każdy niemal Rozdział pewne Notacje objaśniające trudniejsze słowa y miejsca Textu/ a drugie Przykładami z inąd wzięte potwierdzające. Cze iesli dobrze dokazał bacznemu mądrego czytelnika podać, do uwagi rozsądkowi. Do ktorey to pracy moiey powodem mi była moia iakażkolwiek dewocya ku temu. S. Oycowi/ y przykład wielkich/ a zacnych od świętobliwości y Nauki Pisazow/ a dopieroż y samego żywota tego Pisarza Pafnucyusza S.».

* *

*

ЖИТИЕ
ЦАРЬВНЧА ПЕРСКАГО
СЛАВНАГО ПУСТИННОЖИТЕЛЯ
С: ВЕЛИКАГО ОНУФРИЯ

ѢЖЕ

Досто́нный пáматн стна, Пусты́нокн ныхъ изникáтель; Прпбный
Оц Пафнѡтїи сказа снце:

Азъ Пафнѡтїи, сынъ Моначъ воѣдинѡ ѿ монастырей помыслихъ ѿ
житїи моѣмъ. Прїидеже мн велико желанїе изыти во пустыню, видѣти
сты ѿцъ, тамъ бгъ работáющихъ ко порвченїю и оутвержденїю
моѣмъ. Неѣлахъ задрá во единъ днїи, изыдохъ во пустыню, во емъ
мáлш съ собо́ю хлѣба и воды; дабыхъ не ѡслабѣ́ напути.

Шедшѡже мн нѣкїа днн, ѡбрѣтохъ пещеръ затвореннъ, и надѣла́
са ѡкн видѣти бѣ члвкъ, то́кохъ вздвѣри гла: Гдн Іс Хс Сїе Бжїи
помáдн нáсъ, блгословн Оце; и творѣ се немáлш чáсъ. Егдаже нн
едннэгъ ѡвѣта ннглáм слышáх, ѡверсо́ двѣри, и вше въ пещеръ, ѡверто́
члвкъ ѡкн намлѣтвѣ колѣнопреклоншася. емѡже егда прикоснѡхса, хо-
тáи вѡвдáнти, ѡбїе падѣ на землю, и въ прá разсыпáса: тáможе ви-
дѣхъ рнзъ ѿ листвїа финїкова истнãнъ. ѡже ѿ прикосновенїа моѣгъ
рãсыпáса. Праздмѣ ѡкн много бѣша лѣта, ѡнелнже той мѡжъ
стїи прстáвися ко бгъ: ѡже снѣм зсебѣ ѡналáвъ, собрáхъ и ѡвнѣ
костн стїа, и прокопá пѣсокъ, погребѡ́ ѡ, во млтвахъ и пѣнїахъ
ноци тѡю провѡдá. Вѡдрїеже ѡтѡдѡ́ наѡ гáдѡчáе во пустыню и нáдїи
колнкъ днїи, ѡбрѣтохъ ко вечерѡ́ дрѡгѡ Пещеръ затвореннъ. и прстá-
пн ко двѣремъ блвенїа прогá ѡкн и прѣде, но неслышáвъ ѡвѣта,

ниидоухъ вѣдѣтъ и никоогоже шѣрѣтъ, нещевѣ ѡкъ живыи во пещерѣ,
нзынде по своей емѣ потребѣ, ко мощнже возвратиса имѣтъ воюю
Пещерѣ, и чаахъ мѣтвѣ дѣла, и Шалтыръ чталъ.

Иѣ стадо обиволшвз черныхъ оузрѣхъ, и поирѣдѣ ихъ члѣка нага,
власы вегда покровѣна, иже вндѣвз ма оужагела, мнѣше бо ма дѣ
быти; егѡ радн на чѣ мѣтвѣ творити: ѡзже га внда, возопи кнемѣ
гѣла; Рабе Іѣ Христа Бѣга ншегѡ небойга, ѡз ем члѣк, ѡкоже и ты;
Ипозна ма члѣка сѣца, припадѣ ко мнѣ, и преклѡнише колѣна. дрѣгъ
дрѣгѣ чѣсть творѣхова по обычаю Минншекомѣ, Поѣем ѡнз рече
ѡмнны; нводе ма во пещерѣ свою гѣла: какѡ гѣмѡ, и чево радн приде
Пафнѣтѣи братѣ мой.

Иѣ же слышавз ѡкъ по имени моѣмз наречѣма, оужасѡхса;
Ивзавѣнѣе самагѡ себе приидѣ; Но помѣлѣ времени прише вееѣ, ка-
зѣхъ чеѡ радн ѡ монастырѣ нзындѣ, ѡкъ нщѣ Рабз Бжннхъ, дабыхъ
вопрѣмъ былаз, вомзѡдѣ трѣдѡшвз, неагнхъ дѣ ѡхъ.

Поѣемз ѡз егѡ вопрошхъ, какѡ гѣмѡ приде, и колѣко время
здѣ пребывѣетѣ; ѡнже мнѣ шѣца гѣла: ѡз братѣ перѣѣе пребывѣхъ
воѣднѡм ѡ Монастырѣ во Оѣвандѣ, слѡжа Бѣгѣ оуѣрднѡ, и со
прѡчнми Інѡкн кошннцн, и краѣтнкн дѣлаахъ, блѡгодѣтѣла Бѣга. Во-
ѣднѡже время помыслихъ, ѡкъ аще бымз ѡсѡбз ѡмоѣдннз ѡвнтѣлаз,
вѣщшѡю быхъ мзѡдѣ шѣрѣлаз прѣдз Бѣгомз, и шшѣдз ѡ братѣи ѡздаахъ
себѣ кѡшѣ, внѣйже ѡмз ѣдннз пребывѣа, дѣлаахъ кошннцн и краѣтнцн,
нѡ тогѡ рѡкодѣлаа, имѣхъ довоу нѡ брашна, аѣже мнѣ нзѡвѣловѣ, даѣ
Ннщнмз, нмннѡщнм пѣннѡм; ѡбѣче крагъ дѡшз ншыхъ завнда мнѣ
таковагѡ жнѣтѣи и мзды оу Бѣга, прѣлѣтѣю своей началозѡбѡноу, не-
брѣжѣнѣемз же моѡмз, вринѣ ма воелнѡкѡу пагѣбѣ, внѣйже нѣкое
время лежѣшѣ мнѣ, вѡпомѡнѡхъ погнѣвѣл мой; смрѣть, сѣдз Бжнн, и
мѡкн вѣчнѡа во адѣ. Ирѣхъ во шѣцы моѣмз: Гѡре мнѣ ѡ дѡше моѡ;

но что плачь; оу немнѣ ест востати, не бѣжати видѣтыню шрѣхъ: и ѡбѣ
 оубави все ѡже имѣхъ, Придохъ всю пѣтыню и члѣ обрѣгохъ пе-
 щерѣ, и стѣнникъ, и финникъ, и знегѡже плодъ, во пищѣ ми ест.
 Ризы же моѣ обѣшавше содрашася и испадѡша, и такъ едними
 токми власы главы моѣа, покриваю оуды моѣ, лѣтъ Тридѣтъ за
 жива. Вопросихъ же егѡ аще оубо и значала имѣаше кѡи жестокость,
 или каковаа нападѣнїа, и смущенїа дїаволикаа. Ѡвѣщамн: такъ не-
 перва тѣкїа, и не оудобъ ноумыа претѣпѣхъ мѡки видѣтъ, ѡкъ возы-
 вѡа ко бгѣ, по земан валѣтнїа нѡдїамъ бывахъ. Такожде и ѡ дїавола
 понеоухъ тѣкаа насилїа, и кѡшнїа и борѣнїа; имъ же мѣтвми
 вѡрѣже прѣодолевѡ и крѣпѡла. Временѣ же велми немощенъ сїи, на
 земан валѡса болѣнъ лежахъ, ничтѡ же ино чаѣ токмо смрѣти; и се
 прѣстѣми прѣвѣтлїи мѡжъ, и же вземъ ма зарѡкъ, ѡземла воз-
 двїе же гла: чтѡ естъ, и каати бѡбѣнъ брате; азъ же рѣхъ ѡкъ
 оутрѡбою сѣлау страждѣ; егда же вопроси: и дѣ же ми болїтъ; показахъ
 емѣ. Сѣи же мѡжъ рѡкъ вѡложнїа ма, по емѣ перьеты совокѡплѣны-
 ми, ѡки брѣтвѡю ѡверзѣ ми бѡкъ, и и звлечѣ оутрѡбѣ совелїю сѣлау
 болѣзнїю моѡю, и показамн ѡкъ все бѣ и зранѣнна ѡзвѣ и стрѣп по ма,
 и всѣ согнїла. И обрѣзавъ рѡкою стрѣпы и согнїтїа, пакн во своѣ
 мѣсто вложнї оутрѡбѣ, и азъ нїтѣю сошнѣ, и сотвори Крѣтъ гла: се
 зарѡкъ еси ктѡмѣ неогрѣшїи, данегорїе чнъ бѣетъ. Бл҃гн бгѡ и рабо-
 тай емѣ, стрѣстемъ же твоѡ мѡжески сопротивлѡнїа, сїа рекъ ѡнде.
 И ѡтогѡ днѣ бѣхъ ѡвѡкоа болѣзни, и стрѣти вѡбодѣнъ. Се же ми
 Пафнѡтїю повѣдаа, показѡ знаменїе ѡзвы такѡде и нгѡлѣ еѡже бѣ
 ѡзва вѡкъ сошвѣна. И рѣхъ чтѡ ти естъ и ма; ѡвѣщамн: и ма ми естъ
 Тимодеї; помани ма брате и молиса ѡ мнѣ, ѡкъ да гдѣ бгѣ испо-
 нитъ во мнѣ все хотѣнїе своѣ. По емѣ азъ Пафнѡтїи, припадѡ ко но-
 гамъ егѡ, молихъ ѡкъ дѡпомолиса ѡ мнѣ, и подастъ ми бл҃гвенїе, еже

ползчих и шидохъ съвселею, дмече въдетию. Въпдтиже помышлѣ
ш житїи моѣм, и житїи сегѡ прѣнника, ѣкѡ ѣзѡ ннчесѡже сотвориѡхъ
кѣгоподобно, и нн ѣдиноже ѡдолѣнїе въподвѣгахъ моѣхъ прогнѡво
сугрѣтѣ сотвори, и вѣхъ помышленїѣ: нѣкѣѡ днн прекыѣхъ, глѡкоче
ндохъ въпдчгнїю пдтѣ, нн шкогѡ прошѣдхнїимъ. Почетгырехъ днѣхъ,
ѣгда мнѣ ѡкъдѣ хлѣбъ нводѡ; начѣхъ скѡрѣчтн, ѣко ѡслабѣхъ сѣлѡ,
нндохъ нземаю смртн ѡжнѣѡ. Нѣе внезапно оузрѣ преомною мѡжа
прекрѣна, и превѣтѣла, ѣгѡже сѣлѡ оубоахѣса; ѡбѣче ѡнъ кѡмнѣ
люкѣнѡ приклѡнѣа поѣднѣ рѡкѣ, нногъ, нѡустрѣнъ моѣхъ клѣса, нзнѣ
магѡуца мѡ вѡсугрѣнн, тѣкѡ, ѣкѡ ѣбѣ чѣкмъ вндѣнїемъ оубрѣпаѣн,
нвселеѡ нпо нѣнъ вѡсгѣ снленъ, пѣкн днн четгырн пдгъ шестѡвѡхъ.
Ѣгдаже нпо сѣм ѡслабѣхъ, пѣкн бгѣ послѡ тогоде мѡжа; нже мѡ, ѣкѡ
пѣрѣте оубрѣнн.

Въ днѣ же сѣдмннадесѣтнѣ шнхѡдѡ моѣго нз Мѡнастырѡ, ѣгда
оубрѣдѣса почнѣхъ, оузрѣхъ нздмѣче мѡжа сѣлѡ сугрѣшна, нага, вѡлѣы
ѣкѡ снѣгъ бѣлѡ покрѣтѡ, нполѡдѣѡ вѣтѣѣ лнчѣбѣннѣ прѣпоѡсѣна,
нѡубѡѡса начѣ бѣжѣгн нгѡрѡ вѣсѡкѡ, нгѣлѡмъ бѣштннѣ дрѣвѣа сокрѣѣа.

Ѣнже оубрѣдѣса, бѣ ко сугрѣа вѣлнн, вѣрѣже полднѣ настѡѡше
сегѡ рѣдн вѡзѣже нземанн вѣтнн гѡрѣ нполѡлѣ вѣремнн, вѡвѣдъ гѡлѡвѡ
и оубрѣбѣхъ мѡ, вѡглѣнн: рѣѣ бѡжїи невѡнѣа снндн кѡмнѣ, Пѡнеже н ѣ
ѣмъ чѣбѣкъ лѡ вѣ рѣдн, бѣѡнн, и снѣнѣѡ дшн моѣнъ зѣ бгѡ ракѡчѣѡ.

Нѣѡ слышѣхъ оубрѣшѣнъ, и нстрѣзѣнъ, скѡрѡ снндохъ, и прнпѣ ко
ногѡмъ ѣгѡ пронѣхъ процѣнїѡ, Ѣнже вѡбранѣѣа моѣго пѡлонѣнѣѡ, гѣлн:
вѡсгѣнн снѣе, пѡнеже рѣѣ бѡжїи ѣнн ндрѡгъ сѣтѣхъ; Нмѡже чѣкѣ ѣстѣ
Пѡфнѡгтїи; нвѡсгѣѣ ѣкѡже мнѣ повѣлѣ, нвѣдѡ прѣннмъ гѣлѣхъ: сѣ нполнн
чѡѡнн жѣланїе моѣе, нже мнѣ вѣсѣн пѡсгѣннн прѣзднѡѡше, нхранѡше мѡ,
оубже кѡ нзнѣмѡшѣа оудѡ моѡ, нпо ннѡуѣѣа дѣвннѣ рѣдѡсгн; Ѣбѣче
дшѡ жѣдѡшн до сѣлѣ, ннѣкѡже нмѣ прѡхлѣдѣѡ дѣвннѣгѡ, сегѡ рѣдн Ѣнѣ

сѣи́и моаи тѣ, и́тѣмъ е́гѡже любѣ рѣди, всѣи́ пѣсты́и жи́еши за-
кланѣи, ѣкѡ да исповѣси мнѣ: Ктѡ ты еси́; коѡ е́сть И́ма твоеѡ; ко-
ли́кѡ лѣтъ всѣи́ пѣсты́и жи́еши, и́коѡ твоеѡ е́сть жи́тїе; Ви́да́же
сѣи́и желѣнїе моѡ, ѣкѡ вохотѣ́ оубѣдѣти жи́тїе е́гѡ, рече́ ко́мнѣ.

Бра́те возлюбѣне, понѣже желѣеши оубѣдѣти жи́тїе моѡ, и́повѣи́и
ѣже хотѣ́дѣ, и́многѡ тѣпени́ заѣ и́справѣхъ, послѣша и́внѣмаи, ѣкѡ
всѣ́ тѣ и́спѣва и́спѣи́и исповѣмъ.

И́ма мнѣ е́сть О́нѣфрїи, лѣта и́чнѣи́и всегѡ жи́вотѣ моѡго сед-
мѣса́ и́спѡи́ена; всѣи́ же пѣсты́и трѣжа́и́са лѣтъ Шѣ́дѣса́тъ, мѣсто
хлѣба́ о́вошїемъ и́зелїемъ пита́са, никѡгоже ѡчлѣвкъ заѡ до́елѣ ви-
дѣ́хъ, развѣ́ твѣ́ днѣ́, и́же послѣ́и́и е́и ѡ́ бѣ́а погрѣбѣти тѣ́ло моѡ.
Сегѡ́ рѣди́ ѣще́ ма́ терпѣ́и́и послѣ́а́ти вохотѣ́еши, исповѣ́ти порѣ́дѣ
всѣ́ моѡ жи́тїе, ѣкѡ да всѣ́къ слѣ́ша́и, и́ли́ чѣ́аи, по́лзѣ́ и́мѣ́еть,
и́прїи́мѣ́ о́бра́ ѡ́менѣ́ пока́нїа.

ѡ́цъ мо́и е́сть Црѣ́ Перїѣ́скїи, но́ понѣже е́сть безча́денъ, сѣ́ла же-
лѣ́ше и́мѣ́ти сїа́, и́е́ помне́зѣ́ лѣ́тѣхъ зачатѣ́ ма́ Мѣ́теръ моѡ, но́
дї́вола́ завѣ́да, и́возѣ́ранї́ти хотѣ́ са́мѣ, во́бразѣ́ стрѣ́ни́и прїи́е́ца
и́е́коегѡ прїи́де ко ѡ́цѣ́ моѡмѣ́, глѣ́, вѣ́жда́ Црѣ́, ѣкѡ́ Црѣ́а́ пло́дъ и́же
всѣ́ѣ́ но́и́тъ, неѡ́тѣ́е́ но́ ѡ́ е́днѣ́агѡ ра́вѣ́ и́ма́ть твоѣ́хъ. ѣ́ще́ и́з-
вѣ́стїе́нъ бы́ти хо́щеши, со́твори́ и́же́ тѣ́ рекѣ́: е́гда́ ро́днѣ́а о́тро́ча,
повѣ́а́ е́ во́огнь́ ко́врѣ́и, ѣ́ще́ не́згорѣ́ть, зна́менїе́ и́мѣ́ти бѣ́дѣ́и
ѣкѡ́ твоеѡ́ о́тро́ча́ е́сть. Оубѣ́рнѣ́ са́мѣ́ во́ прѣ́стѣ́ѣ́ сїа́ ѡ́цъ мо́и, и́
тѣ́ла́ше́ сїе́ всѣ́ѣ́, со́многѡ́нъ жа́лостїи́; е́гда́же́ ро́днѣ́а, повѣ́а́́ Црѣ́
вѣ́лїкѣ́ о́гнь́ во́гнѣ́тї́ти, и́во́нь ко́врѣ́и ма́. Но́ бѣ́з всѣ́нїи́и со-
тво́рнѣ́, ѣкѡ́ ѣ́е́е вознесѡ́хъ не́моци́и рѣ́це́ моѡ, ко́ не́се́мъ, и́ не́вѣ́р-
дѣ́нъ прѣ́вѣ́хъ ѡ́огнѣ́а́ пла́ща. Ви́дѣ́же́ сїе́ ро́днѣ́а́ моѡ, оубѣ́мнѣ́са,
и́повѣ́а́ ма́ ѡ́пламене́ и́сторѣ́нѣ́ти; и́е́ а́ггѣ́а́ гдѣ́и́а́ о́блчѣ́а́
ѡ́ца́, ѣкѡ́ дї́вола́ и́прѣ́лѣ́стнѣ́ е́гѡ́ послѣ́ша́, и́ рече́:

Воспрійми ѿроча, и вѣдѣз наколеннѣѣ градн снѣмз, и дѣже тѣ Бѣз
повелѣтз. На Крещенїи же наречешн Имя емѣ Онуфрїи, и немат
Собоца прїятн дождеже Бѣз и звѣтитѣ.

Устраниша Црѣз вначѣнемз, и наказанїемз сим, соборн тѣкѣ ѣкоже
повелѣ емѣ Ангелз Гднѣ, взѣ ма ѣвїе и з Града и зыиде взгоры егн-
пекїа, и авнїа лѣнн еѣла ѣже Бѣз послѣ, даждет мнѣ вмѣстѣ
доилци, сегѣ радн етѣ прѣ намн показѣа ѣкѣ хощетз доенїе дѣтн
дѣтнцѣ; И дѣше снѣмн прїтѣа ма млекома своим, и познѣ Оцѣ моѣ
и нѣ и прозрѣнїе Бжїе ѡ мнѣ, и ѡвсѣмз блѣга Бга, прнвѣхомз воград
Ермаполз, и дѣже блнзз града еѣ Монастырз речѣнн Герѣты. Внѣмже
еѣ Инокѣ, Чнло стѣ; И хѣже Архнмѣдрнтѣ ѿкры прншѣвїе нше, сегѣ
радн совѣмн Инокн и зыиде во стрѣтенїе Оцѣ моѣмѣ, и же всѣ под-
рѣбнѣ сказа ѣже ѡ мнѣ преднвнѣа; И ѣкѣ еѣт вѣла Бжїа, да ма
втомз Монастырѣ оутѣвнтз онн же рекѣша: Какѣ се мѣцно бытн
имѣть, Понѣже жѣны внашз Монасты ѣвхѣдат, ѡтрѣчѣже какѣ
воспнтѣно бѣдетз: ѿвѣща Оцѣ моѣ, ѣкѣ се чѣдѣнѣ доелѣ пребыѣ,
тѣкѣ и дѣже до кѣца лѣнн сѣа бѣдет прнѣтѣющн ѣ. Сѣже слышѣвз Ар-
хнмѣдрнтз прїятѣ ма, Оцѣ же совлѣрнѣе поклѣса, и блѣвнїе воспрїи,
ѿнде во вѣла сн. Лѣннже пребывѣа во пѣртынн прнходѣше повѣа днн и
прнѣтѣа ма, дѣже до трѣхз лѣтз; И познѣхз егда прѣтѣа прнходѣтн прн-
тѣтн ма, и з хѣдѣнн ко келарѣ прнма снѣное. Егдаже оупѣхз во
лѣтз сѣдмз, ѣкоже ѿвѣкло бысть мнѣ, прнхѣдахз ко Келарѣ и прѣ-
шѣа да мн дѣстѣ хлѣба частѣ, ѣже прѣем ѿхождѣ ко Цркѣвѣ, и дѣже еѣ
Икона Прѣтѣа Бѣа ѿкамене и сѣчѣна. Конѣнже прнходѣ, сѣа словеса ко
лѣз глѣх: такѣ енн и тѣ ма лѣз ѣкоже лѣз. Но мнѣ келарз всѣгда прѣ-
сѣщемз подавѣетз хлѣба, и ѣ Тебѣ же ннктоже прнноснтз. Прїимн
оубѣ ѿ менѣ и ѣжа сомнѣн. ѿрѣчѣже. Бжѣствѣное прѣстѣтнма рѣкамн
хлѣбз ѿ менѣ прѣешн, и дѣше ѣкѣже мнѣ. Увѣдавѣже таково чѣдѣ

Келаръ, исповѣ Архимандритъ, тойже повелѣ, даре́четъ мнѣ келѣ, ѣгда
 кнемъ прїидѣ просїти хлѣба: Идѣ во Цркви ко Ѡтроцѣти, ѣгѣже вѣгда
 пнѣаѣши, даѣти Ѡно даѣтъ своѣгѣ хлѣба. Язѣже прїшедѣ ко Иконѣ,
 рекѣ Ѡтроцѣти: Повелѣ Келаръ, дами ты даѣи своѣгѣ хлѣба, и ѣбѣ
 Сїа Бжїа Образъ подаѣтъ мнѣ вѣ мнѣ бѣлый, непрекрасный хлѣбъ, то
 великъ, ѣкѣ ѣда вѣмогоу понерти. Архимандрита же со вѣсми ино
 ки видѣвѣ таковѣ чѣдо: ѣкѣ прїнесѣ нѣахъ сѣи хлѣбъ, нача бл҃г҃рѣти
 Б҃га, ѣже днѣвнѣ ѣтъ вѣсѣхъ дѣлѣхъ своѣхъ, и азѣ вѣнѣ Бжїи,
 кѣпнѣ сїими бѣхъ хвала Б҃га. Иѣбѣ вѣи хотѣхъ, дабыхъ былѣ оунихъ
 Архимандритъ, ѣще бы недѣтнѣи вѣраѣтъ нѣѣта моѣ быша запѣтїем.
 Разумѣшабѣ ѣкѣ нѣсѣмъ чѣвѣкъ нѣ Иг҃лаз.

Здѣ долѣю повѣѣтъ творѣше ѣжнѣти Ѡннѣ бл҃гословѣныхъ Ино
 коѣ, ѣхъже быѣтъ ѣднѣномыслѣ, ѣднѣно сѣце ѣднѣн дѣхъ, ѣднѣна вола
 бл҃гѣоуѣгѣнѣ творѣти прѣ Б҃гом; вѣи моѣчѣнїе хранѣхъ сѣлѣм, оуѣтъ
 ннѣктоже смѣлѣше ѣверѣти, токъмо чѣтѣ быѣтъ напоѣрѣѣ, и вопро
 шѣющѣм наѣвѣѣ, нѣ и сѣ со кроѣторѣтїю, и вѣкѣаѣѣ. Сїи ѣцн нѣвѣтїа
 наоуѣнѣша мѣ писменнѣ, и вѣѣри ѣже во Хр҃та. такъдѣ Гдѣ Бгѣ оуѣгѣнѣ
 слѣжнѣти, и ннѣчѣски жнѣти. ѣгдаже множнѣцею слышѣхъ ѣхъ вѣсѣ
 дѣющѣ, нѣоуднѣвѣающѣсѣ, ѣ прѣчѣданѣм жнѣтїи во пѣсѣтнѣи Ілїи Пѣрка, и
 Сѣтѣм Іѣлѣна Кр҃глѣ; рѣхъ коннѣм: Прѣнѣнїи моѣи чѣстнѣи ѣцн, поѣтѣ
 такъ оуднѣвѣетѣсѣ снѣхъ Сѣтѣхъ жнѣтїю во пѣсѣтнѣи. Ябѣо лнѣ во пѣс
 тнѣи жнѣвѣщнѣи бошѣнѣи сѣтъ прѣ Б҃гом пѣче вѣсѣ ѣже во Мѣнастѣрѣ
 жнѣветѣ; ѣвѣѣцѣаши мнѣ: во нѣтнѣнѣ чѣдо такъ ѣтъ; Пѣнѣже мѣ во со
 брѣннѣи жнѣвѣщнѣи навѣаѣкъ днѣ дрѣгѣ дрѣга вѣднѣмѣ, нѣоуѣѣшѣсѣм; вѣвѣрѣмѣ
 ѣденнѣм, гѣтѣво на тапѣзѣ ѣвѣрѣѣтѣем брѣно, Яѣще пѣболнѣтъ кѣтѣ
 ѣнѣаѣзѣ нѣнѣ на дѣшнѣ, нѣнѣ на телѣснѣ, Яѣбѣ брѣтїа солѣвѣвнѣо слѣжнѣтѣмѣ
 боѣномѣ оуѣгожѣдѣнѣтъ. Мѣи во кѣлѣахъ ѣбнѣтѣемѣ, да нѣвѣдѣ во днѣ
 жѣгѣмѣ знѣем, сѣтѣденнѣоже вѣ ноїнѣ, ннѣже прѣтѣпѣвѣем додѣз, вѣѣѣрѣз,

нѣвѣаѣ вѣрѣ нѣсопротивленіе. Пѣтъинициже ничтѣ таково нѣмѣютъ,
коуѣпокоенію нѣ, нѣ во болѣзнѣ, и корѣвѣхъ нѣтрахованіахъ помощи ѣ
Бѣга самѣгѣ желаніѣ нѣ нѣцѣ. Таковыхъ бѣвѣдъ нѣповѣстѣй множицею
погладшаюцѣ мнѣ Ондѣрїю, ворѣци моѣмъ начѣхъ помышлѣти еѣа сло-
вѣа бѣвѣдъ прѣпѣныхъ Оцѣ, ѣже дѣши моѣнѣ слѣчайши творѣхъ пѣче
мѣда нѣсѣта, нѣ ѣ подвѣнѣа тогѣ разгорѣа во мнѣ Огнѣ, нѣ нѣзмѣннѣа
вѣсь, ѣки быхъ во нѣномъ мѣрѣ. Сегѣ раднѣ во еднѣнѣ нѣощѣ рѣнѣ во-
тѣхъ, нѣ взѣмъ малѣ брашна на трѣ днѣ, нѣзынѣдохъ нѣзѣ Монастырѣ вѣрѣ-
чѣа прѣомнѣа Бѣжїю, нѣтогѣ еднѣнаго во прѣводнѣтелѣ себѣ нѣбраа,
донѣаже постѣвнѣтѣ мѣа намѣстѣ ѣже менѣ раднѣ оѣготовѣа.

Ѣгдаже оѣданихъа бѣгѣа ѣмонастырѣ, прѣнѣдѣ вѣ Горѣ нѣ вѣ тѣмнѣю
пѣтъиню, нѣдѣже вохотѣхъ прѣывѣати. Но ѣбѣ оѣзрѣхъ прѣдомнѣю
прѣвѣтлѣнѣ стѣолѣзѣ Огнѣнѣнѣнѣ, нѣ оѣжаоѣхъа помышлѣа, ѣкѣ мнѣ воз-
вратнѣнѣа подобѣетѣ во монастырѣ, нѣзѣ негѣже нѣзынѣдохъ, Нѣѣ ѣ
просѣанѣа Онагѣ свѣта, нѣходѣнѣ прѣкрѣнѣнѣнѣ прѣдѣнѣнѣнѣ мѣжѣ прѣстѣпнѣ
комнѣ гѣа: Рѣдѣнѣа нѣ вѣелѣнѣа Ондѣрїе, мѣрѣ Бѣжїи двѣдѣ стѣобѣю,
небоиѣа, ѣзѣ ѣмъ нѣгѣлѣзѣ Бѣжїи тѣвѣ ѣ рѣдѣтѣа тѣвоѣгѣ хрѣнѣтелѣз,
нѣпрѣводнѣтелѣзѣ ко нѣнѣ ѣ Бѣга дѣннѣнѣ, дабѣ стѣобѣю бѣа вѣгда, дѣже до
смѣртнѣ. Сѣже нѣ днѣ хѣщѣтѣ Бѣгѣ, дабыхъ тѣа прѣвѣлѣзѣ на мѣсто ѣже тнѣ
самѣзѣ оѣготовѣа. Сегѣ раднѣ вѣдѣнѣ совершѣнѣзѣ, хѣдѣа во смѣрѣнѣнѣ прѣ Бѣгом,
пожнѣнѣ бѣпорѣка, донѣаѣже дѣшѣ тѣвоѣ постѣваю прѣанѣцѣмъ Прѣтѣла
Бѣжїа.

Сѣа гѣашѣ пѣтъшѣствѣа со мнѣю поприцѣ шѣеть, донѣаѣже
прѣнѣдохѣа ко вертѣнѣ сѣлаѣ краинѣ, до негѣже прѣелѣнѣжнѣхъа, по
ѣобычѣю мнѣнѣшѣкомѣ просѣа вѣлѣвѣнѣа. Нѣѣ нѣзынѣде мѣ Сѣтѣнѣ Образомъ
вѣлѣпрѣемѣнѣзѣ; Ѣгѣже ѣзѣ Ондѣрїи вѣдѣвѣзѣ, пѣдохъ оѣногѣ егѣ, Онѣже
мѣа вѣдѣнѣзѣ ѣземлѣа, нѣ цѣлобѣвѣзѣ лѣбзѣнѣемъ мѣра, гѣа Ты еѣнѣ брѣ
моѣнѣ Ондѣрїи, ѣже нѣмѣашнѣ мнѣ бытнѣ ѣбѣщнѣнкѣ, нѣ подражѣатѣлѣ, жнѣтѣа

пѣтыишжнѣ нагѡ. Нвзѡтѣ мѡ зарѡкъ глѡ: вѣидѡ чѡдо, да дѡстѣ тѣ
Бгѣ ѡкѡ да дѣла ѡвоѡ бѡдѡт прѣмѡтна прѣлицѣмѡ Гдѣи. Нвшедѡ снмѡ
во вертѣпѣ, ѡ прѣбѣхѣз мнѡгн днѣ прѣпочнѡбѡ, ѡ поуѣчѡсѡ ѡнегѡ пѣ-
тынагѡ жнѣтѡ, ѡже мнѣ подѡбѡше рѡзлнѣныѡ, ѡ спѣнтѣныѡ совѣты,
кѡкѡ нмѣ кѡзнн дѡвоѡскѡ побѣдѡтн.

Ѣгдаже сѡ днѣ нпѡнншѡсѡ сожнѣтѡ ншегѡ, вѣдѡ Прѣпнѣи во-
мнѣ дѡ прѡвѣщѣнѡ, рѣчѣ комнѣ: Чѡдо, вѡстѡнн грѡдн помнѣ, дѡтѡ
прнвѣдѡ во глѡбѡчѡншѡю пѣтыню, ѡпокажѡ тѣ мѣсто, ндѣже хѡцѣ
Бгѣ ѡвѣтѡтн тѡ смѡгѡ ѡднѡгѡ; нвѡстѡ ндѡхѣ по нѣм днѣ четѣрн,
нноцѣнѣ тѡкѡде. Вѡпѡтѣнѣже днѣ прѣндѡхѡмѡ ко вѣтѣпѣ ндѣже бѣ хн-
жнѡ, ѡ прннѣ дѣво фнннѡково, ѡ нѡтѡннѡ. ѡ ѡвѡрѡщѡсѡ комнѣ глѡ: Сѣ
чѡдо мѣчто ѣтѣ, ѣже тѣ оѡгѡтовѡ бѣ, ндѣже вѡднн жнѣтн нмѡшн, ѡ
бѣтѣ сомнѡю нѡсѣм мѣстѣ днѣ трѣдѣсѡ, поѡчѡл мѡ, кѡкѡ ѡпѡснѡ
подѡбѡше мнѣ жнѣтн. Ѣгдаже хѡтѡше ѡменѣ ѡнѣтн, вѡпрѡснхѣ, ѡ нменн
ѣгѡ; Прѣчѣ Нмѡ моѣ ѣтѣ Ѣрьмѣн; нсѡ рѣкѣ помлнѡсѡ вѡчѡл мѡ Бгѣ,
сѣбѣже моѡм молѣвѡмѡ, ѡ тѡкѡ ѡнѡде во своѡ Кѣлѣю. Поѣсѡмѡ навѡкѡ
лѣчто, ѡднѡю прнхѡдѡше ко мнѣ; ѡ по нѣкѡнѣ лѣтѣ, ѣгда прѣнде поѡвѣ-
щѡл мѡ, вѡмѡм мѣдѡгѡ нѣмѣ нам цѣловѡннн, пѡдѣ нѡзѣлю ѡ Бгѣ дѡхѣ
прѣдѡдѣ.

Вѣдѡже ѡзѣ сѡ ѡпѣчѡлн пѡдѡ нѡземѡю, ѡ пѡкѡ сѣлѡ ѡцѡ
моѣгѡ, ѡмѡвѡбѡ слѣзѡмн чѣенѡе тѣло ѣгѡ, ѣже нпѡгрѣвѡхѣ сѡпѣннѣмѡ
нмѡтѡвѡмн по ѡбѡчѡю Хрѣтнѡдѣкѡмѡ.

Сѣгѡ поглѡшѡл ѡзѣ недѡгѡтѡнѣи Пѡфнѡдѣтн, рѣхѣ ѡнѡфрѣю: Ннѣ
порѡзѡмѣвѡю ѡчѣ моѡ сѣгѣн, кѡковѣ трѡдѡ понѣсѡз ѣнѣ вѣсѣн пѣтынн;
ѡвѣщѡлн ѡнѡфрѣн; вѡнѣтнѡнѣ брѡтѣ мнѡгѡ прѣтерпѣхѣз, нскѡшѣннн,
нкорѣн, нѣмѡщн, пѣчѡлн, нѡтѣнѡннѡ ѡкѡ мнѡгѡдѡ чѡлхѣ оѡжѣ оѡмрѣтн.
Нчто рѣкѡ ѡлѡчѣтѣ, жѡждѣ, знѡнѣ, нѡтѡдѣнн ѡже прѣтерпѣ; нѡ Бгѣ
крѣпокѡ оѡтѣшѡвѡл мѡ вѣсѣлнѣм дѡхѡвнѣ, ѡкѡжѣ вѣдѡ трѡдѡ моѡ

ОНЪ СМЪЗ ПОДАДЕ МНѢ Н ТЕРПѢНІЕ. СГДАЖЕ ОДѢАНІЕ СМЕНЕ ПАДЕ, ПОКРЫ-
 МА СМН ВЛАГЫ ІАЖЕ ЗРНШН; НО Н НАВРАКЪЗ ДНЪЗ ПРННОШАШЕ МНѢ АГГЛЪЗ
 ЕДННЪЗ ХЛѢБЪЗ, ДАБЫ ТѢЛО МОЕ, ВІЛАХЪЗ ВЪХВАЛЕНІЙ БЖІИ НЕИМЕОГЛѠ.
 ИТАКЪ ПИТАШЕ МА БЛГІИ БГЪЗ ЧРЕЗ ТРНДЕСАТЪЗ ЛѢТЪЗ. ПО ИХЪЗЖЕ ПАКН
 ЛѢТЪЗ ТРНДЕСАТЪЗ ІАЖЕ ИПОНИХЪЗ, ПИТАСА ШЕИХЪЗ ФНИНЪЗ, Н Ш ЗЕЛІА
 ПОВЪТИАГѠ. СІХЪЗЖЕ СЛОВЕЪЗ ПОЛАШАА РѢХ КНЕМѠ ШЧЕ БЛГІИ: ВО ДНѢ
 СЪТІА, Н НДЛН ІАН СЪБЕШЪТЫ, АЩЕ КОМКАНІЕ ШКОГѠ ПРНЛЕШН; ШЪЦІА:
 АГГЛЪЗ ГДНЬ ПРНХОДНТ КОМНѢ, Н Ш ЕГѠ РѠКѠ ПРНЛЕѠ Н ЖИВОБОРАЦІА
 ДАРН, ТѢЛА Н КРѠВН СПІИТЕЛА НШЕГѠ ІЕ ХРІТА. СЕРѠЖЕ ОУТѢШЕНІА
 ДХВНАГѠ ОБѢЦНИКАМН СЪТЬ ВІНЪ СЪТІЙ ВОПЪСЪТИИ ЖИВЪЦІИ, Н В ТОЙ
 ДНѢ ВОИЖЕ ПРНЧЪТІА ДАРН ПРНЛЕМ, БЛГІЮ СЪТІГѠ ДХА ИПОИЕНН, НИЖЕ
 АЛЧЕѠ, НИЖАДѠ НИЖЕ ИИЮ, ІКОБЪЗ, ІАН ІКЪШЕНІЕ ТѢПНМЪЗ, ПАЧЕЖЕ Н
 ПРЕЖНИХЪ ЗАБЫВАЕ. АЩЕЖЕ НЕКОЕМѠ ШНАЪЗ ЖЕЛАНІЕ НАДЕ ВѠВЕСАИТИСА
 ДХРВНѢ, АБТЕ ШНЕСЕНЪЗ БЫВАЕТЪ Ш АГГЛЪЗ НА ОБЛАЦѢ, ДАЖЕ ДОРАѠ,
 НЕИАНТЪЗ СЛАВѠ СЪТІХЪЗ. И ПОСЕМЪЗ ІАКЪ Ш ІНА ВОПРНДЪВЪЗ, МНІСА СЕМѠ,
 АКН БЫТИ ЕМѠ ВОИНОМЪЗ МІРѢ, ЗАБЫВАЮЩЕ ВІА ІАЖЕ ПРНТЕПѢ ПѢВѢ.

СІА ВІА ПОВѢДА МНѢ ПРННЫ ОЦЪ ОИДФРІИ СЕДА НА МѢСТѢ ІДЕЖЕ
 ЕГѠ ОБРѢТѠХЪЗ. СГѠЖЕ СЛОВЕІА ТАКЪ МА ВѠВЕСАИША, ІАКЪ АБТЕ ВЪСЪХЪЗ
 МОИХЪ ТРѠДШВЪЗ ЗАБЫХЪЗ.

ВОСТАШЕ ЖЕ Ш ТОГѠ МѢСТА ІДОХѠ АКН ТРН ПОПРНЦА; ИПРНДОХѠ
 НАМѢСТО СѢЛА КРАІНО ІДЕЖЕ БЫША ФНИНЪЗ, Н НАЧА ОИДФРІИ ПѢТИ
 ПСАЛМЫ, Н МОЛІТИСА, ПОКѠЧАНІЙ ЖЕ РЕЧЕ АМННЬ. ПОСЕМЪЗ СЕДОХѠ
 БѢТѢДЮЩЕ Ш ВѢЩЕХЪ БЖЕСТВЕНН. СГДАЖЕ СІНЦЕ КО ЗАПАДЪ НАКЛАНАШЕСА;
 ОУЗРѢХЪЗ ПОСРЕДѢ КЕЛІИ ЛЕЖАЩЪЗ ХЛѢБЪЗ, Н ІОДѠ ВОДЫ, ТОДА ГЛА КО МНѢ:
 ВОСТАНИ БРАТЕ ПАФИДЪТІИ ІАЖ Н ОУКРѢПІСА: АЗЪЖЕ РѢХЪЗ, ЖИВЕ БГЪЗ ВЪ
 ДШН МОЕЙ ІАКЪ НЕМА ІАСТН, АЩЕ В ЛЮВѢ ИСТІИНОИ КЪПНШ НЕАМЫ.
 ВЪЗЕМЪЗЖЕ ХЛѢБЪЗ ПРЕЛОМН, Н ІАДОХѠ ДАЖЕ ДО СЫТОСТН, Н ЕЩЕ ІЗБЫША
 ОСТАКН. НОЦЪЖЕ ОИЮ ПРИБЫВЪШЕ ВО БДѢНІИ, ПСАМѢХЪЗ, Н МЛТВАХЪЗ,

воуѣтрїе по мѣтвѣ, оузрѣхъ лицѣ Препѣнагѡ нѡзмѣнено, нѡвобоухъца н
рекоухъ: чтѡ ти ѣтъ ѡче. н ѡвѣща ми: невоѣца братѣ Пафнѡтїи. Понѣ
бѣ тѣа погѡдѣ, дабы ѣн погрѣбѣ тѣло моѣ. Ннѣ ꙗкоу чѡчѡу слѡжеу моѡ, бѣ
же нѡпо нн желанїе ѡвоѣ, н ѡбѣщанїе своѣ мнѣ сотворѣно.

Ѣгдаже вѡвратїишица воєвоѡ, бѣди поведаѡ братїи ѡвоѣи, н вѣ
Хрїтіанѡ; ꙗкѡ оуслышанъ ѣмъ во мѣтвѡхъ моухъ. Понѣже вѡѡкъ нже
прѣ лицѣмъ Гдѡ ннѣгѡ ꙗ Хрїта пѡмѡ моѡ наконѡмъ лн бѣди мѣстѣ, н
конѡмъ лн бѣди ѡбразѡмъ почитѣтъ, нлн дѡтѡрїи совершенїемъ, нлн
тѡѣжде наймомъ. нлн конѡмъ ннымъ прїнооѡмъ, нлн ѡдѣваѡ, нлн пи-
тѡа воимѡ Гдѡне, братѣ своѣгѡ ннѡгѡ, нлн ннѡу мѣтѡннѡ даѣтъ тре-
бѡкѡмъ. Такожде пишѡ, нлн чтѡи н повѣдаѡи жнѣтїе моѣ, нлн не-
могїи ннчѡѡже сїхъ сотворїти; вѡвѣща ѣлей вѡлѡмпѡдѡ, нлн со-
творїтъ кѡрѣнїе вѡднѡа зѡлѡбовъ коннѣ, вѡчѣетѣ же Гдѡ ннѣгѡ во
вѡннѡ бѡгѡухѡнїѡ, вѡвѣдѣ ѣгѡ бѣзъ на пѣрѡвнїи стѣпенѡ лѣтъ моухъ, н
ѡбѣщннкѡ ѡвѡрнѣтъ жнѡтѡ вѣнагѡ.

Сїѡ прѡсїхъ нѡуслышѡ мѡ бѣзъ; гѡлѡхъ пѡкн, ѡче стѡи, ѡщелн пѡс-
тѡножнѣтель неимѡи вѡднѡа, ннже дѡти чтѡ ннѡемъ, кѡкѡ вѡможѣ
стѡжѡти блѡвенїе ѡвоѣ, ѡвѣща; ѡще ктѡ ѡнѡхъ ннчѡѡже ѡвѡрнѣти
вѡможѣтъ, ннже дѡти чѡшѡ вѡды стѡдѡной вѡпѡмѡ моѡ, тѡнѡ да
стѡнетѣ н вознеѣтъ рѡце ко бѣзѡ, во нмѡ Трїцн прѣстѡа совннманїе
гѡлѡ трнкрѡтн мѣтѡвѡ Гдѡннѡ ѡче ннѡ: дѡже до нмннѡ. ѡзъ ѡ немъ по-
мѡлѡса, ꙗкѡ да пѣвагѡ чѡа лѣтъ моѡ мзѡ прїѡметъ, н со вѣѡмн
стѡмн прнчѡстннкъ бѣти спѡдобнѡа жнѡтѡ вѣчнѡгѡ.

н Пѡкн рѣхъ, ѡче стѡи, понѣхѡдѣ ѡвоѣмъ ѡтѣла, хотѣѡ бѡмъ зѡѣ
намѣстѣ ѡвоѣмъ ѡвѡтѡтн; ѡвѣща ми, немоѡно ѣтъ сѣ дѣло, Понѣже
бѣзъ погѡдѣ тѣа зѡѣ дапогрѣвѣши тѣло моѣ, нвозмѡши оуѣтѡшенїе ѡ
Прїпнѡ зѡѣ ѡвѡтѡннѡи ѡцѡ, вѡннѡ же бѡгѡухѡнїѡ жнѣтїѡ нхъ, прнне-
сѣши братїи тѡѣи; кѡзѡла мїрѡ ꙗже ѣн вѡдѣлѡ н слышѡлѡ.

Посѣмъ припадо́ кзногама гл҃а: ѡче возлюблене, раздѣлю́ сѣа; ѣакъ
ѡче: чтѡ прои́ши о́у Б҃га, дастъ ти всѧ; видѧ трѣды и добродѣтели
воѡ. Бл҃гѣнже мнѣ да ѡбращикъ мѣрдѣе прѣ Б҃гомъ, и да оуподобѣа тебе
во добродѣтели, мѣтвѣми ѡвоими сподобѣа видѣти Лице Бж҃е
вовѣки. Онъже ѡвѣща; нескѡбѣи Пафнѡтїи, понѣже мѣтва твоѧ
бл҃гѣтїю Бж҃ею крѣпка бѣдетъ пребывающа. Нѣже ѡкоренѣтъ тѧ, но
бл҃гѣнѣтъ, и оутвѣднѣтъ мѣлоѣ своѡ в тебе, и просвѣтитъ ѡчи ѡвои, и
свободнѣтъ ѡ всѧкагѡ попо́зновенїа, и свѣти вѣрѣа, и испо́ннѣтъ
в тебе дѣло еже себѣ прѣложиа еси. Бѣдетъ на тѧ ѡчи егѡ; Анггы
сѣбїи сохраниа тѧ ѡт рѣѣ, и вѣрѣхъ свѣтей дѣво́скнхъ; и ничтѡже в тебе
ѡбращѣтъ, ѡклеветѣюще тѧ, во страшний днѣ сданыи. Ѣтвѣждайсѧ
во вѣрѣ, и крѣпкѡ стоѡ, возводиа ѡчи и оумъ ко Гд҃у Бг҃у твоѣму.

Сѣа гл҃аше сѣдѧ; ѡбѣи ѡкоростїю востѣвѣ, и прекѡн колѣнѣ, вѡ-
вѣдѣз ѡчи, Ѣмъ ирѣщѣ ко Бг҃у, плакаѣа и вѡдыхаа гл҃аше; Пребышнїи
Бж҃е, егѡже крѣпостї неискѣдовѣа; егѡже мѣтъ нескѡчаемаа, тебе хва-
лю, тебе бл҃гѣю, тебе припадаѣю, и молю тѧ, егѡже возлюблѣхъ, и
полюбѣдовахъ ѡднѣ во́нъ же роднѣхъ. Оуслыши Гд҃н мѣтѣв мою и во́па
моѡ, кз тебе возываю, нѣже призрѣ на смиренїе моѣ, и не предаз еси
менѣ врагѣ, врагѣ дѣвола, ищѣемѣ дш҃а моѣа, и не стѡгнѣз еси ѡ
свѣти егѡ нѡзѣ моѡ, и поставнѣ еси намѣстѣ прострѣнѣ. Молю тѧ
Гд҃н ѣакъ да прострѣши деснїцѣ твоѡ, и небавши дш҃у моѡ, егда нехо-
днѣти бѣдетъ ѡ тѣла сегѡ, данеращѣтъ немѣтѣ ю́ любѣи Анггы:
Мѣтнѣз еднѣ мнѣ Гд҃н; и да не оузрѣт дш҃а моѣ темзѣнаго возѡра лѣ-
кавѣхъ бѣшѣз; но да при́мѣ ю́ сѣбїи мѣрнѣи твоѡ Анггы, и водворѣ-
тъ во оупокоенїи вѣчномъ; ѣакъ бл҃гѣнъ еси во вѣки, Амнь. Паки
молю щедрѡты твоѡ пребл҃гнїи Гд҃н, завѣа Хр҃тїаны; да мѣтнѣз вѣемъ
бѣдѣши. Найпачеже, ѡче ктѡ во пѣмѣ моѡ ѡ трѣда своѣгѡ подаѣтъ
нѣчтѡ нескремѣ своѣмѣ трѣбѣющѣ; и призовѣт тѧ, да оуслышиши

проше́нїа егѡ, и Ѡчи́стїиши всѧ грѣхн егѡ, Ащеже ктѡ во нѡжде
бѣдетъ, или во пафененїи и заточенїи, или вморн, или врьсѧхъ
гарогтнѡ сѣдїи; или взкаковой иной бѣдѣ ико́рбен, ивѡвѣтъ къ тебѣ
г҃ла: Введежи́телю Г҃и, добродѣ́телей ра́ди Ѡнѡфрїа ѡво́егѡ помнѡди мѧ
грѣшнагѡ: Молю́ тѧ ѡакѡ да вѣѣ послѡшѡеши сїхъ, ѡакѡже ми
ѡбѣща.

По се́м со всег҃лаіе г҃ла: врьцѣ твоѡ Г҃дн предаю́ ахъ моѡ. паде
вопат на́землю ѡзѡже на лице́ егѡ еже бѣ ѡко Ѡгнь распаленно
и́возавнїгъ рѡцѣ го́рѣ, Ѡчи́ та́коде въ Неѡ и мола́шесѡ втаи, сегѡ ра́ди
разѡмѣтн сїхъ невозмо́гохъ. Не́ вгнеза́пѡ наиде́ бл҃гѡу́ханїе, аки
Райскаѡ бо́на, и испѡлни все́ мѣгто ѡно, во́звѡхъже воззѡмѡца́шесѡ,
и та́кѡ стра́ны испѡца́ше грѡмы, и мо́нїа ѡакѡ ми́ бысть па́тн
на́зѡлю, и аки ме́рвѡ лежа́тн, иѡв о́уды моѡ ѡ́ стра́ха аки безѡшнн
быша; Не́ ѡверзо́шесѡ не́ба, и гвнїсѡ множе́евѡ Анг҃лз Не́ныхъ, и
о́услышѡ пѣнїа ра́нѡвающїа повоза́хѡ, сла́ка о́ушесѡм моѡмъ. Та́же
ио́ свѣща́мн во́жежеными, и Вади́нннцн, Ѡкрьжа́хѡ Анг҃лн тѣло́ стѡе.

По сі́мъ гвнїсѡ свѣтзъ сѣлаѡ Ѡг҃лавающз, И́знегѡже слышѡхъ г҃лае:
и́зыиди́ дїше́ мїрнаѡ ипрїиди́ ко ми́ѣ ле́кїмаѡ моѡ, да́тѡ во́дворѡ
вѣный по́коѡ, со Па́триархн, и вре́мн стѣмн понѡже все́мъ твоѡ поло́
жи бл҃гѡволенїе́ и о́утѣше́внїе. На сеѡ г҃лае́ дїшѡ́ стѡ ѡтеле́нн и́зыиде́;
ѡже ѡзъ вѡподѡбїи́ бѣлыѡ голѡбеннцы вна́ѣхъ, врьсѡ́ самѡгѡ Г҃да нїшегѡ
їс҃ Хрїта ко Не́сѡмъ, со Ѡкрьжающнмн пѡ́кн Анг҃лскнмн и пѣнїем не́е
нѡ. Тѣмн, чѡдесы вна́ѣнннмн, и слышѡннмн, велѡмн о́устрашнїсѡ, и
во́стаѣвзъ ца́лда стѣыѡ но́зѣ егѡ, и́зннхъже не́хѡда́ше бо́на
бл҃гѡу́ханїа. Тѣлаѡже егѡ́ просвѣ́тнїсѡ ѡакѡ Кри́стѡлз и драгїи́ бнсерз. И́
плака́хъ сѡ сѣлаѡ возды́хаѡ ѡсѣѣмъ; ѡакѡ кра́ѣткое о́утѣше́нїе моѡ
бысть снн, егѡ́же то́лнкѡ вре́мѡ, и со́толикїи́ трѡдомъ не́кахъ и
ѡвръѣто́хъ. Прнбы́стз бо́лезнн и сегѡ ра́ди, понѡже не́ймѣхъ, нн мо́

тѣхъ, ниже лопаты или инаго ордѣла прилична, иже возмогаз быхъ, ископати гробъ тѣлъ, иже два лвы оузрѣхъ кониѣ бѣ-
жаща, и оубоахъза сѣла, но си притѣше положишаа при норгъ
отгъ, и анзаша ѿ слезы точаще. Сеже азъ видѣ рѣхъ всебѣ: ѿкв и
звѣрие послышаю бѣа своегъ, иже посла ихъ ко погребенію мошеи
ондфрѣа своегъ; и вземъ планцъ мой начѣтахъ мѣсто гробѣ. лвыже
ѣте начаша нокти свои и ископывати, и оверѣтеа гробъ вокамени
изрѣченъ, азъже и звлекѣхъ свои левитон; ортанокъ о дѣнѣа моегъ
еже рѣдѣнѣвъ, часть напокровеніе мошеи рѣти, часть же во покровеніе
наготы моѣа, и облобыза пречѣтныа моши, и слезами ѿ омакаа,
сз пѣнемъ, и шлмы чѣстнхъ погребѣхъ, и помоцию лвъа перетю и
каменемъ покрыхъ. Сѣа исполнише лвы ко земан приклониша
главы, ископи шидоша. азъже испоненъ болезни ископи ворта хотѣ
вннѣи въ пещерѣ, мѣстѣ гдѣ бѣа, дабыхъ внѣи достонна былаз о бѣтѣ;
иже, прѣ очима моиа паде и разарѣшиа, токму хлѣбъ, ичаша воды
пробыша непривалени; ѿже орташа швечѣра нашеа вчерайшиа. Но и
фини искорене паде наземлю, и нимъ паденіемъ источникъ землю по-
крыа и илчѣ. и ѿвѣ раздмѣхъ ѿкв небѣ вола бѣта, дабыхъ
обѣталъ натомъ мѣстѣ, сегѣ радн вземъ хлѣбъ, иводѣ покрѣпихѣа,
и пакн плакати и воздыхати нача.

Иже Ангелъ Гдѣнъ предѣта ми глѣа: не плачи но паче радостнхъ крѣ-
пнѣа, ѿкв оудостонѣа еи видѣти толнkv днѣа; возвратнѣа во
египта, и повѣдай ѿже видѣ и слыша, и ѿквже ти рече Прпный
ондфрѣи, на поузъ братїи. Сѣа рекъ Ангелъ невднимъ бысть; азъ же
начыхъ пѣть ко египтѣ, едннѣ томъ во искорѣѣ моѣи оутѣшеніе и
мѣа, ѿкв сподобнѣа прѣати блгвеніе ондфрѣа сѣтагъ. и даиже ми
днѣи четыри, оверѣтохъ обѣтѣлицѣ пѣтѣи и шжнѣгѣа на высоцѣ
камени и зрѣченѣо, внемъже не оверѣтїи нкого сѣдо помышлѣа все-

бѣ; ѿкѡ заѣ Ѡбѣтѣетъ нѣкѣгѡ, понѣже мѧ Бгѣз прѣведѣ еѣмѡ, Нѣ
мыслѧ видѣхъ мѡжа старѧ, егѡже влѧсы бѣлы, быша ѿкѡ инѣгъ,
Ѡдѣѧнна рѣзоѡ ѡлѣстѣѧ фнѣнкѡва исплетѣннѡ, тѡйже мѧ цѣловѧ
имѣн словесѣ; Миръ Гдѣнь дѣждет стѡбѡѡ, ты еси Пѧфнѡтїи сѣра-
бѡтннкъ ншѣ, Нѣже погрѣбѣ мѡщн Сѣгѡ ѡца ншѣгѡ Ѡнѡфрїѧ. Сѣ ѡзъ
слышѧвъ падѡхъ нѧнѡгѡ егѡ; Ѡнъже оутѣшѧ мѧ рече: востѧнн брѧте.
Бѣ тѧ ѡборнѣ дѡстѡйнымъ быти дрѡгѡмъ егѣхъ рѧвъ свѡихъ, вѣнѡ
нѡщъ вѡвѣстн нѧмъ Бгѣз ѡтѣбѣ, ѿкѡ днѣ нѧмѣ еси прїѣти кзнѧмъ.
Нѣе оужѣ лѣтъ шестѣдесѧ ѡнѣлѣже заѣ прѣбывѧѡ, н невидѣхъ никѡгѡже
ѡчлѣвкъ развѣ брѧтїѡ, нѣже заѣ недалече жнвѡтъ, Ннѣже тебѣ: н ѡбїе
оузрѣхъ Трїѣхъ Стѧрецъ, вѡтѣемѣде Ѡдѣѧнїи, в ѿковѣмъ, бысть
пѣвнѣ. Тѡгда по Ѡбѣчѧю ѡборше цѣловѧнїе н процѣнїе, глѧхъ комнѣ:
Ты еси Пѧфнѡтїи погрѣвнѣ тѣло Ѡнѡфрїѧ. Весеелѣмъ брѧте ѿкѡ дѡс-
тѡннъ бѣ вѣлїѡ познѧти силѡ; Гдѣже нѧмъ нзѧвн прншеетѣе ѡвоѣ
нповелѣ, дѧ смѧмн днъ едннъ прѣвѣдешн; нбыша бѣсѣдн нѧшѧ ѡ прїѣномъ
Ѡнѡфрїи ѿкѡ двѧ чѧсы. Посѣмъ рекѡшѧ ко мнѣ, востѧнн ншѣ вѡлѣ-
лѣнне, н оукрѣпнѣмъ; ѿкѡ сѣлѡ оутрѡдѧ еѧ еси нздѧлече пѡтѣшестѡвѡ.
Нвостѧше внѣ кѡпнѡ мѧнѡхомѣ Бгѡ, нсе оузрѣхомъ прѣѡбѡѡ положѣ-
нѡмъ хлѣбы пѧ, сѣлѡмъ крѧсны бѣлы ѧкн днѣ испечѣннѡ, Ѡннѣже прн-
несѡшѧ нѣчѣгѡ инѣднѡ, н ѧдѡхѡмъ кѡпнѡ, сомо чѧнїемъ; по бѧгодѧ-
рѣнїиже рекѡшѧ ко мнѣ, сѣ лѣтъ Шѣдесѧтѣ ѿкѡ жнвѣмъ вѣ пѡстынн
сѣн, н вѣдѧ четѣрн хлѣбы посѧлѧше нѧмъ Бгѣз, ннѣже тебѣ рѧдн пѧтѣ.
Посѣмъ всю нѡщъ быхѡ во мѧтѡвѡхъ н ѡсѧлѡмѣхъ; во оутрѣже рѧнѡ
мѧнѡхѣ Стѧцемъ егѣмъ, ѿкѡ дѧ бы инѣмн прѣбывѧз до смѣртн. Нѡ
ѡвѣщѧшѧ ѿкѡ нѣстъ вѡлѧ Бжѣѧ, дѧзѧѣ Ѡбѣтѣешн, но востѧнн н нѧн
во егнѣпетъ, нповѣдѧн брѧтїи ѿже видѣ н слышѧ ѡ Сѣгомъ Ѡнѡфрїи.

Молнхъ пѧкн ѿкѡ, дѧ нповѣдѧ Нменѧ свѡѧ, нѡ нехѡтѣшѧ глѡ-
ще: тѡй вѣстъ ѡчѣ, нѣже вѣстъ вѣхъ Нменѧ, ѡбѧче помннѧн нѧ во

мѣтвѣхъ своихъ, Тыже возлюблене Снѣ храниша нехощеніа міра сего; азже пѣдъ къ ногамъ твоимъ проси́хъ благоугодіа, еже прие́мъ шедо́хъ въдѣть, ишото́уби ны по́уть днѣ, оубрѣто́хъ пакн кѣлію шнеа́же нехождаше источникъ воды живы, оубрѣже оубрѣтѣнца множествѣ бѣ дровѣхъ финиковыхъ и́деже почи́хъ; По се́мъ востѣвъ хожда́хъ ме́дъ сладостѣ имѣющимъ различна о́воциа, быша бо тамъ Кинтрины, яблѣка Гранати, Ю́ны, Кляпыши, или мигдалы, Винограды, грѣзѣа Корнѣи́нскѣа, мѣрты, рѣжа, смѣквы египѣскѣа, и мно́га драга́го о́воциа дровѣа, сѣла кра́на ко вѣдѣнію, и добра во смѣдѣ.

Сна́же всѣа источникъ стрѣамн своихъ оубрѣдѣше, сна́ азъ зрѣа помышля́хъ, я́кв се бѣ Ра́й Бжтїи, и оубрѣтѣнцѣмъ оубрѣхъ и́зде ле́че четырёхъ твоихъ кра́сныхъ лицѣмъ ко мнѣ градѣщихъ: вѣсѣлыхъ по́стыножнїтелей ко́жамн оубрѣтѣнцѣмъ, и глѣмъ ко мнѣ; да да́тъ ти бгъ зарѣвїе братѣ Пафнѣтїи; азъже ле́че падо́хъ на́землю прѣннми; но сїи оубрѣтѣнцѣа ма́ шземла́, неѣдѣше бѣтѣдовѣхъмъ, азъ же взрѣа на твоѣа лицѣ, раздѣмѣхъ я́кв Ангѣлъ быша Бжтїи съ нѣе послани. По се́мъ оубрѣтѣнцѣа, да́ша ми да смнми я́мъ, и прѣбывъ смнми седмїцѣ.

Впроси́хъ по се́мъ, шкѣдѣ за́ прїидо́ша; и шкѣца́шамн: шче по́неже та́ бгъ за́ послѣа, иповѣмъ ти вѣсѣ живѣотъ твоихъ: Мы всѣа четыри ш мѣста египѣскаго Оубрѣтѣнцѣа, Сынѣе держѣтѣвѣщихъ во градѣ твоѣмъ, и́же на́ послѣа ко наоубрѣнїю писменъ, и́деже мы по наоубрѣнїю писменъ, шкѣца́хъмъ себѣ лѣше мѣдрѣстн Бжтїи нека́ти, нехощнш и́зволи́хъмъ и́ти во по́стыню, и́деже градѣще, оубрѣтѣнцѣмъ Ангѣла, и́же насъ взѣмъ зарѣкѣ насѣ мѣсто прнведѣ, и старѣцѣ за́ прѣбывѣющѣа, ко наоубрѣнїю прода́тъ, и́же лѣто е́дино сна́мн прѣбывъ прѣстѣвнса ко Гѣдѣ; нѣе мы до прѣстѣвлѣнїи шца́ ншѣгъ, насѣмъ мѣстѣ прѣбывѣемъ лѣтъ шѣтъ, хлѣба не вкѣца́юще, но смнмъ о́воциемъ прн-

гáемса. Во всáкъѡже ѣмницѸ ѣдннощн къпнш заѣ сзбрáемса всѣбѡтѸ
рáдн Недѣлн, н пáкн кóждо нáсвоѣ мѣстѡ шхóднтъ, н о́соз
обнтáюще втáйнѣ работáемъ, нехотá давѣстъ дрѡгъ ш дрѡзѣ чтѡ
добрѡ твóрнтъ. Испытáхъ á пáкн, кáкѡ н кóдд прнчáстнє воспрѣемлетє;
швѣщáшá, áкѡ нá всáкъ Недѣлю прнхóдá сз нѣсє Áггáз, прнноснтъ
нáм тѣло хѣо, воу́трѣже ѣже бьстѣ Нлá рáнш глáшá мн:
прноу́готовнса, понѣже Áггáз прндетъ со прертѡмн Тáйнáмн, нхъже
ктѡ шрѡкѸ ÁггáскѸ прнчáстнтъсá, всѣ грѣхн шпѡстáсá емѸ, н нн-
кáкѡже впáдетъ во нскѡщєннє, н ѣдд прнпѣ врѣмá о́бьчно, внє-
рáдн вѣлнє блгѡшхáннє нспóлнн мѣстѡ о́но, сєгѡ рáдн прнпáдóхом
нáколѣнá, нчáхѡм шáлмы пѣтн, нхвáлнтн Б́гá, нсє Áггáз áвнса
сзнѣсє дáд нáмъ стѡсє Кóкáшннє глá: Тѣш н Крѡвз Гдá Їс Хр́тá, дáвѸ-
дѣтъ вáмъ внáслѣднє жнвотá вѣчнáгѡ н вовєсэлнє нєнжднвѡщєє. Мь́же
швѣщáхѡмъ ѣднногáснш, áмннь.

По́емъ Áггáз шбрáшнса ко мнѣ глá: брáтє Пáфнѡтнй возвр-
тнса во Ёгнпєтъ, н повѣдáй брáтнй, н всѣн Црквн Б́жѡн: чтѡ вндѣ во
стѡхъ Б́жнхъ, нже о́брѣтáсá во пѡстѡннн, н чтѡ шннхъ слышá,
áкѡ дá всѣ послѣдѡтъ пѡгѣмъ нх, непремо́чн, н дá не смѡщáетсá
тѣцє твѡѣ.

Понѣже Б́гъ нєнзвѡлн обнтáтн тєкѣ заѣ, нò дá повѣдáешн
врѣмъ вѣрнѡмъ, áкѡже тн зпáвѣддá стѡн О́нѸфрнй. Мнръ тн; н
снá глá блгвн нáсз: н шндє нá нѣо. Áзже оуднвлєнъ н оужáсєнъ пáдóхъ
нáзємлю, Нсє вндáщє стѡн глхѸ ко мнѣ: востáнн не бѡйсá. Ёдннже ш
ннхъ оу́готовá о́воцнє áже къпнш áдóхѡмъ, н всю ѣмницѸ прєбь-
вáхѡмъ во вєселнй о́бщє оутѣшлємн.

По ѣмже рáнш нзындóхъ во пѡтѣ, стѡм же о́ны пáтѣ
пѡпрнцъ прєпрѡбáдхѸ мá. отáцнхъ вѡврáтнтнса молнхъ, дáбы свѡд
мн нспѡвѣлн Нмєнá, швѣщáшá мн: áкѡ пєрвѡмѸ Нмá ѣтъ Ївáнъ,

вѣдоуѣмъ Андрей, третемъ Гераклѣбо, четвѣртѣмъ Феофѣлаз ѿ цѣло-
ваща ма глѣще: иди вмирѣ ѿ помниаи на, ибратѣи войи иповѣждаз
Имена нша, во памѣть ншѣ. Такожде ѿ изз мѣихъ ѿ ѿкѣ да ма
имѣютъ впамяти своѣи.

Пораздѣченїи семъ сѣлѣмъ драхлыи ндоухъ, ѿкѣ оуже зрѣти ихъ
немогѣ, оѣаче оутѣшенїе неизглаголанѣе имѣа, ѿкѣ сподобѣхъса
блѣвенїа стѣхъ Пѣтыиннѣжителѣи, и Ангга Бжїа. Идѣиже чрѣзъ оубо
пѣтыиню прїидохъ во Егїпетъ, и дѣже многѣ оѣрѣтохъ шѣратѣи Бга
боѣщихъса, и зрѣдѣже двѣю, оуннхъже ѿ пребѣхъ днѣ дѣсѣтъ, Повѣ-
дѣа имъ вѣа, елика видѣхъ ѿ слышѣхъ. ѿ ѿже мнѣ едїномъ прикля-
чїиша, ѿже оны слышѣше блѣгѣдарѣхъ Бга, и соѣелїи радованїемъ гла-
хѣмн: Во истиннѣ брѣте Пафнѣтїи, велїю оѣрѣлаз еси блѣтъ, ѿ
блѣженъ еси, ѿкѣ сподобѣса видѣти великихъ, ѿ соѣршѣныхъ раѣз
Бжїихъ. Блѣхъже оны брѣтїа сѣлѣмъ доѣрѣлазѣны и многѣрѣдны, вѣаже
доѣродѣтели ихъ быша и зѣщна прѣ Бгомъ; Мѣтѣтѣже оно нари-
цѣшеса СКНТѣ. Итѣкѣ еже ѿ менѣ слышѣша, вѣе оѣпѣнѣмъ напнѣвшѣ:
вѣкѣрѣ и дѣхъ, и оѣбыдоша вѣсь Скнѣтѣ, имѣюще со соѣомъ Книгѣ напн-
саннѣ казанїа моѣгѣ, иже стѣмъ онымъ оѣцемъ прѣчетнѣхъ. По-
слѣдѣнѣже во Црѣкѣ ѿ положїиша, во памѣть толнѣмъ днѣныхъ дѣлаз
Бжїихъ: ѿ напо зѣмъ многѣю ѿ оутѣшенїе дѣховное, вѣемъ иже поѣла-
шѣмъ вѣрѣю, понѣже едїннѣмъ блѣгоѣвѣннѣмъ чтѣнїемъ блѣвѣтъ Бга,
ѿ стѣхъ егѣ; иѣо еѣа повѣрѣти, соѣрѣвѣннѣ вѣсѣѣ имѣютъ, егѣмысѣне,
Ихъже сладоѣтей дѣхнѣхъ сподобѣхъса вѣити доѣтѣоннѣ. И зѣволенїемъ
Бга вѣснѣнагѣ, емѣже слаѣа ѿ держѣѣва вѣвѣкн вѣкѣмъ, аминѣ.

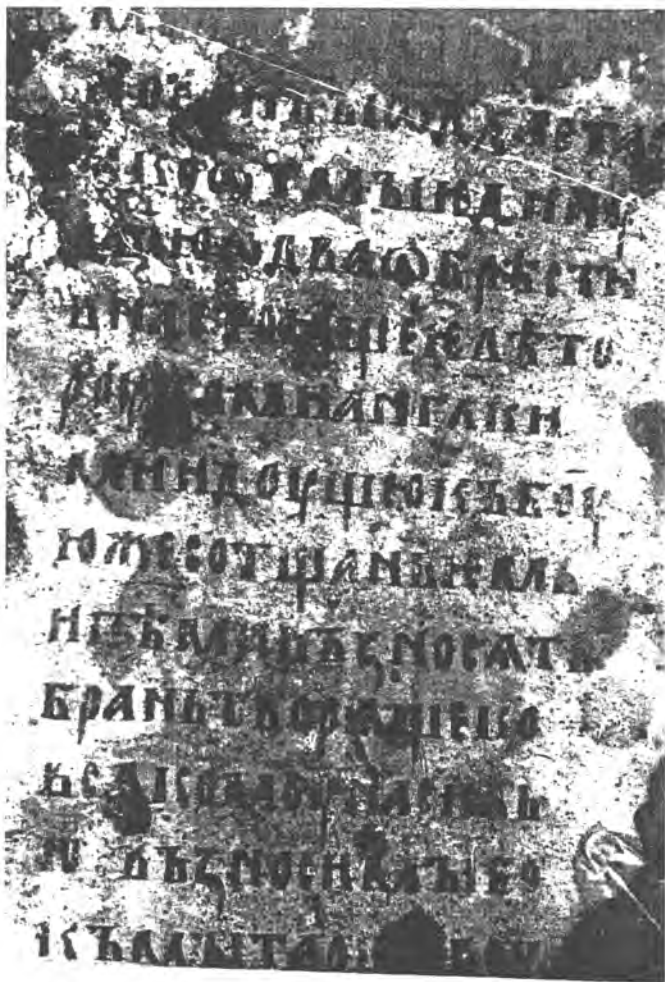

Современная западнобелорусская икона св. Онуфрия Великого
(Супрасльский Благовещенский монастырь)

Современная западнобелорусская икона св. Онуфрия Великого
(Супрасльский Благовещенский монастырь)

Фрагмент пергаменной кирилловской рукописи XIII–XIV вв. из книги-архива, содержащей уникальный экземпляр издания жития св. Онуфрия Великого (Супрасль, 1696)

ЖИТІА СІ.

Z Y W O T
PRZEDZIWNY
SWIĘTHGO OYCA NASZEGO
ONUFRYUSZA
WIELKIEGO
KROLEWICA PERSKIEGO
PUSTELNIKA
NAFISANY PO GRECKU
OD
S. PAFNUCYUSZA
MNICHA

A T E R A Z

Z różnych Exemplarzow Łacińskich, y jednego dawnego Słowienkie-
go, z Greckiego Iżykiem przetłumaczonych, a naybarżey z Włoskie-
go jako nayobfzernieyszego, w jedno zebrany.

Y

Polkim Iżykiem

z Frydackim godnych wiadomości po każdym niemal Rozdziale Nota-
cij do Druku podany

Przez

Nay W^o. X. IOZEFHA PIETKIEWICZA

Protoarchimandrytę Zakonu S. Bazylego W: Hegumena Monastyza-
Nowicyackiego Bytenkiego.

Z Dozwoleniem należytey Zwierzchności.

♥ WILNIE ♥ Drukarni Soc: IESY R. P. 1686.

Экземпляр польскоязычного издания жития св. Онуфрия
Великого (Вильно, 1686), принадлежавший святителю
Димитрию Ростовскому

Прикарпатское воеводство Польши. Церковь св. Онуфрия
Великого в Посаде Рыботыцкой

Сочинения земляков – предшественников Адама Мицкевича среди читателей наших дней

*«Język polski utwierdził się
naprzód na ołtarzu,
przeniknął do modlitwy,
pomalu stał się językiem domowym».*
Adam Mickiewicz

Вопрос о христианизации народов Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского всегда казался простым и запутанным. Однако тезис «о принятии Литвой христианства», «о крещении Литвы» в 1387 г., присутствовавший и все еще присутствующий во множестве работ, являлся не более чем исторической манипуляцией, если не сказать неправдой. К указанному времени, концу XIV в., абсолютное большинство жителей Великого княжества Литовского уже в течение нескольких столетий исповедовало христианство и было православными христианами. Причем среди них оказалось и немалое число литовцев, преимущественно представителей высших слоев. Можно даже говорить и о литовской православной литературе тех лет, которая уже существовала к моменту так называемого «крещения Литвы» [1].

Начиная с 1380-х гг. на землях Великого княжества Литовского, государства уже вполне христианского, усиленно насаждается католицизм, исповедники которого сразу же получают огромные привилегии от властных государственных структур. Католическая экспансия постепенно охватывает и славянские земли Великого княжества Литовского. Процесс этот идет невероятно медленно, но он успешно развивается и приобретает в конце концов необратимый харак-

тер. Так появляются и первые католики из числа восточных славян. В течение довольно длительного времени эти католики и их общины сохраняют в основном прежнюю православленную обрядность, включая прежде всего литургическую книжность и церковнославянский язык [2].

Позиции католицизма в Великом княжестве Литовском не были прочными до самой победы контрреформации. Первая попытка его введения при Миндовге в 1251 г. окончилась полным провалом и была возобновлена лишь через столетие великим литовским князем и будущим польским королем Ягайлой. В деятельности среди местного православного населения в духе прозелитизма особенно преуспели в конце XIV–XV вв. монахи доминиканского и францисканского орденов, а в XVI в. на позиции католицизма в массовом порядке начинает переходить православная шляхта, реализуя неукоснительный принцип польского варианта контрреформации: «шляхтич – католик». Несмотря на совершенно несравнимое преобладание среди населения Великого княжества Литовского православных, католики сразу же становятся особо покровительствуемой группой, получают протекционные права во всех сферах жизни, включая религиозную. Так, например, уже в 1511 г. городской аппарат самоуправления в столичном воеводском Новогрудке состоял наполовину из православных, а наполовину из католиков [3], в то время как в этом центре православной митрополии был всего навсего один католический приход.

Векторные моменты все еще ненаписанной истории католицизма на белорусских землях довольно точно изложены знаменитым деятелем белорусского национального движения первой половины XX в. ксендзом Адамом Станкевичем в ряде его рукописных работ. Вот что он сообщал в 1940-е гг. в одной из них: «...Католичество стало проникать на Беларусь со времени Ягайлы (XIV в.), когда Беларусь начала входить в тесные отношения с Польшей. Поздней фак-

торами, способствующими распространению католицизма в Беларуси, были: -

а) раздача белорусскому боярству польских дворянских гербов (XV в.);

б) переход белорусского боярства в кальвинизм, а далее в польское католичество;

в) Люблинская (1569) и Брестская (1596) унии, которые широко открывали для Польши в Беларуси дорогу в политической, культурной и религиозной жизни;

г) ликвидация Николаем I религиозной унии (1839) и массовый (2 миллиона) переход белорусских униатов в латинское (польское) католичество;

д) 20-летнее существование на землях западной Беларуси польской государственности (с 1920 г.), когда также массово белорусские католики переходили в польское католичество, ибо иначе они фактически были неполноправными гражданами.

...Католичество в Беларуси с самого начала его здесь появления стало действительно польской верой. Не удивительно, что и сегодня его тут многие так и называют. Польские политики всегда старательно заботились, чтобы католичество в Беларуси было не универсальным, как свидетельствует само его название, а исключительно польским. И в самом деле, католический костел в Беларуси всегда был инструментом польской политики. Однако из этого не следует, что все католики в Беларуси это поляки. Нет. Полякам через костел и другими путями удалось колонизировать только незначительный процент белорусского народа и прежде всего на самых западных белорусских этнографических рубежах, в целом же белорусский народ остался верным своему языку, обычаям, своей национальности. Таким образом католиков-поляков в БССР только совсем незначительный процент» [4].

Все сказанное белорусским католическим ксендзом Адамом Станкевичем полвека назад полностью подтвердил в

конце 1990-х гг. такой авторитетный наблюдатель, как Ежи Гедройц. На вопрос, как он «оценивает деятельность католического Костела у наших соседей на востоке», был дан весьма критичный ответ: «Негативно. Там попросту проводится обычная полонизаторская акция. Польские ксендзы, которые туда приезжают и занимают там все приходы, прежде всего занимаются миссионерской деятельностью, то есть не столько опекой поляков и польских костелов, сколько обращением православных белорусов в католицизм...» [5].

В последние годы в Беларуси и Польше все чаще и чаще начинают говорить о белорусах-католиках латинского обряда, однако эти суждения в основном не выходят за рамки констатации данного факта в духе суждений Брачыслава Скаринича (Яна Станкевича) восьмидесятилетней давности [6]. Собственно неизвестно даже приблизительно общее их число. Цифры называют самые разные, разнящиеся в десятки раз. Естественно первоначально при таком подсчете было бы необходимо отталкиваться от, или по крайней мере учитывать, общее число католиков и поляков в самой Беларуси. Но и тут, где казалось бы достаточно самых простых статистических подсчетов, опирающихся на соответствующие переписи, ясности нет никакой. Наиболее правдоподобные, на наш взгляд, цифры относительно белорусов-католиков согласно переписи 1897 г. приводит Ф.Д. Климчук («белорусскоязычных католиков – около 740 тысяч» или «78,8% всех католиков, какие жили на территории современной Республики Беларусь») [7], а касательно наших дней Ю. Туронек уточняет: «Переселенческая акция в Польшу, которая охватила около 400 тысяч белорусских католиков, была важнейшим фактором их уменьшения в БССР ... на конец 1950-х годов их общая численность в Беларуси не превышала 600 тысяч... на протяжении следующих десятилетий численность католического населения продолжала уменьшаться... и даже если посчитать сейчас и атеистов католического происхождения и детей католическо-православных и иных

супружеств, то суммарное число..., достигая примерно 600–700 тысяч, ... составило бы только 6–7 % всего населения республики» [8].

Католики в Беларуси проживают в основном в местностях вдоль северной части белорусско-польской границы, вдоль всей белорусско-литовской границы, а также к западу от Минска в верхнем течении Немана и его притоков. Пожалуй, чуть ли не большинство католиков Беларуси причисляет себя ныне к полякам. Это сложилось исторически, хотя правды тут нет никакой. «На Украине, – пишет бывший аташе по культуре Посольства Польши в Беларуси П. Пшецишевский, – мы видим украинцев-католиков, которые по происхождению поляки, а на Беларуси едва ли не все, кто считает себя поляками, по происхождению белорусы. Кресы коронные (украинские) и Кресы литовские (белорусские) со времен Люблинской унии были как два разных мира... «Я тутейший, я католик – так видно поляк», – приблизительно так отвечают белорусские католики-сельчане на вопрос о своей национальности» [9]. Расставить все на свои места помогает, в частности, анализ языковой ситуации в прошлом, далеком, и не очень, и теперь. Наши собственные наблюдения, в том числе экспедиционные, изучение всевозможных архивных материалов убеждают в том, что в абсолютном большинстве случаев католики Беларуси ведут свою родословную от коренных местных жителей восточнославянского происхождения. Католики же – этнические поляки в Беларуси явление довольно редкое. И здесь мы вполне солидарны с мнением все того же П. Пшецишевского, который недавно писал: «Эти люди привязаны к польскому литургическому языку, который достойно заменил латынь и сохранил красивую старинную паралитургию. Однако чаще всего эти же люди не понимают польскоязычные проповеди, а к приехавшим из Польши ксендзам, если совсем не могут по-польски, обращаются «по-русски»... И совсем не видно светских верующих, которые бы встречались вне костела и гово-

рили бы между собой по-польски... Старшее поколение «ту-тейших поляков», привязанных к польскому языку и обрядности, вымрет. Оставит после себя кресты с польскими надписями и польским правописанием своих белорусских фамилий с обычным окончанием на -ич, носители которых внесли такой огромный вклад в культуру Польши» [10].

Современные католики Беларуси часто видятся стороннему наблюдателю и даже ученым неким социально-культурным и конфессиональным монолитом. На самом деле это далеко не так. Прежде всего необходимо различать так сказать «старых» или «традиционных» католиков и католиков «новых», хотя подобное деление и довольно условно. К последним, например, можно отнести многих католиков на Полесье, о переходе которых из унии в католичество в 1837–1839 гг. сохранились целые подборки архивных документов [11]. К «старым» или «традиционным» католикам принадлежат, в частности, верующие околиц Новоградка. В настоящее время количество католических приходов в Беларуси приближается к числу существовавших в 1917 г., когда их насчитывалось 445 и это несмотря на явное уменьшение католического населения [12]. Примечательно, что к моменту первого раздела Речи Посполитой, в 1772 г., на территории современной Беларуси насчитывалось всего лишь 224 католических прихода [13].

Теперь обратимся к вещим словам Адама Мицкевича, взятым нами в качестве эпиграфа, – они суть тезисы или абрис той формулы развития или точнее существования, бытования польского языка на землях Великого княжества Литовского, которые с различными корректировками подтверждаются позднейшими исследованиями, особенно теми, кто так или иначе был связан с этими регионами [14]. В настоящий момент, как показывают наши наблюдения, языковая ситуация в среде католиков Беларуси наследует существовавшую прежде, с тем лишь различием, что сейчас уже нет той давнишней польскоговорящей католической элиты, осно-

ву которой всегда составляла местная шляхта, а позднее ее потомки. В общем-то никак нельзя пока говорить и о белорусизации костела. Как справедливо замечает ксендз С. Ляковский и В. Адзиноченок: «Сейчас в католических храмах служба ведется на трех языках: белорусском, польском и русском, – на польском преимущественно в западных областях... Согласно католической традиции, все миссалы должны переводиться с латинского языка, а сейчас очень мало специалистов, которые бы одновременно хорошо знали латинский и белорусский языки, могли бы передать дух последнего» [15]. Эти же авторы предлагают католикам Беларуси «избавляться от полонизмов» и даже вместо «Костел» говорить «Церковь», что всякий раз сбивает простых верующих с толку и пока ведет лишь к нарастанию непонимания.

Если языки белорусских католиков, в том числе и относящиеся к разряду *sacrum*, постепенно начинают изучаться [16], совершенно неизвестной остается их литературная культура, как в прошлом так и настоящем. Учитывая это, мы уже в течение ряда лет пытаемся собирать всевозможные материалы, касающиеся данной проблематики. Накопленные нами источники позволяют войти в пространство этой культуры, в общих чертах выявить его очертания, даже описать отдельные участки границы и, конечно же, сделать общий вывод о ее богатстве и большой социальной значимости. Строго говоря, культура эта, оставаясь сугубо религиозной, обладает и огромным числом светских или вернее парасветских черт. В истоке ее прослеживается и влияние кирилло-мефодиевской традиции. Все это в конце концов в значительной степени определило начало многих воплощений белорусской и не только белорусской классической литературы XIX–XX вв.

Несомненным феноменом литературной культуры белорусских католиков является её непрерывность, жанровая и тематическая полифония собственно литературной составляющей. Последняя характеризуется к тому же большой

языковой и содержательно-типологической разнородностью произведений. Классификация их представляется весьма затруднительной и с литературоведческой, и с лингвистической, и с теологической точек зрения. Несомненно лишь, что в основу такой предполагаемой классификации, если она когда-нибудь и осуществится, будут положены принципы иерархичности произведений и языков, на которых они написаны и воспроизводятся, включая и различные устные формы. Впрочем, какое-то самое общее деление или разделение этой литературы на отдельные огромные по объему и значению части можно предложить уже сейчас. Таких основных частей три: литургическая литература и книжность, паралитургическая и, так сказать, «четья».

Особенно обращает на себя внимание паралитургический корпус этой литературы и книжности, прежде всего широтой распространения, бытования. Без преувеличения, это самый массовый её вид, существующий в печатной, рукописной и устной формах. Популярен он среди всех возрастных групп католиков, особенно людей пожилого и среднего возраста. Всенародная признанность эта идет, что называется, из веков. По крайней мере, мы располагаем сведениями на этот счет начиная с XVII в. В настоящий момент самыми популярными и наиболее часто встречаемыми из числа паралитургических произведений являются различного рода польскоязычные кантычки – печатные, очень редко старопечатные, и рукописные, распространяемые в виде записей в тетрадках или на отдельных бумажных листках. Белорусоязычные кантычки встречались нам пока только как исключение, хотя в последние годы в связи с активизацией издания белорусоязычной католической литературы они появляются в домах католиков Беларуси все чаще, особенно у городской и сельской интеллигенции [17].

Кантычковая польскоязычная католическая литература Беларуси, явление сколь значительное и масштабное, столь и малоизученное [18], сохранила свой живой первоначаль-

ный характер и функционально практически не изменилась, невзирая на солидный, в некоторых случаях двух-трехвековой и более возраст произведений её составляющих. Собранные нами материалы позволяют говорить о необычайной их вариативности, когда одно и то же сочинение, распространяемое в рукописных списках и/или же бытующее в устной форме, известно во множестве вариантов, точное число которых установить практически невозможно. Наблюдения над этой литературой позволяют выделить несколько её особых пластов, среди которых одним из самых интересных, на наш взгляд, являются кантычки и различного рода духовные и исторические песни, написанные восточнославянскими жителями Великого княжества Литовского в XVIII столетии.

До сих пор вся кантычковая литература относится к своего рода литературоведческой и вообще исследовательской *terra incognita*. Крупнейший польский литературовед и фольклорист XX в. Ю. Крыжановский откровенно признавался: «Установление очередности их появления весьма затруднительно, так как кантычки пользовались особой популярностью, были зачитываемы и экземпляры их являются ныне величайшей редкостью» [19]. Появившиеся во второй половине XX века несколько весьма важных работ, посвященных данному вопросу, мало что меняют в целом, так как все они касаются какой-либо узкой темы [20]. Едва ли верно и утверждение Ю. Крыжановского для XIX в. о том, что «тип кантычки установился от момента появления сборника *ксендза* М.М. Мёдушевского» [21]. Все было гораздо сложнее, и подобные выводы Ю. Крыжановского базировались на не слишком значительном материале, бывшем в его распоряжении.

Польскоязычные кантычки восточнославянского происхождения появляются довольно рано, первые, возможно, уже в XVII в. Среди их сочинителей выделяются авторы из числа образованных базилиан, отдельные произведения ко-

торых в конце концов стали достоянием и римско-католиков. Для белорусов одним из крупнейших литературных и издательских центров, формировавших данную традицию, всегда был Супрасль, Супрасльский Благовещенский монастырь с его многовековой литературной школой [22]. Супрасль, дав наиболее ранние примеры белорусского польскоязычного кантычкового творчества, способствовал распространению подобных произведений в XVIII – начале XIX в. в огромных по тем временам количествах [23].

Адам Мицкевич в самом раннем детстве познакомился с кантычками, полюбил их, что ярко отразилось в его теоретических писаниях, университетских лекциях, а главное – в его поэзии. Вероятно, его же следует считать первым светским ученым – исследователем кантычек [24]. О том, как высоко ценил А. Мицкевич это творчество, свидетельствует множество примеров, и совершенно непонятна ирония по данному поводу Ю. Крыжановского, которому как знатоку фольклора и литературы должна была быть ясна важнейшая роль этих произведений в становлении хотя бы польской романтической поэзии [25]. Выполняя своего рода завет отца, сын Адама Мицкевича Владислав, верный его духовный наследник, биограф, издатель и популяризатор, выпускает в 1868 г. в своей знаменитой серии «Biblioteka Ludowa Polska» четыре изящных томика собрания кантычек с предисловием великого поэта [26]. «Pierwszy zawiązek narodowej pieśni polskiej, – писал в этом предисловии А. Мицкевич, – znajduje się w pieśniach religijnych, w kantyczkach. Poezja religijna była śpiewana i powszechnie znana, dotykająca jednym bokiem ludowej, drugim piśmiennej» [27]. А вот и более чем достойный, без преувеличения гениальный в своей простоте и ясности, ответ Пророка первым польским критикам его поэзии, да и по части иронии Ю. Крыжановского касательно особого внимания к кантычкам и их авторам: «Ponieważ jednak ci poeci prostaczkowie wtrącali czasem wyrażenia

gminne, pieśni te długo służyli za pośmiewisko ludziom niezdolnym ich ośenić» [28].

В процессе наших экспедиционных исследований у католиков Беларуси и польско-белорусского пограничья нам неоднократно удавалось видеть и записывать кантычки, которые слушал и знал еще маленький Адам Мицкевич. Среди них есть и связанные с Новогрудчиной, и составленные там или же в её околицах. Их по-прежнему знают и поют местные жители. Эта польскоязычная кантычковая поэзия XVIII столетия все еще жива и живет относительно полнокровно, найдя когда-то такой сильный отзвук в душе и сердце великого уроженца новогрудской земли. Среди наших находок часто встречается в различных вариантах знаменитая «Pieśń o Nayśw. Pannie Maryi Cudami słynącej w Obrazie Nowogródzkim, pod strażą xx. Bazylianów zostaiącym» [29], перекликающаяся с известными строками из «Pana Tadeusza»:

«... Ty, co gród zamkowy
Nowogródzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powróciłaś cudem...» [30].

Известно, что этот образ, эта икона сыграла особую роль в судьбе поэта. Как рассказывал и писал он сам, она помогла вернуть его, малютку, выпавшего из окна, к жизни [31]. Отныне и навсегда образ этот в памяти А. Мицкевича. Виделся он ему и в далеком Париже [32].

Мировое литературоведение, в том числе и белорусское, многое сделало для изучения творческого наследия великого поэта [33]. Довольно давно появились и первые работы о значении белорусских элементов в польском литературном творчестве периода романтизма [34]. Вместе с тем, до сих пор мы очень мало знаем о местной духовной атмосфере, вдохновлявшей А. Мицкевича всю его жизнь, как впрочем, пусть это не покажется странным, и едва ли не о самом важном – о языке поэта [35]. А вот как он сам видел и определял

язык жителей околлиц Новогрудка, своих земляков: «Lud polski w Litwie mówi dialektem ruskim zmieszonym z polską mową...» [36]. Это признание А. Мицкевича – ключ к пониманию многих особенностей его жизни, творчества и даже отношения к окружающему миру. И написаны эти слова были по весьма знаменательному поводу. Они из небольшого эссе о Франтишке Карпинском, незадолго перед тем почившем замечательном поэте, земляке А. Мицкевича, жившем на восточной окраине Беловежской пущи, тонком знатоке местной народной жизни и культуры, сочинителе кантычек, издававшихся в польскоязычной белорусской среде [37] и переиздающихся до сих пор [38]. Эссе о Ф. Карпинском писалось А. Мицкевичем в Москве и там же увидело свет в 12 номере журнала «Московский телеграф» за 1827 г. В польской печати оно появилось значительно позднее, только в 1890 г. [39].

Встречаясь ныне в родимой стороне А. Мицкевича с живой традицией местной польскоязычной народной поэзии, невольно прослеживаешь ту несомненную неразрывную ее связь, ее влияние на его творчество. Имея в распоряжении необходимые тексты, сделать это не так трудно. Сравните, например, сочиненное Им с прекрасной местной, происходящей из обширных околлиц Новогрудка, «исторической песней» XVIII столетия, записанной нами во время экспедиции 2001 г. в Беларуси.

«Pieśń historyczna o Nayśw. Pannie w Cerkwi Ladzińskiej»

Pierwsza po Bogu świata Monarchini,
Obrałaś mieysce w Ladzińskiej pustyni,
Między zwierzęty chcesz mieszkać dzikiemi,
Która Pałacy rządzisz Niekieskiemi,
Có to jest, że Ty ulubilaś ląsy?
Naywięcey Ciebie szukać temi czasy.
Po puszczach, czy to, że sami grzechami,

Wypychamy Cię i z Miast wytrąca my?
Już Zyrowice dawno się wslawiły,
Teraz Boruny, i Sirocin Ci miły,
Brasławie, Suprasl, Mahirow i Kanie
Obrałaś sobie najmale mieszkanie.
Krasnobor, Leśną i Bliskie Dudzicze,
Ladzieńską puszcze, a innych nie liczę
Dość, że się teraz po pustyniach gęstych
Kryiesz, chyba dla naszych grechow częstych,
A Duch Cię Święty z pustyni zaprasza,
Wynidź z Libanu, o pociecho nasza!
Lecz gdyś się puste mieysca podobały,
Niech i te będą pełne twoiey chwały.
Y to, że się Ty nie ziawisz innemu,
Tylko prostemu, albo ubogiemu,
Znać, że tych kochasz, jaką sama stała,
Gdyś się pokorą Bogu podobała.
Z tego widoczny ten Document mamy,
Ze Ty nie gardzisz Panno prostakami,
Królewskei Pani zapomniawszy stymy,
Idziesz do Chłopow w piekarniane dymy.
W Ladzie kołaczysz we drzwi do Kiryka,
Budzisz! wychodzi i Ciebie spotyka.
O jakie szczęście Chłopa mizernego,
Ze Pani Nieba przychodzi do niego!
Jeszcze go przedtym kochankiem nazwała,
Gdyś do innego Chłopa kołatała.
A gdy ten kwoli tobie nie odmyka,
Rzekłaś: ja pójdę do mego Kiryka.
Idziesz i oraz każesz isć za sobą
A Syn Twój Jezus dziecinną osobą
Wraz idzie z tobą, Kiryk assystuie.
Tey, która Niebo na ręku piastuie
Znalazłszy mieysce sobie ulubione,
Mówisz: me Imie tu będzie chwalone,

Niech tu Krzyż stanie, znak Syna moiego;
Bom nie znalazła miejsca piękniejszego.
Odpowie Jezus: moja Matko moła,
To niepodobno, bo wielka mogiła
Przeszkadza, Matka rzecze: Synu miły,
Wyrównam ja te, gdy zechcę mogiły.
Idziesz drugi raz, każesz mu nieść siebie,
Człowiek nie pozna, czy tu, czy już w Niebie?
Ciebie piastować, czegoż więcej trzeba?
Jakież to szczęście! niechciałbym i Nieba.
A gdy Cię nosi, w siłach nie faluie.
Choć całe Niebo na sobie piastuie.
Czy możeż większa w pracach być ochłoda,
Jako Ty źródła Niebieskiego woda?
Niebieskim światłem przyodzian s była,
Jeszcześ dwie świece w ręku swych nosiła,
A potymes go mile pogłaskała,
Łaskawie; czy nie ciężko mu? spytała.
Na to prostaczek, już poznavszy Ciebie,
Rzekł: nie, Królowo, lżey nie będzie w Niebie.
Czy nie zemdlaeś? ni, o jak tam miła
Twoja rozmowa z tym prostaczkiem była!
Nosi na sobie Niebieskie pieszczoty
Ubogi, którey Anielskie z ochoty
Pod Święte stopy mocy, że padaią,
Za osobliwe sobie szczęście maią.
Tę, która sam Bóg na ręku piastuie,
Z wielką pokorą Niebo adoruie,
Przed którą Cherubin, Serafin się wstydzi,
Na swych ramionach jeden prostak widzi.
Nosi po lesie, przez zarosłe knieie,
W nocy to było, alić gdy już dnieie,
Spuszcza się z ramion i pod sosną siada
Panne tam, kędy teraz Święta Lada.
Kazała sobie założyć slobodę,

Na Szpital mieysce, także i na wodę.
Gdzie ma stać Cerkiew, sama ukazała,
Ze się tu moia szerzyć będzie Chwała.
Buduy, jak możesz, dla mnie Świątnicę,
Założ tym czasem choć mała Kaplicę,
Kładź na fundament choć cztery bierwiona,
A więcey ludzkie przyniosą ramiona.
Jeszcze, nie koniec twoiey łaski było,
Tak to Ladzienskie mieysce tobie miło.
Kazesz przychodzić nazyjutr z zarania
Temuz samemu czieku do świtania.
Pełni twój rozkaz, i przede dniem wstanie,
Wychodzi, słucha, aż w Ladzie śpiewanie,
Anielskie trąby, kotły dźwięk wydaia,
Czy Litanie, czy koncert śpiewaia.
Idzie na ten głos Kiryk prosto w Ladę,
Jeszcze sam nie wie, czy na jaką zdradę
Sztańska trafil? czy się zmysły jemu
Zmarijowały Chłopowi Prostemu?
Aż gdy przychodzi i zdaleka stoi,
Widzi gmin Ludu, a ten wszystek w twoiey,
Panno, usłudze, drudzy się kłaniaia
Tobie, a drudzy wybornie śpiewaia.
W wielkiey jasności, właśnie jakby w Niebie
Kłęczą, adrudzy stoia koło Ciebie.
Y naszych Świętych niezmierne gromady,
Z Nieba zstąpiły do tey Świętey Lady.
Mędzy któremi jeden celebruie
Mszą Świętą, na tym mieyscu odprawuie,
Gdzie teraz Ołtarz, a po przeżegnaniu,
Poszli do Nieba wszyscy na świtaniu,
Padnie na ziemię, łzami się zaleie,
Z wielkiey miłości mało co nie mdleie.
Krzyżem na ziemi leży przez czas długi,
Mysli, i jaż to godzien tey posługi?

Wstawszy, powraca, bierze Oyca swego,
Idą obadwa, do miejsca onego,
Wkopiują tam Krzyż, gdzie mu rozkazała
Ta, co na jego barkach spoczywała.
Czrety bierwiona na fundament kładnie,
Zatym Kaplica zbudowana snadnie,
Ludzie na sobie bierwiona nosili,
Sami Kaplicę małą postawili.
A dla pomocy kazalaś choremu
Wstać Fiedorowi na tym przysięglemu
Swiadkowi ciesli, by co prędzey stała
W Ladzie dla Ciebie Kaplica choć mała,
Tyś na powietrzu w światłości widziana,
Ześ szła do Lady złotem przyodziana.
A gdy nad Lasy Ladzieńskie przybyła,
Spuścilaś się tam, kędyś ulubila.
Te wszystkie Cuda przysięgą przyznane,
Ze nie w śnie, ale na jawie widziane,
Gdy Kommissaya była od Zwierzchności
Dla większey tego zesłana pewności:
Dowie się o tym Lud, że w Ladzie słynie
Panna Cudami, aż tam zewsząd płynie,
By łaski twoiey, Maryo, doznali,
Biegą do Lady i starzy i mały.
Tyszkiewiczzowa zacna Święta Pani,
Wojewodzina Mińska wielkie dani
Daie, swe Dobra z Synem zapisuie,
Bazylianow w tey Ladzie funduie.
My Chrześciance grzechami zmazani,
W troskach wołamy do Ciebie, o Pani!
Co w Ladzie mieszkasz, w noś proźbę za nami,
Choć niegodnemi twoiemi sługami.
Módl się, zastawiaj, niech twoia przyczyna
Łaskę nam zjedna u twoiego Syna,
Grzechy nam zgładzi, a Niebo daruie,

W troskach, frasunkach kaźdych nas ratuie,
Niebieska Pani, nasza Pustelniczko,
Nasza przed Bogiem chciey być Poźrzedniczką.
Niech Chrześcianie w kaźdym swym frasunku,
Zawsze doznaią twoiego ratunku.
Za grzechy nasze karze Bóg plagami,
Oycyznę naszą srogiemi woynami,
Uczyń to Panno, ty co mieszkasz w Ladzie,
Niechay przestaie Bóg na twoiey radzie.
Niech da Oycyźnie pokóy požądany,
Nech zrządzi w sercach zgodę między Pany,
A my cię za to z twym Synem społecznie
Będziem wychwałać na wiek wiekow wieczni».

1. Лабынцев Ю. Литовская кирилловская письменность XIII–XV вв. и Катехизис М. Мажвидаса // *Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: Kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis*. Vilnius, 1998. P. 176–182.

2. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Полоцк – колыбель Православия на Беларуси. Минск; Полоцк, 1992. С. 35–37.

3. См., напр.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 71.

4. Центральная научная библиотека им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси. Отдел рукописей. Ф. 4. Оп. 1. Е.х. 22. Л. 1–4.

5. См. интервью Е. Гедройца, озаглавленное «Prawda w oczu, groch o ścianę» (Rzeczpospolita. 1996. 17–18 lut.).

6. См., напр., перепечатку его статьи: Скарыніч Бр. Аб беларусах лацінніках // *Спадчына*. 1992. № 4. С. 76–83.

7. Клімчук Х. Палякі Беларусі, Украіны, Летувы, Латвіі ў XIX – XX стст. // *Хрысціянская думка*. 1994. № 1. С. 146.

8. Туронак Ю. Каталіцызм у Беларусі – маштаб праблемы // Скарыніч. Мінск, 1991. Вып. 1. С. 235.

9. Пшэцішэўскі П. Беларускія каталікі – якія яны? // Наша вера. 2000. № 1. С. 79.

Сравните: Kabzińska I. Wśród «kościelnych Polaków» wyznaczniki tożsamości etnicznej (narodowej) Polaków na Białorusi. Warszawa, 1999; Nowicka E. Polacy czy cudzoziemcy: Polacy za wschodnią granicą. Kraków, 2000.

Любопытно, что даже такой вдумчивый и многоопытный исследователь как С. Литак по сей день предлагает использовать конфессиональный критерий при определении этнической принадлежности жителей Великого княжества Литовского: «В целом католики латинского обряда – это население литовское и польское, а униаты и православные – руское» (Litak St. Stosunki kościelne na ziemiach litewsko-ruskich w latach 1772–1815 // Ziemie Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772–1815. Warszawa; Toruń, 1996. S. 77).

10. Пшэцішэўскі П. Указ. соч. С.82–84.

11. См., напр.: Lietuvos valstybino istorijos archyvas. F. 634. II. № 475, 479, 480, 481 и др.

12. Matiunin S. Granica pomiędzy Kościołem a Cerkwią Prawosławną na terenie współczesnej Białorusi w wieku XX // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) B.m., 1997. S. 311–318.

О быстро меняющейся ситуации в католическом костеле в Беларуси см.: Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.). Мінск, 1998; специальный web-site: cacedu.unibel.by.

13. Подробнее см.: Litak St. Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku: Struktury administracyjne. Lublin, 1996.

14. См., напр.: Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Vilnius, 1995.

15. Ляскоўскі С., Адзіночанка В. Беларуская мова ў сучаснай каталіцкай Царкве // Перспектывы развіцця і функцыянавання нарматыўнай лексікі. Гомель, 1998. С. 182.

16. О ситуации с польским языком у католиков Беларуси в свете наблюдений самого последнего времени см., напр.: Корнюхина Л.В. Периферийный польский диалект на территории белорусско-литовского пограничья: Современное состояние: Языковая ситуация и заимствования // Hungaro-Baltoslavica 2000. Budapest, 2000. P. 72–74; Курьян И. Отражение белорусско-польских

языковых контактов в проекте словаря смешанного говора региона Браслав // Там же. Р. 76–77; Будько И.В. Особенности функционирования языка *sacrum* на территории Браславщины (Беларусь) // *Studia Russica. Budapest*, 2000. XVIII. Р. 31–34.

17. Очень показательна в этой связи популярность среди «новых» католиков Беларуси, и не только, старинного белорусского униатского гимна «*O moy Boža, wiegu Tabie*», который не без влияния новых католических изданий все чаще переписывается кирилловским (гражданским) письмом, а не латиницей, как это было до сей поры.

Необходимо отметить, что за последние годы был издан целый ряд своего рода базовых белорусоязычных сборников, содержащих и паралитургические произведения. См., напр.: Касьцельныя песні. Менск, 1992; Прыйдзі, Езусе. Варшава, 1992; 3 надзей Ойча, да Цябе. Гродна, 1999 и др.

У католиков Беларуси и польско-белорусского пограничья можно видеть различные печатные фрагменты или же чаще литографические списки белорусоязычных кантычек, сочиненных в основном в XX, реже XIX и, видимо, как исключение, в XVIII вв. В абсолютном большинстве случаев об оригинале или протографе этих произведений сказать ничего нельзя. Более или менее точно мы можем указать лишь отдельные ранние издания, представляющие данную традицию. См. напр.: *Kantyczka, abo sabranie nabożnych piesieŋ dla użytku katalikaŋ białarusau*. Wilnia, 1914.

18. Сравните: Костюковец Л.Ф. Кантовая культура в Белоруссии. Минск, 1975.

Важно подчеркнуть, что процесс перехода из разряда литургических в паралитургические произведения и наоборот вообще практически не изучен. Особенно это заметно на примере восточных славян. См.: Stern D. Відносини набожних пісень до літургії у східних слов'ян в XVII–XVIII стст. // *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od odrodzenia po súčasnosť*. Bratislava, 2000. S. 321–330.

19. *Słownik folkloru polskiego*. Warszawa, 1965. S. 160.

20. См., напр.: *Kantyczki karmelitańskie: Rękopis z XVIII wieku / Przygot. do wyd. B. Krzyżaniak*. Kraków, 1980; *Verkündigung durch Volksgesang: Studien zur Liedpropaganda- und katechese der Gegenreformation*. Berlin, 1981 и др.

21. Słownik folkloru polskiego. S. 161.

22. Подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.

23. Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka. F. 18. № 160.

Лучший экземпляр из числа сохранившихся супрасльских кантычек, датированный 1799 г., ныне бережется в Библиотеке Варшавского университета (сигнатура 4.19.3.70).

24. См. напр.: Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa, 1955. Т. 9. S. 59–63.

25. Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne. Kraków, 1980. Т. 1. S. 181–182.

26. Kantyczki: Podług wyd. 1785 / Przedm. A. Mickiewicza. Paryż, [1868]. Т. 1–4.

27. Kantyczki. Т. 1. S. I.

28. Kantyczki. Т. 1. S. II.

29. Мы публикуем один из вариантов этой песни, записанной нами во время экспедиции 2001 г. с сохранением всех основных особенностей оригинала:

«Nayświętsza Panno, Nowogródzka Pani,
W Zamku twym ściela suplikę poddani.
Okryi nas płaszczem litości, błagamy,
Gdyż Cię za Matkę miłosierdzia mamy.
Slyniez łaskami w twoim Wizerunku,
Nie odmawiaiać nikomu ratunku,
Nie spuszczyz tedy i nas z twey Obrony,
Gdy w Zamku twoim szukamy ochrony.
Z Ciebie, jak z źródła łask, chorzy czerpaia
Zdrowie, umarli z swoich mar powstaia.
W troskach, kłopotach, za jedno westchnienie,
Odnoszą smutni hojne pocieszenie,
Slepym wzrok daiesz twym jednym spóyrzeniem,
Wszyscy proźb skutek biorą z wyrażeniem,
Ześ jest wielkiego pełna uzalenia,
Morze łask wszestkich z własnego Imienia,
Kazdy, kto ufa, przy twoim Obrazie
Ma swe pociechy, by w naywiększym razie.
A czemuż Matko szciodrą maiać rękę,

Mała od ludzi odnosisz podziękę?
Odzów się Panno, żeś jest na pustyni,
Y ledwie który pokłon tobie czyni,
A twoy cny Domek, gdzie daiesz Odpusty,
W cale odludny, i niemal też pusty!
Ja grzesznik wielki tego nie uproszę,
Przecież mą proźbę z pokorą zanoszę.
Zapal Affekta, któraś oświecała
Kaplicę w nocy, tak, jakby gorzała.
A nas w swej świętej miej zawsze Obronie,
Cudny Boskiego miłoserdzia Tronie,
Y nie wypuszczay nas nigdy z Opieki,
Którzy Ci służyć pragniemy na wieki».

30. Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa, 1995. T. 4. S. 11.

31. См., напр.: Ziemia T. Młodość Mickiewicza: Obraz pierwszych wpływów na rozwój umysłu i charakteru. Kraków, 1887. S. 13.

32. М. Пишчковски даже предполагал, что А. Мицкевич мог иметь собрание кантычек подобное тому, которое попало в руки исследователя. См.: Piszczkowski M. Nieznany kancjonał z przełomu XVIII i XIX w. // Ruch Lit. 1966. Z. 6 (39). S. 299.

33. См., напр.: Адам Мицкевіч і Беларусь. Мінск, 1997; Адам Мицкевіч і нацыянальныя культуры. Мінск, 1998.

34. См., напр.: Stankiewicz S. Pierwiastki białoruskie w polskiej poezji romantycznej. Wilno, 1936.

35. Любопытны в данной связи, к примеру, слова Роберта Стиллера, прозвучавшие в преддверии 200-летнего юбилея А. Мицкевича. См.: Stiller R. Wciąż kłamać o Mickiewiczu // Wiadomości Kulturalne. 1998. № 9 (197). S. 8.

36. Pilat R. Nieznana rozprawka Mickiewicza o Karpińskim // Pamiętnik T-wa Lit. im. A. Mickiewicza. 1890. T. 4. S. 181.

37. Так кантычки, сочиненные Ф. Карпинским, издавались базилианами в Супрасльском Благовещенском монастыре. См., напр.: Pieśni nabożne. Supraśl, 1792. В это время поэт находился неподалеку от Супрасля в Заблудове, где служил у Радзивиллов.

38. См. великолепное факсимильное переиздание одного из супрасльских томиков его кантычек по экземпляру из собрания Библиотеки Института литературных исследований ПАН: Kar-

piński F. Pieśni nabożne. Supraśl: Współczesna Oficyna Supraska, grudzień 1992.

39. В 1898 г. на эти слова А. Мицкевича обратит внимание С. Здзярский в своей книге о народных основах его поэзии. См.: Zdziarski S. Pierwiastek ludowy w poezji A. Mickiewicza. Lwów, 1898. S. 18.

Нельзя не привести в данной связи и еще одни слова, написанные А. Мицкевичем: «Dla Słowianina nie masz nic ciekawszego nad śledzenie i kreślenie dziejów postępu i ustalania się języka polskiego na ziemiach ruskich». См.: Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa, 1955. T. 9. S. 6.

Западнобелорусские земли с Новоградчиной на карте
Великого княжества Литовского конца XVII в.
(Амстердам, гравюра на меди)

Католический придорожный крест на современном белорусско-польском пограничье

Старинная хата на современном белорусско-польском пограничье

Церковно-приходская школа и церковнославянская письменность у белорусов в XIX – XX вв.

При непосредственном многолетнем знакомстве с жизнью крестьянского населения тех или иных территорий современной Беларуси и приграничных по отношению к ним регионов Польши и Украины мы давно обратили внимание на сильное, до сих пор заметное влияние, какое оказала на этих людей система народного образования, сложившаяся в Российской империи. Влияние это было всесторонним, включая, конечно же, становление этнического самосознания. Особая роль в последнем принадлежала наряду с Православной Церковью и ее институтами церковно-приходской школе. Стоит ли говорить, что, в силу мер запретительного характера семи последних десятилетий XX в., важнейшая эта тема, связанная с судьбой большей части населения Российской империи в XIX – начале XX в., преимущественно крестьянства, стала изучаться лишь в самое последнее время. Начиная с глубокой древности церковно-приходская школа, наряду с народной начальной школой вообще, оказалась центральным образовательным учреждением, вокруг которого группировались и все основные силы местной интеллигенции и где по существу шла основная многолетняя работа по формированию этнического самосознания в кругу детей и молодежи.

Насколько же значимым социальным институтом в Российской империи XIX – начала XX в. была деревенская церковно-приходская школа? Обратимся к данным государственной статистики. Согласно всеобщей переписи 1897 г. крестьянское сословие вместе с казаками составляло 79,4 %

всего населения Российской империи [1], равнявшегося, включая Финляндию, 125 миллионам 640 тысячам человек. К этому времени число учащихся в начальных школах всех типов составляло примерно три миллиона человек, в церковно-приходских школах при этом обучалось около половины всех школьников [2]. При анализе данных начального народного образования за всю двухсотлетнюю историю имперского периода России бросается в глаза колоссальный рост числа детей крестьян в школах всех типов начиная со второй половины XIX в. При этом, если в первой четверти XVIII в. во всех типах школ количество учащихся составляло несколько сот человек, то к исходу XVIII столетия один школьник приходился примерно на одну тысячу населения империи, а к концу XIX в. один школьник в среднем приходился на 40 человек населения. Естественно, концентрация обучавшихся в начальной школе была по губерниям далеко не однородной. Любопытно, что согласно официальным данным государственной статистики образовательные показатели по народной школе в великорусских губерниях европейской части империи, а также в Белоруссии и Украине были много выше, чем, например, в Царстве Польском. Так, в Гродненской губернии один учащийся приходился на 31 ее жителя, в то время как в соседней Седлецкой – на 50 человек, а в Радомской, даже на 60. В Могилевской губернии показатель был такой же, как и в Черниговской, Полтавской и Херсонской губерниях – один школьник на 30 жителей этих губерний [3]. То есть, иными словами, проанализировав общие статистические данные по тем или иным губерниям и смоделировав состояние и динамику образовательного процесса, происходившего на конкретной территории в конце XIX в., можно констатировать, что, например, в Гродненской губернии число школьников составляло около 4 % всего населения губернии, в Радомской – только 1 %, а в Варшавской – 2 %.

Следует сказать, что колоссальные разнообразные данные, накопленные статистическими учреждениями Российской империи, представляют собой уникальнейший исторический материал, использовавшийся пока еще очень и очень слабо. По сути до сих пор в дело шли лишь те или иные общие цифры, дающие самую предварительную картину в той или иной сфере. Несомненно, полномасштабное возвращение к этому, без преувеличения монументальному, источнику «века статистики» еще впереди, ибо благодаря новейшим информационным технологиям и математическим методам он позволяет нарисовать подробный динамичный образ жизни Российской империи XIX – начала XX в.

Как показывают приведенные нами цифры, народная начальная школа, в том числе церковно-приходская, была обращена почти исключительно к крестьянству, составлявшему абсолютное большинство жителей Российской империи. В белорусских губерниях ситуация была аналогичной. В 1897 г. все население Белоруссии (примерно в современных ее границах) составляло около 7 миллионов человек, из них более 6 миллионов было сельскими жителями. К 1914 г. общее число жителей белорусских губерний увеличилось до 9,5 миллионов, а сельских – более чем до 8,2 миллиона человек [4]. Согласно данным переписи 1897 г. в белорусских губерниях проживало более 80 национальностей. Из них почти 66 % составляли белорусы, около 15 % – евреи, 6 % – русские, около 5 % – украинцы, немногим более 5 % – поляки. Подсчет белорусов осуществлялся по языковому признаку, так как вопрос о национальной принадлежности в опросных листах переписи 1897 г. отсутствовал. В группе славянских языков в сводной статистической ведомости были выделены русский язык с подразделением на великорусский, малорусский и белорусский, польский язык и прочие славянские языки. В итоговых отчетах по переписи 1897 г. была практически узаконена следующая формула: «Господствующее племя – русские состоят из 3 групп: великороссов (66 %),

малороссов (27 %), белорусов (7 %). Русские составляют 67 % общего числа населения империи: в Европ. Рос. (искл. 10 губ. Ц.Пол.) – 80 %, в Сибири – 81 %, на Кавказе – 34 %, в Средн. Азии они составляют всего 9 %, а в 10 губ. Ц. Пол. – около 7 % населения» [5]. В различного рода переписях губернского и уездного уровня, составленных несколькими годами позднее в начале XX в., уже наряду с языком указывается вполне официально и «народность»: «белорусская» или «малоросская». Языковой принцип позволил одному из виднейших славистов XIX – XX вв. академику Е.Ф. Карскому определить число белорусов на момент переписи 1897 г. более чем в 8 миллионов человек [6].

Белорусскоязычное население белорусских губерний проживало почти исключительно в сельской местности и относилось к крестьянскому сословию. В Минской, Могилевской и Витебской губерниях крестьяне составляли до 94% от числа живущих там белорусов. Весьма знаменателен факт признания половиной (около 86 тысячами человек) потомственных шляхтичей, составлявшими около 2 с небольшим процентов белорусского населения империи, своим родным языком белорусский [7]. Несмотря на то, что в целом среди белорусов абсолютно преобладали православные – более 81 % от общего их числа – статистические данные, преимущественно губернского и уездного охвата, позволяют выявить весьма значительный процент белорусов-католиков. В различных переписных документах они именовались местной администрацией западных губерний Российской империи как поляки, говорящие по-белорусски. После известных событий 1905 г. имперской администрацией на местах с целью улучшения школьного дела предпринимается ряд специальных исследований, результаты которых, касающиеся западной части империи, позволяют дать довольно детальную характеристику белорусов-католиков. В это же время в основном на польско-восточнославянском пограничье отмечается довольно массовый (в несколько десятков тысяч че-

людей) переход бывших униатов, а затем православных непосредственно в римско-католичество. Эти неоримско-католики практически автоматически порывают со своим «русинством» и «тутейшеством» и становятся «поляками». На украинско-белорусско-польском пограничье их называют «калакутами». Несколько усложненным примером подобного перехода и в то же время более показательным с точки зрения наглядности и рельефности этого практически неизученного процесса может служить Ходышевская парафия на Подляшье, населенная преимущественно потомками «белорусскоговорящих католиков». Впрочем, подобные переходы в римско-католичество бывших униатов были и после 1839 г. и после 1875-го. В различных архивах сохранилось множество документов на этот счет. Причем детальность данных, в них представленных, касается погодных событий в жизни отдельных семей и даже людей, что позволяет с большой точностью проследить за ходом весьма важной для нашей темы этноконфессиональной метаморфозы – отречением от «русской веры» и переходе в «польскую», то есть в среду «поляков-католиков» или «католиков-поляков» [8]. Все эти процессы теснейшим образом были связаны со школьным делом, борьбой в этом вопросе «польского» и «русского» начал, ставшей весьма заметной еще задолго до ликвидации на белорусских землях церковной унии в 1839 г. После 1905 г. борьба эта в школьном деле заметно активизировалась. Отдельные чиновники Минской губернии накануне Первой мировой войны говорили, что некоторая модернизация образования последних лет «открыла двери для навязывания белорусскому населению польского национального самосознания» [9]. На самом деле польская этноконфессиональная пропаганда после известного царского манифеста от 17 апреля 1905 г. получает в среде восточных славян западных окраин Российской империи весьма заметное развитие. На сей счет существуют также различного рода статистические данные, собиравшиеся всевозможными светскими и

церковными организациями. Выводы их сходились в том, что пропаганда эта была всесторонней и самым серьезным образом она затронула школу. «Во главе всей этой агитации стояли лица интеллигентные, которые довольно искусно направляли латино-польскую пропаганду» – местные чиновники, помещики, ксендзы [10].

Отступление русских войск во время Первой мировой войны привело к появлению в западной части империи несколькомиллионного потока беженцев. Это были почти исключительно православные украинцы и белорусы, оставившие родные места и возвратившиеся сюда лишь в конце 1910-х – начале 1920-х гг. В трагический путь тогда отправилось почти все православное восточнославянское население Холмщины, Волыни, Подляшья и западной части современной Беларуси. Период беженства, охвативший несколько самых тяжелых лет в истории России, стал для белорусского и украинского этносов одним из важнейших моментов в формировании собственного этнонационального самосознания. В этом важнейшую роль сыграла и собственная, крестьянская интеллигенция, появившаяся к тому времени в основном благодаря местной народной школе различных типов, включая так называемые учительские институты. Не случайно, именно представители этой интеллигенции и православные священники, возвращаясь из беженства в России к себе на родину в Западную Беларусь, оккупированную Польшей, на десятилетия лишались здесь гражданских прав. Типичным примером может служить судьба народного учителя из Западной Белоруссии Нестора Перевоя, оставившего свои объемные двухтомные записки. Вот что он писал в них о времени беженства и последующем затем возвращении на родину: «Ад 1915 і па 1921 год я пражываў у Маскве. Быў сведкам Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай Рэвалюцыі 1917 г. Асабіста бачыў тагды яшчэ жывога Леніна. У 1922 г. прыехаў на сваю бацькаўшчыну ў Кнаразы, думаючы, што буду працаваць настаўнікам у школе, як і раней. Але Сана-

цыйная Польшча не давала працы настаўнікам-беларусам і я астаўся на гаспадарцы свайго бацькі. У маладых гадах я зімою вучыўся, а летам памагаў бацькам. У Маскве хадзіў на вячаровы аграэхнічны курс пры Петраўска-Разумоўскай Акадэміі. Пачатковая праца на раллі без каня, без прыладаў, без насення, без мінеральнага навозу была вельмі цяжкая, але тэарэтычная падрыхтоўка на курсах дапоўніла мае практычныя веды і праца на раллі хутка стала даваць задавальняючыя рэзультаты» [11].

А вот еще одно свидетельство, на этот раз потомка белорусов-беженцев – известного в Европе художника-модерниста Лявона Тарасевича, живущего на востоке нынешней Польши: «Мы і яны. Мы – беларусы, праваслаўныя – адчувалі сябе часткай Вялікага Княства Літоўскага, да якога некалі належалі гэтыя землі. У 1919 г. наш край упершыню далучылі да Польшчы. Маладыя ня вераць, што гэта было так нядаўна. У Гарадку з 1488 г. стаіць царква, а касцёл быў пабудаваны толькі ў 1937-м. Нашы дзяды вярталіся з бежанства ў Польшчу – страшэнна прасякнутую сваёй незалежнасцю, польскасцю і каталіцызмам» [12].

Православная Церковь и православное катехизическое обучение в школе и по сей день являются прежде всего на польско-белорусском межгосударственном пограничье одним из основных средств борьбы за свою национальную самобытность. Недавно посол Сейма Польши, член Комиссии по национальным и этническим меньшинствам, известный белорусский общественный деятель Евгений Чиквин сказал о белорусах в современной Польше: «Што яшчэ можа выратаваць ад поўнай паланізацыі і аб'яднаць – гэта праваслаўная царква. Лічу, што праваслаўе для нас не проста дэкларацыя веры. Гэта тып культуры, гэта тое, што яшчэ акрэслівае нас як нацыю» [13].

Борьбу за культурно-политическую и этноконфессиональную ориентацию местного населения в «польском духе» польские светские деятели и отчасти римско-католический

костел на белорусских землях значительно усилили непосредственно после разделов Речи Посполитой. При этом школе отводилась одна из важнейших ролей. Учрежденное в Российской империи в 1802 г. Министерство народного просвещения с подведомственными ему шестью учебными округами, в их числе Виленским учебным округом, охватившем восемь западных губерний: Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Волынскую, Киевскую и Подольскую, на первых порах по сути своей проводило в отношении местного белорусского и украинского населения денационализационную политику во все том же «польском духе». Первый попечитель Виленского учебного округа князь Адам Чарторьский, кстати потомок древнего украинско-белорусского православного рода, так писал об этом в своих воспоминаниях: «Несколько лет спустя вся Польша наполнилась училищами, в которых польское национальное чувство могло совершенно свободно развиваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император великодушно ему покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие направил на народное образование, которому я дал национальный характер» [14]. Этот «национальный характер» и продолжал определять идеологию преподавания в народных школах Виленского учебного округа еще долгое время и после ухода с поста его попечителя князя А. Чарторьского, по крайней мере «характер» этот во многом оставался таким и после преобразования в 1829 г. Виленского округа и выделения из него округа Белорусского. Как признают современные польские исследователи, еще и в середине XIX в. положение это почти не менялось, несмотря на различные распоряжения царской администрации. «В открываемых парафиальных русских народных школах, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения, большинство учите-

лей составляли поляки... В основе своей такая ситуация оставалась неизменной до конца пятидесятых годов» [15].

Многолетнее доминирование в начальной школе белорусских губерний польского языка заставило царскую администрацию в 1860-е гг. пойти на эксперимент введения в практику преподавания местных языков («наречий»), которые в то время не имели, естественно, никакой кодификации, последнее обстоятельство касалось и белорусского языка. Была даже сделана попытка печатания учебных книг на «белорусском наречии», дающих весьма наглядное представление о явном признании и подчеркивании этнических особенностей белорусов [16]. Еще в большей степени это признание отражено в текстах многочисленных секретных записок и донесений царской администрации.

Своеобразной этнокультурной основой жизни восточного славянства и одновременно своего рода стражем межэтнического польско-восточнославянского пограничья искони был церковнославянский язык. Это всегда хорошо понимали представители «русской» и «польской» веры, то есть православные, католики и греко-католики. Не случайно, в явном противодействии школьным начинаниям князя А. Чарторыского в духе полонизации местного восточнославянского населения объединилась часть белого униатского духовенства и стала открывать свои собственные приходские школы для обучения церковнославянскому языку.

В преподавании церковнославянского языка и практике его употребления главенствующее место отводилось и в получившей большое развитие на белорусских землях православной церковно-приходской школе, подведомственной Святейшему Синоду. Собственно все народные школы этого ведомства, обычно называемые в просторечии, да и в научной литературе, церковно-приходскими, подразделялись на два разряда: низший, представленный многочисленными школами грамоты, и более высокий, и также массовый разряд трехступенчатой церковно-приходской школы. Послед-

няя могла быть «одноклассной» с двухлетним курсом обучения, «двухклассной» с четырехлетним курсом или же могла представлять своего рода учительский институт с шести и даже восьмилетним курсом. При этом «церковно-учительские школы», как впрочем и обычная «двухклассная церковно-приходская школа», могли иметь различные модификации в виде всевозможных дополнительных «классов», что в отдельных случаях непосредственным образом предопределяло углубленное изучение местных культурных особенностей и народного менталитета [17]. В частности, одной из заслуг таких школ на белорусских землях было всестороннее изучение древних народных святынь и традиций, что самым прямым образом влияло на становление этнонационального самосознания.

Церковно-приходская школа в своем развитии прошла несколько важнейших этапов, засвидетельствовав все возрастающую ее роль как в жизни общества в целом, так и в сфере формирования собственных этнокультурных воззрений в самой многочисленной восточнославянской среде – крестьянской. Вместе с тем, в православной церковно-приходской школе обучались не только православные и не только славяне. Так, например, в 1885/1886 учебном году в церковно-приходских школах Гродненской губернии школьники из числа католиков, преимущественно белорусов-католиков, составляли весьма заметный процент, было их в общей сложности 655 человек (618 мальчиков и 37 девочек). Тогда же там обучалось 15 евреев и 5 магометан [18]. Многочисленные документальные источники, обнаруженные нами в процессе экспедиционных исследований, свидетельствуют о веротерпимости и толерантности в крестьянской среде как со стороны православных, так и католиков, большая часть которых по своему происхождению была этническими белорусами. Вот что, например, писал в своих записках в конце XIX в. настоятель православной церкви в селе Чарна Церковная Бельского уезда о. Алексей Волковский: «...рели-

гиозной вражды между православными и католиками в простом народе (крестьянстве) не заметно; только так называемая шляхта пропитана религиозною нетерпимостью в отношении ко всему русскому и православному...». Он же, кстати, отмечал факты посещения католиками-крестьянами православных храмов, что в ряде случаев объяснялось не только общностью религиозных святынь, но и всего исторического бытия этих земель, исстари заселенных восточными славянами.

В самом начале XIX в. (в 1902 г.) статус церковно-приходских школ значительно повышается благодаря различным изменениям, введенным по распоряжению высших властей, в частности, увеличению сроков обучения. Весьма заметно возрастает в это время и число учащихся в церковно-приходских школах – до двух миллионов человек. Необычайно быстро растет грамотность в стране. Например, среди призванных на военную службу в 1913 г. грамотными были почти 70 % призывников. Все это, естественно, способствовало появлению на селе довольно большого числа образованных людей среди местного белорусского населения и именно они становились со временем опорой молодого белорусского национального движения. Родившийся в 1904 г. в Гродненской губернии белорусский писатель из народа Михась Красовский очень ярко рассказал о своей эволюции, благодаря обучению в местной сельской школе, от самоощущения «мы люди простые», внедренного старшими представителями его семьи и деревенского окружения до самоутверждения «мы – белорусы» и констатации, что «наш белорусский народ весь сельский», деревенский, крестьянский [19].

Церковно-приходская школа закончила свое существование на белорусских землях в западной их части в середине 1915 г. (беженство), а в восточной – в 1918 г. Оценивая ее значение в деле духовного воспитания крестьянства, его образования и формирования национального самосознания,

можно подтвердить многие важные догадки и утверждения известного русского деятеля, члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Александровича Рачинского (1833–1902), изложенные им, в частности, в серии его статей и книг, посвященных сельской школе [20]. Не случайно, представители возрождаемой ныне, в основном в форме воскресных школ, церковно-приходской школы, в том числе и в современной Беларуси, все чаще обращаются к его научно-педагогическому наследию, вобравшему в себя и большой личный практический опыт по устройству массовой народной школы, основанной на православных ценностях.

Начавшийся с новой силой после царского манифеста от 17 апреля и 17 октября 1905 г. виток противостояния между «польским» и «восточнославянским» в определении исторических судеб белорусского народа затронул в определенной степени и церковно-приходскую школу [21], однако это уже было другое время, когда государство и церковь смогли во многом избежать жестоких ошибок прежних лет и практически в значительной степени предоставить местному белорусскому населению свободу этнокультурного выбора [22].

Все последующее время, вплоть до нынешнего дня, традиции старой имперской церковно-приходской школы продолжали в той или иной мере оказывать свое влияние на белорусское крестьянство. Причем, как свидетельствуют наши экспедиционные исследования, наиболее значимым оно было и остается на западнобелорусских землях. Особенно это заметно в сфере все еще продолжающегося церковного летописания. В этих летописях, в частности, содержится немало сведений по истории тамошних церковно-приходских школ, которые в исторической перспективе явились для местного восточнославянского населения одной из самых значимых опор в деле национального возрождения.

Ниже мы публикуем историко-документальные материалы о народном образовании в одном из крупнейших западнобелорусских православных приходов – Рыболовском,

помещенные в местной церковно-приходской летописи. Автором этих материалов является В.Н. Круковский (1920–2000), уроженец центральной Белоруссии, сын местного настоятеля о. Николая Круковского, выпускник Виленской духовной семинарии, позднее деревенский учитель и псаломщик Рыболовского прихода.

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1–2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905.

2. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898; Опыт сравнительного обозрения успехов начального народного образования в разных местностях Российской империи. СПб., 1902; Начальное народное образование в России. СПб., 1900–1905. Т. 1–4; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1916. Вып. 16; Ольденбург Ф.Ф. Народные школы Европейской России в 1892–1893 году: Стат. очерк. СПб., 1896; Преображенский И.В. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. Изд. 2-е; СПб., 1901. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания [за 1892–1899]. СПб., 1892–1899.

3. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898.

4. Раков А.А. Население БССР. Минск, 1969; Манак Б.А. Насельніцтва Беларусі. Мінск, 1992; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.

Более детально данные представлены в кн.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903.

Вып. V; 1904. Вып. VI; 1904. Вып. XI; 1904. Вып. XXII; 1904. Вып. XXIII.

5. Российская империя: Словарь-справочник. СПб., 1992. С. 62–63.

6. Карский Е.Ф. Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1. С. 189–190.

7. Минская старина. 1911. Вып. 2. С. 4–9.

8. См., напр.: Lietuvos valstybinio istorijos archyvas. F. 634. II. № 475, 479–482.

9. Цит. по: Козляков В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Минск, 2001. С. 27.

10. Archiwum Państwowe w Lublinie. F. 103. № 9. S. 7.

11. Архив экспедиции 2002 г.

12. Тарасэвіч Л. «Падлеткам мне таксама хацелася быць як усе» // Наша Ніва. 2002. 19 крас. С. 10.

13. Чыквін Я. «Спадзяюся на міжпарламенцкую польска-беларускую групу...» // Голас Радзімы. 2001. 5 сн. С. 2.

14. Цит. по: Корнилов И.П. Князь Адам Чарторьский. М., 1896. С. 37, 40.

15. Zasztowt L. Kresy: 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997. S. 348.

16. См., напр.: Рассказы на белорусском наречии. Вильна, 1863.

17. См., напр.: Собрание правил, законоположений и распоряжений Святейшего Синода о церковно-приходских школах и школах грамоты с присоединением программ учебных предметов для церковно-приходских школ. Вятка, 1893; Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. СПб. 1898; Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатилетие (1884–1909 гг.). СПб. 1909.

18. Корчинский И., протоиерей. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии, составленный по данным архива Гродненского епархиального училищного совета и другим источникам. Гродно, 1903. С. 36.

19. Дзяўдка Квас (М. Красоўскі). Роздумы на калёсах. Беласток, 1995. С. 42–45.

20. См., напр.: Рачинский С.А. Сельская школа. М., 1991.

21. Архивом истории церковно-приходской школы в западных губерниях Российской империи можно считать журнал «Цер-

ковно-приходская школа», издававшийся в Киеве в 1887–1906 гг., и журнал «Западнорусская начальная школа», издававшийся там же в 1906–1917 гг.

22. Современных работ, посвященных данной трактовке этого вопроса, до сих пор почти не было, поэтому необходимо отметить материалы специального выпуска журнала «Ступени» (2002, №5), издающегося под эгидой ведущих высших белорусских православных школ, в котором эта проблематика занимает одно из центральных мест.

* *
*

«Народное образование в приходе.

В настоящее время дело народного образования имеет мало общего с церковно-приходской жизнью. Связь ограничивается лишь тем, что для уроков Закона Божия в школах отводится несколько часов в неделю, и самое преподавание Закона Божия ведется священником или псаломщиком, да еще в Великом Посту детям разрешается быть у исповеди и Св. Причастия и высшими школьными властями даже указываются для сего особые дни.

Если бы такое положение было и всегда в прошлом, то на страницах «Описания жизни прихода» не пришлось бы и затрагивать этого вопроса ибо нечего было бы и сказать о нем.

Но в старину (напр. в конце 19 и начале 20 века) в приходе было несколько Церковно-приходских школ, а еще раньше так называемых школ грамота, зависевших исключительно от епархиальной власти а в частности от местного настоятеля. А в еще более отдаленные времена и самое преподавание всех предметов в некоторых школах прихода велось исключительно священником или даже дьячком и причтом в причтовом доме. Поэтому, если не теперь, то раньше,

народное образование в приходе имело довольно тесную связь с церковно-приходской жизнью.

Вот почему этот вопрос и не может быть обойден молчанием на страницах этого труда.

Как уже замечено выше Церковные школы и их предшественницы «школы грамоты» к концу 19-го века были во всех деревнях прихода.

Как увидим из истории возникновения и постепенного развития этих школ первоначально забота о народном образовании была проявлена исключительно со стороны Церкви.

Особых средств на дело народного образования ни правительством ни епархиальной властью не отпускалось. Страньями местного священника обществом данного населенного пункта составлялся приговор об открытии школы грамоты. Наем учителя производился на средства местного населения (плата от ученика). Стол для учителя давался по очереди родителями ученика. Особых зданий для школьных занятий сначала не было. Нанималась для сего хозяйская хатка на всю зиму (иногда даже на средства священника) или вся школа кочевала в течение всей зимы из хаты в хату по очереди.

Правда учителями этих школ грамоты были люди мало образованные – большей частью окончившие где либо 3 отделения народной школы. Но эти первоначальные работники на ниве народного просвещения проявляли большую жертвенность, ведя занятия часто за мизерное вознаграждение, мирясь с тяжелыми условиями учительского труда и стараясь сообщить своим ученикам все те знания, какими обладали сами.

Преподавание в школах грамоты, а в последствии в церковно-приходских школах велось под неусыпным наблюдением настоятеля прихода, а учебниками эти школы снабжались из Епархиального Училищного Совета, через его уездные отделения. Письменные же принадлежности, как увидим из дальнейшего, должны были приобретаться, как

правило, самими учениками, но нередко приобретались на средства церкви и даже на личные средства священника.

Для удобства рассмотрения вопроса о народном образовании в приходе будем говорить о каждой школе в отдельности, начиная от ее основания и до наших дней.

1. Школа в Рыболах

Так как село Рыболы с незапамятных времен является центром религиозно-приходской жизни, то естественно, что оно же является и колыбелью зачатков народного образования в приходе.

Уже в Генеральной Визите от 26 сентября 1784 г. Визитатор Tomasz Woszczelowicz говорит: «Szkółka parochialna przez dziaka czasami utrzymuje się».

Возможно, что этот «Dziak» и сам знал не очень много. Возможно также, что свои занятия он вел с чисто практическим подходом, готовя из своих учеников помощников себе в чтении и пении на клиросе. Даже самое выражение визитатора «czasami utrzymuje się» свидетельствует о том, что занятия в этой школе были не регулярны, ибо Dziak имел прямые обязанности по приходу а, может быть, и занятия по приходской канцелярии. Однако уже самое существование школки, ведомой членом клира, указывает на заботу клира о народном образовании в доступном масштабе.

Впрочем, существование такой szkółki зависело, по видимому, от личного отношения к делу народного образования со стороны настоятеля прихода, а потому не могло быть прочным.

В Генеральной Визите от 20.IX.1818 г. о школе говорится уже совсем другое: «Przy cerkwi Rybołowskiej Szkółki parafialnej niema, ani fundusz żaden na utrzymanie Nauczyciela nie znajduje się».

В дальнейшем в течение 30 лет в документах церковного архива никаких упоминаний о Рыболовской школе нет. И

только из Клировой Ведомости за 1848 г. мы узнаем, что школа в Рыболах существует.

В упомянутой Клировой ведомости не сказано с какого времени существует эта школа, но из рапорта Настоятеля Рыболовской Церкви о. Григорія Кудрицкаго, который ниже будет помещен, узнаем, что школа в Рыболах существует с 23 мая 1845 г. В клировой же ведомости приводятся лишь сведения об учителе школы, который именуется «наставником».

«Наставник Рыболовскаго Приходскаго училища Александр Иоасафов Скальскій священнический сын». Проходил курс ученія в Виленской Епархіальной семинарии и из высшаго отдѣленія оной уволен с назначеніем наставником в Рыболовскую школу указом консисторіи от 3/1.1846 г. «Чтеніе, пеніе и катехизис хорошо знает».

Учителя подолгу в школе не засиживались и Клировыя ведомости за 1849 г. говорят: «Наставник Роман Шпаковский, священнический сын. Обучался в Литовской Духовной Семинаріи из низшаго отдѣленія уволен с назначеніем учителем в Рыболы».

В 1852 г. «Наставник Рыболовскаго Училища Николай Виктор Ральцевич. Окончил курс средняго отдѣленія Литовской Духовной Семинаріи 15/VII.1847 г. Холост. 23 лет. В Рыболы назначен с 1852 г.».

В 1855 г. «Наставник Рыболовскаго Приходскаго Училища Филипп Васильевич Добротворскій, священнический сын Смоленской губ. 35 лет. Обучался в Смоленской Духовной Семинаріи и в 1843 г. уволен из семинаріи».

В 1855 г. назначен Литовским Епархиальным начальством в Рыболы».

С 1-го декабря 1859 г. настоятелем в Рыболы был назначен о. Григорій Кудрицкій. Одновременно о. Григорій был «назначен Епархиальным начальством и Наставником Рыболовскаго Приходскаго Училища».

Как долго о. Кудрицкий был наставником в Рыболовском Приходском Училище не известно, но в послужном списке о. Кудрицкого за 1863 г. упоминается о том, что он еще состоит наставником школы. Конечно, о. Кудрицкий, имея не мало занятий по приходу и хозяйству, не мог вести регулярных школьных занятий и таковое положеніе считал ненормальным. При делах церкви сохранился рапорт о. Кудрицкого о материальном обеспеченіи духовенства от 16 апреля 1863 г. Повидимому, такой рапорт требовался от всех или от многих священников.

Из рапорта этого видно, что в Рыболах существует Казенное Училище, открытое 23 мая 1845 г. Помещается оно в наемном доме и содержится из сумм, отпускаемых Палатою Государственных Имуществ. Наставником в Училище по Указу Консистеріи местный священник и получает жалованія от Казны 85 рубл. в год.

Дальше о. Кудрицкий пишет: «Священник, при занятиях по приходу, при всем усердіи своем, не может постоянно и аккуратно заняться обученіем мальчиков; лучше было бы назначать в каждое приходское училище особаго наставника, оставив за священником преподаваніе Закона Божія, Священной Исторіи и главный надзор по училищу, особенно в Западном Крае».

Рапорт заканчивается замечаніем автора, что «в Училище обучаются мальчики большею частью из села Рыболы (повидимому еще не принято было посылать в школу девочек) – из прочих деревень по отдаленности мало бывает. Книгами училище снабжено достаточно».

Кстати, несколько слов о снабженіи школ книгами: Полицейскій Пристав 2-го стана Бельскаго уезда отношеніем от 18 августа 1863 г. просил настоятеля Рыболовской церкви о. Григорія Кудрицкого явиться к г. Исправнику г. Бельска «для принятія книг и прочих учебных припасов, присланных на Церковныя школы».

Возможно, что Епархіальное начальство согласилось с мненіем о. Кудрицкаго (такое мненіе могли представить в своих рапортах и другіе священники) и освободило его от обязанностей наставника в Рыболовской школе. Во всяком случае в послужном списке о. Кудрицкаго за 1864 г. и до конца его пребыванія в Рыболах не упоминается должность наставника школы.

Вообще в теченіе 10 последующих лет нет упоминаній ни о Рыболовской школе, ни об учителе. Однако в это період в жизни школы произошло довольно важное событіе, а именно: школа, ютившаяся досель в наемном доме перешла в собственное зданіе, выстроенное, вероятно, на том же месте, где находится школа и теперь. Это случилось, повидимому в 1864 г. – ибо в Клир. Ведомости за 1889 г. читаем: «при сей церкви имеется в собственном доме штатное народное училище, открытое в 1864 г. Учащихся в оном 53 мальчика и 13 девочек».

Мы знаем из предыдущаго, что школа в Рыболах открыта 23 мая 1843 г., а потому выраженіе в Клировой ведомости за 1889 г. «открыта в 1864 г.» нужно понимать так, что с этого года школа получила собственное зданіе и перешла в веденіе Гродненской Дирекціи Народных Училищ, т.е. в веденіе Министерства Народнаго Образованія.

Об учителе Рыболовской школы есть упоминаніе вскользь под 1874 г. на расписке подрядчика, строившаго рыболовскую приходскую церковь, в полученіи им денег от настоятеля расписался, как свидетель, учитель Рыболовскаго Сельскаго Училища Адам Богданович.

Настоятель Рыболовской Церкви о. Гловацкій «Указом Литовской Духовной Консистеріи от 19 сентября 1875 г. назначен законоучителем Рыболовскаго Народнаго Училища».

Во второй половине 80-х годов учителем в Рыболовской школе был Петр Константинович Соколов, что видим из отношенія Гродненской Дирекціи Народных Училищ на имя настоятеля Рыболовской церкви (Учитель просит разрешенія

Дирекції на вступленіє в брак с девицей Юліей Осиповной Барвіюк).

В 1889 г. учителем в Рыболах был Николай Михайлович Ярмлович, окончивший Свислочскую Учительскую Семинарію. Женился он, повидимому, в сем же 1889 г. на дочери о. Иоанна Гловацкаго – Меланіи.

В 1891 г. учителем в Рыболах Михаил Григорьевич Савашинский, окончивший Свислочскую Учительскую Семинарію.

В 1892 г. – учитель «Феофан Осипов Романчук, из крестьян Свислочского прихода. Окончил Свислочскую Учительскую Семинарію, жалованія получает 172 р., а законоучитель не получает».

К февралю 1893 г. Романчук перевелся в кавказскій учебный округ. На его место учительницей в Рыболы назначена с февраля 1893 г. Надежда Сильвестровна Короткова – дочь чиновника. Обучалась в Ковенской женской гимназіи. Получает жалованія 172 руб. и пользуется наделенным при училище огородом. Она же была и в 1894 г.

В 1895 г. в Рыболовской школе насчитывается уже 63 мальчика и 18 девочек. Учителем – Петр Константинович Мелешкевич. Окончил Свислочскую Учительскую Семинарію. Жалованья получает 172 руб. и пользуется школьным огородом.

Как видно – учителя в Рыболовской школе почему то часто менялись.

Уже 11 января 1896 г. Гродненская Дирекція Народных Училищ, по случаю увольненія учителя Мелешкевича просит законоучителя о. Михаловскаго «взять на себя труд вести занятія в Рыболовской школе до назначенія новаго учителя».

О. Михаловский, занятый работой по приходу, подыскал, вероятно, для занятій в школе соответствующее лицо и донес о сем Дирекции.

Из отношенія Гродненской Дирекціи на имя настоятеля Рыбол. ц. от 20 февр. 1896 г. видно, что в Рыболовской школе в теченіе одной недели занимался крестьянин с. Тростяницы Максим Филиппович Опалинский, коему и выражена благодарность.

В 1896 г. учительницей в Рыболах Анастасія Петровна Имшенник – дочь священника 21 года. Окончила Вилькомирскій частный пансіон. В школе обучается мальчиков 55, девочек 30.

В 1897 г. учителем Рыболовской школы – Даниил Кириллович Мацкевич 19 лет. Родился в дер. Ужик Брестскаго уезда. Окончил Свислочскую учительскую семинарію. В школе обучается 62 мальчика и 24 девочки.

В 1898 г. число учеников в школе почему то сильно падает: мальчиков 25 и девочек 5.

В 1899 г. число учеников опять возрастает до 45 мальч. и 25 дев.

В 1900 г. мальчиков 69, девочек 30.

Учитель Михаил Филиппов Василюк 21 г. род. в дер. Городчано Кленикскаго прихода. Выдержал экзамен на званіе церковно-приходского учителя при Жировицком Духовном Училище. В Рыболы переведен из Плесок. Это тот Василюк, который положил основаніе Рыболовскому церковному хору и памятен Рыболам до сих пор. В Плесках он тоже оставил память в виде небольшого хора. Думаю, что и перевод его в Рыболы состоялся не без ходатайства о Михаловского, которому хотелось и в Рыболах иметь правильно организованный церковный хор.

Число учеников в последующіе годы колеблется около цифры 100.

В 1905 г. учитель в Рыболах Александр Львович Вербицкій 21 г. из Райска. Окончил Свислочскую учительскую семинарію. Жалованія получает 262 р. Учеников – 62 мальчика, 28 девочек.

С 1905/6 уч. году и Законоучитель Рыболовской школы начинает получать от Министерства Народнаго Просвещенія по 40 рублей в год.

В 1907 г. число учеников опять падает до 45 мальчиков и 17 девочек.

В 1908 г. учитель крестьянин села Лаши Гродненскаго уезда. Окончил Кіевскую Церковно Учительскую школу. В Рыболы назначен с 1-го октября 1908 г. Жалованія получает 260 руб. Законоучитель о. Андрей Шпаковский с 1-го октября 1908 г. Жалованья 40 рублей в год.

С 1910 г. в Клировых Ведомостях начинается общій счет учеников всех школ прихода. Обучается мальчиков 123, девочек 79.

В 1911 г. мальчиков 114, девочек 81.

Клировых Ведомостей с 1912 по 1915 г. нет, а посему и о школах прихода за этот період ничего не известно.

Со времени эвакуаціи в августе 1915 и до 1925 г. народное образованіе в приходе совершенно прерывается. В Клир. Ведом. за 1921 г. сказано: «Учебных заведеній в приходе не было». Из Циркуляра Гродненской Духовной Консистеріи от февраля 1923 г. видно, что с 1923/24 учебного года Правительством предположено всеобщее обязательное обученіе детей. Однако и в Клировых ведомостях за 1924 г. сказано: «школ в приходе нет». Лишь в 1925 г. в приходе открыты Рыболовская и Плесковская «одноклассные повшехняя школы» с преподаваніем конечно на польском языке. А преподаваніе Закона Божія (официально) ведется на языке материнском.

Зданіе Рыболовской школы во время войны 1914–18 г. сгорело и школа с 1925 г. по 1935 г. ютится в наемных крестьянских домах.

Число учащихся во всех школах прихода в 1916 г. – 180 ч. возрастает к 1935 г. до 500 душ.

С 1934/35 учебного года преподаваніе и Закона Божія по требованію школьных властей переходит на польскій язык.

В 1935 г. в Рыболах построено на том же месте что и до войны школьное здание из бывшего здания Пасынского Гминного Управления.

В 1938 г. число учеников всех школ прихода – 607.

После войны учителя в школе менялись не так часто, как до войны. С момента открытия школы до 1930 г. учителем был Бронислав Брынярскій. С 1930 по 1939 г. Бронислав Венглярчик и его жена Элеонора. С 1939 по 1941 одновременно было несколько учителей из местных и приезжих из С.С.С.Р.

В 1941/42 году (в первый год оккупации немецкой) школа функционировала на средства родителей учеников. Учительницей была Ольга Петровна Глинская.

С 1942 по 1945 г. школа в Рыболах не функционировала. Самое школьное здание, выстроенное в 1935 г. и заключавшее в себе 2 больших класса и квартиру учителя наверху, приспособлено было немцами в 1943 г. под помещеніе гминного управления.

На месте бывшего класса сделано по 3 комнаты. ...

С 1945/6 уч. года школа возобновила свои занятия. Учительница из Рыбол Марія Леонтьевна Данильчук и Ольга Яковлевна Лещинская. Она же и до сего дня. Занятия в комнатах представляли большія неудобства.

Перед началом 1949/50 уч. года в школе были выброшены 2 стенки, от чего образовалось 2 более просторных класса. ...

Закон Божій в школе пока еще преподается настоятелем на русском языке. Однако кресты, помещенные в классе настоятелем с согласия *kierowniczki* на лицевых стенках, спустя некоторое время оказались помещенными на боковых стенках классов. Связь школы с церковью держится на волоске.

2. Школа в Павлах

До 1884 г. в приходе была только одна школа в с. Рыболах. С 1884 г. школьная сеть покрывает собой уже весь

Рыболовскій приход. Правда, в начале это были только так называемыя «школы грамоты» (или «школы грамотности»), но спустя 10–15 лет они постепенно, одна за другой превращаются в церковно-приходскія школы.

Первыя сведенія о школах грамотности заимствуем из протоколов сельских обществ об открытіи школ под 1884 год.

Такія протоколы составлялись потом ежегодно, но в последующих протоколах бывали иногда ссылки на первый. Первый протокол являлся основным и с содержанием его познакомимся:

«Протокол 1884 года октября 10 дня. Мы, ниже подписавшіеся прихожане Рыболовской церкви, крестьяне Павловской волости, Павловскаго сельскаго общества, деревни Павлы, собравшись на сельскій сход, в присутствіи помощника Бельскаго Благочиннаго, местнаго причта, Павловскаго Волостнаго Старшины и нашего сельскаго Старосты, выслушав распоряженіе Литовскаго Епархіальнаго начальства об открытіи Церковно приходских школ, постановили: под наблюдением местнаго нашего священника открыть в дер. Павлы на 92 двора домашнюю крестьянскую школу грамотности, и условия существованія определяем следующие: а) школа будет помещаться в доме запаснаго унтер-офицера Демьяна Осипова Романюка с тем, что таковой будет отопляться родителями учащихся детей. б) В школе сообразно численности дворов обязательно должно находиться от 35 до 40 учащихся мальчиков и девочек. в) Учителем по совету местнаго нашего священника желаем определить того же унтер-офицера Демьяна Осипова Романюка, как окончившаго курс в школе Динабургской крепостной учебной команды, имеющаго достаточныя знанія по грамотности. г) Плату ему полагаем за зимніе учебные месяцы в сумме тридцати рублей и дневное пропитаніе у родителей обучающихся мальчиков и девочек по очереди. д) Каждый мальчик и девочка должны иметь свои чернила, перья, бума-

гу и необходимые книги, а классная большая доска устроится на счет общества. е) В нашей школе учитель должен преподавать предметы следующие: Азбуку, чтение гражданской и церковной печати, чистописаніе, начальныя действия арифметики и быть в помощь священнику в отсутствіи его по преподаванію Закона Божія. ж) Ученіе должно быть начато с 16 сего октября и продолжаться до открытія весенних полевых работ. О чем и заключили составить сей протокол грамотных за собственноручными подписями, а неграмотных чрез упрощенных лиц и представляем таковой на благоусмотреніе Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшаго Александра Архіепископа Литовскаго и Виленскаго об утвержденіи учительской должности унтер офицера Демьяна Осипова Романюка» П.п. Павловскій Сельскій Староста Григорій Павлючук и подписи домохозяев.

В Клировых ведомостях впервые упоминается о школах грамотности в 1885 г. Здесь читаем: «В приходе Рыболовской Церкви имеются четыре школы грамотности: 1-я в селе Павлы, помещается в доме учителя, средств к содержанию своему особых не имеет. Книги присылаются Епархіальным Советом, приобретаются состоятельными родителями учащихся. Письменные принадлежности доставляются на церковныя средства и на средства священника. Обучает побилетный унтер офицер Даміан Осипов Романюк (Умер 25 июня 1935 г. и погребен на Павловском кладбище – Автор). Обучается в этой школе мальчиков 22 и девочек 2. Родители обучающихся платят по 1 рублю с каждого учащагося».

Как уже упоминалось школы грамотности снабжались учебниками из Епархиального Училищнаго Совета.

Помощник Бельскаго Благодѣннаго, настоятель Райской церкви отношением на имя настоятеля Рыболовской Церкви от 15 января 1886 г. сообщает, что им высланы для школ грамотности Рыболовскаго Прихода следующие книги: 1. Букварей 12, 2. Русскія прописи 4, 3. Грамматика 1, 4. Арифметика Пермскаго 4, 5. Начатки Христианскаго ученія 1,

6. Начальное учение... 10, 7. Первоначальныя уроки Христианскаго ученія 4, 8. Руководство к изученію Богослуженія, 9. Псалтирей в переплете 4, 10. Краткій молитвослов 4, 11: Сборник молитв 4, 12. Часослов в переплете 1, 13. Со-кращенный нотный обиход 1, 14. Славянско-Русская передвижная азбука 8, 15. Книг для чтенія в начальных училищах 6, 16. Жизнь Св. Ев. Иоанна Богослова 3, 17. Молитвы на листах 7.

О. помощник Благочиннаго просит распределить посылаемые книги по школам прихода и занести их в каталоги при каждой школе.

В сем же 1886 г. в школы присланы еще и следующія книги: 1. Букварей 40, 2. Евангелій 2, 3. Псалтирей 9, 4. Родина 5, 5. Закон Божій 15, 6. Арифметика 1, 7. Сборник задач и примеров 1, 8. Русская исторія 1, 9. Приходская школа 5.

Приговоры об открытии школ грамотности составлялись ежегодно. Приводить полнаго текста этих ежегодных приговоров не будем. Измененія в приговорах касались лишь лица, ведущаго обученіе в школе, условія оплаты учительскаго труда, найма помещенія под школу.

Так, приговором от 23 октября 1885 г. в Павлах постановлено: оставить того же учителя Д. Романюка с назначеніем ему по 1 рублю от каждаго учащагося за зимніе учебные месяцы с тем, что учитель должен уже и продовольствоваться на свои средства. Помещеніе под школу то же и оплата за него та же, что и в 1884 г.

В 1886 г. учитель в павловской школе «крестьянин д. Давидовцы, окончивший курс ученія в Пухловском народном училище, Семен Оксентіев Николаюк, обучается в сей школе 33 мальчика и 7 девочек». Плата от ученика по 75 коп. и продовольствіе.

17 октября 1887 г. Павловское общество постановило: «отвести из общественной земли плац для постройки школьнаго зданія в 20 саженой длиною и шириною, для постройки употребить упраздненный со общественный запасный мага-

зин с добавкою новаго матеріала; через настоятеля Рыболовской церкви «просить Епархіальный Училищный Совет об отпуске средств на постройку школы».

В 1887 г. школа в Павлах в наемном доме. Обучает отставной унтер-офицер Степан Алексеюк, выдержавший экзамен на звание унтер-офицера. В школе обучается 31 мальчик и 8 девочек. Плата от ученика «по 60 коп., по 1 гарнцу ржи и продовольствіе».

15 февраля 1888 г. библиотеки школ грамоты прихода были пополнены вновь присланными книгами:.

На сей раз прислано:

1. «Азбука «Белаго» 20 экз. • 2. Прописи «Герbachа» 20. 3. Кратких молитвословов 22. 4. Толковых молитвословов 4. 5. Славянских Евангелій 4. 6. Часословов 7. 7. Псалтирей 7. 8. Учебных октоихов 1. 9. Приходская школа 20. 10. Закон Божій «Смирнова» 20. 11. Руководство к изученію Закона Божія 4. 12. Училище благочестія 4. 13. Житія Святых 4. 14. Виленскій календарь 4. 15. Начальное обученіе 1. 16. Церковная школа 1».

В 1888 г. Павловская школа уже в собственномъ зданіи, выстроенном крестьянами села Павлы в том же году на сумму 200 руб. Учитель опять Даміан Осипов Романюк. Плата от ученика по 60 коп. и 1 гарнцу ржи. Обучается мальчиков 45, девочек 21.

В 1889 г. обучается 41 мальчик и 15 девочек. Учитель тот же. Плата от ученика 75 коп.

В 1891 г. учащихся в Павлах 41 мальчик и 6 девочек. Обучает крестьянин с. Тростяницы Андрей Лукич Максимчук, окончивший Тростяницкое Народное Училище. Получает жалованія по 50 коп. от ученика.

В 1892 г. учитель тот же. Условія те же. 49 мальч. 18 дев.

В 1893 г. учитель тот же. Плата от ученика 35 коп. 43 мальч. 21 дев.

В 1894 г. учитель Григорій Герасимов Семенюк, из крестьян села Тростяницы, не окончил курса наук в Тростяниц-

кой Кирилло Мефоиёвской Церковно-приходской Учительской школе, имеет свидѣтельство на званіе учителя школы грамоты. Жалованія получает по 35 копеек от ученика. Учеников мальчиков 42, девочек 17.

В 1895 г. учитель опять Андрей Лукич Максимчук. Учащихся 70. Плата 30 коп. от учащагося.

Учительскій труд, как видим, все более и более дешевет. Повидимому учительских сил становится все больше и между ними возникает конкуренція.

В 1896 г. учеников 85. «Учитель крестьянин д. Иваново Михаил Давидов Пучко 17 лет от роду. 1-ый год в должности. Окончил 1-ый класс в Ставской Церковно-Учительской школе. Жалованья получает по 30 коп. за все учебное время».

Все более растет у родителей сознание того, что нужно учиться и девочкам, и процент их в школе с каждым годом возрастает.

Наблюдатель Церковных школ II округа Бельскаго уезда при отношеніи от 21 октября 1896 г. высылает для школ грамоты Рыболовскаго прихода следующие учебники: 1) Евангелій на славянском языке 5. 2) Псалтирь – 5. 3) Часослов – 5. 4) Наставленіе в Законе Божьем – Смирнова – 5. 5) Начальные уроки по Зак. Бож. – 10. 6) Русская подвижная азбука – 1. 7) Книга для чтенія Попова – 15. 8) Задачник Тельшева – 1. 9) Пропись Гербача – 3. 10) Аспидныя доски – 3. 11) Афанасій Брестскій – 2».

В 1897 г. учащихся 65. Учитель из Тростянца Василій Адамов Степанюк 22 лет, 2-ой год в должности. Окончил 1-ый класс Тростяницкой Церковно-Учительской школы. Плата от ученика 30 коп. за зиму.

Общественное зданіе, выстроенное для школы в Павлах в 1888 г. повидимому мало отвечало своему назначенію. В 1897 г. Павлами был возбужден вопрос о постройке новой школы и об отпуске средств на ея постройку Гродненскаго Губернаторскаго Отделенія Литовскаго Епархіальнаго Учи-

лицнаго Совета. На ходатайство об этом Бельское Уездное Отделение отвечает, что может быть отпущена только треть просимой суммы. При сем возвращается план предполагаемой школы, как непригодный. ...

В 1898 г. учащихся 87 человек. Учитель и условия прошлого года.

В 1899 г. учащихся 40 мальчиков и 35 девочек. Учитель – крестьянин дер. Павлы Фома Яковлев Шпилевский 20 лет, 4-ый год в должности. Окончил курс учения в Павловской школе грамоты. Плата 40 копеек от ученика без продовольствия от родителей.

При отношении от 2 дек. 1899 г. Бельское Уездное Отделение Литовского Епархиального Училищного Совета пересылает следующие книги для школ грамоты в Павлах, Войсках и Канюках:

1) Русский Букварь 54. 2) Книг Одинцева 1-ый год 35, год 2-ой – 8 кн. 3) Церк. Слав. азбука 25. 4) Начальные уроки Закона Божия 25. 5) Прописи 5. 6) Учебное руководство по Зак. Божию. 7) Правписание Некрасова вып. 1 и 2 по 2 книги. 8) Краткий молитвенник 15. 9) Евангелия 8. 10) Псалтырь 10. 11) Часослов 10. 12) Задачник Тенишева 3.

В 1900 г. в Павловской школе учащихся 38 мальчиков и 35 девочек. «Учителем в ней состоит крестьянин Городненской волости деревни Дрожина Кирилл Филиппов Глушук 20 лет. Окончил курс учения в Дрогичинской второклассной церковно-приходской школе. В должности 1-ый год. Плата от ученика 20 коп. за зиму без продовольствия.

С 1 го апреля 1901 г. школа грамоты в дер. Павлах переименована в церковно-приходскую школу, о чем Бельское Уездное Отделение Гродненского Епархиального Училищного Совета отношением от 11/VI.901 г. извещает настоятеля Рыболовской церкви. Исправляющим должность учителя в ней состоит с 15 сент. крестьянин дер. Плески Прокофий Степанов Федорук, лет 21. Окончил курс учения в плесковской школе грамоты со свидетельством на льготу 4-го раз-

ряда. Жалованья получает 100 руб. в год. На службе 2-ой год. Учащихся в школе 33 мальчика и 37 девочек. Законоучитель диакон Скорковский. Жалованья 15 р. в год.

Епархиальный Училищный Совет продолжает снабжать Церковныя школы книгами.

При сопроводительном отношеніи от 25 окт. 1901 г. Бельское Уездное Отделение препровождает для школ Рыболовскаго прихода следующія книги:

- 1) Русскій букварь – 22 экз.
- 2) Русско-славянскій букварь 11 кн.
- 3) Цер.славянск. азбука – 2.
- 4) Книга для чтенія Одинцева год 1-й 27.
- 5) Его же – год 2-й 14.
- 6) Обучение Церк.-Слав. грам. Ильменскаго для учеников 2.
- 8) Учебное руководство по Зак. Бож. П.Смирнова 3.
- 7) Начальные уроки по Закону Божию 3.
- 8) Наставленіе в Законе Божием Агафадера 14.
- 9) Евангеліе на церк. слав. языке 8.
- 10) Часослов 10.
- 11) Учебная Псалтирь 8.
- 12) Учебный Октоих.
- 13) Богогласник 6.
- 14) Правописаніе Некрасова вып. I и II 2.
- 15) Русскія прописи Гербача.
- 16) Задачник Гольденберга вып. I и II – 2.
- 17) Азбука хороваго пенія.
- 18) Краткое руководство Церковнаго пенія.
- 19) Правила и программы церковных школ.
- 20) Портрет Царя и Царицы 2 п.
- 21) Царское пребываніе в Москве 3.
- 22) О способах преподаванія Закона Божія по начаткам Христианскаго ученія.

В 1902 г. учеников в Павловской школе 50 мальчиков, 29 девочек. В остальном как в 1901 г.

В 1903 г. учащихся 40 мальчиков и 30 девочек. Учитель тот же. Жалованья получает 240 руб. в год. Законоучитель диакон Скорковский. Жалованья получает 35 р.

В 1904 г. учащихся 42 мальчика и 30 девочек. Остальное, как в 1903 г.

В 1905 г. учащихся 35 мальчиков и 35 девочек. Учитель тот же. Жалованья получает 180 руб. (не смог, повидимому, повысить своей квалификации). Законоучитель как в 1904 г.

Годы 1906–1908. Учитель тот же. Число учащихся колеблется от 60 до 70 человек.

В 1909 г. в Павлах построено новое школьное здание средствами Епархиального Училищного Совета.

С 1910 г. о церковных школах в Клировых ведомостях подробно не говорится, но упоминается лишь о том, что на содержании школы в Павлах отпускается из Бельскаго Уезднаго Отделения 280 р. (сюда повидимому включается жалование учителю, законоучителю и на хозяйственные расходы).

Выстроенное в 1909 г. в Павлах школьное здание сгорело во время войны 1914–18 г. Со времени эвакуации 1915 г. занятия в Павловской школе возобновились лишь в 1926/27 уч. году на польском языке. Из учителей этой школы с 1926 по 1939 г. помню Ралицкаго, Годышевскую и Гриневицкаго. Была и еще учительница и учитель, но фамилии их не помню.

В 1939 г. в Павлах выстроено новое здание (взято в каком то лесничестве).

С 1941 по 1944 г. занятий в школе не было. Возобновились занятия с 1944/45 уч. года. Учителями были: *kiegowniczka* Наталія Михайловна Барановская, занимающая сей пост безсменно и до сего дня.

Вторья силы менялись. первым из них был Евгений Васильевич Янушевич. С 1945 по 1946/47 уч. год. Второй учительницей была Валентина Платоновна Вишневская – из Павлов. Покушалась на самоубийство через отравление 2/15 октября 1948 г., будучи учительницей в Соцах, умерла в Белостокском госпитале 22 октября и погребена на Рыболовском кладбище.

С 1946/47 г. и доселе вторым учителем в Павлах Алексей Игнатъевич Максимюк – из Павлов.

С ноября 1950 г. третьей учительницей в Павлах назначена Елена Васильевна Крузэ из Бельска.

3. Школа в Войшках

5 октября 1884 г. общество дер. Войшки на общем собрании в присутствии о. Помощника Бельскаго Благочиннаго,

местнаго причта, Павловскаго Волостнаго старшины и войсковскаго сельскаго старосты Дмитрія Андреюка постановили открыть школу грамоты. Протокол этаго постановленія почти копіей аналогичнаго протокола в Павлах, текст котораго выше уже приведен, а поэтому повторять его не будем. Приведем лишь часть протокола не похожую на Павловскій, а именно: условія существованія школы и оплата учительскаго труда. Условія эти следующие: «а) школа будет помещаться по очереди, по седмицам, в домах тех крестьян, дети которых будут посещать школу. б) Учителю полагаем вознагражденія за зимніе учебные месяцы по 1 рублю со всякаго учащагося мальчика и девочки, которых должно собраться до 35. в) Продовольствовать учителя будут родители обучающихся мальчиков по очереди и по седмицам. г) Всякій обучающийся мальчик обязан иметь свои чернила, бумагу, перья и нужныя книги, а классную большую доску общество обязывается устроить само. д) Учителем в этой школе по совету нашего священника желаем определить крестьянина деревни Павлы, Никанора Алексеева Мороза, обучавшагося в Рыболовском народном училище. е) Учитель обязан начать ученіе с 8-го октября и продолжать таковое до 1-го апреля. ж) В нашей школе учитель обязывается преподавать следующие предметы: азбуку, чтеніе гражданское и церковное, письмо и начальныя действія арифметики и быть в помощь местному священнику в преподаваніи Закона Божія в отсутствіи священника».

27 октября 1885 г. вновь открыта школа на прошлогодних условіях. Учителем приглашон Артемій Константинов Бартошевич, окончившій курс Бельскаго Уезднаго Училища. Плата по 1 руб. за зиму и довольствіе от родителей учащихся.

В 1886 г. школа грамотности подвижная по три дня в доме учащагося. Учитель Никанор Александрович Мороз, уже бывшій здесь в 1884 г. Плата 75 коп. за зиму и продовольствіе. Обучается 20 мальчиков и 3 девочки.

О снабженіи школы учебниками смотри Павловскую школу.

В 1887 г. школа подвижная по 3 дня. Учитель Федор Космин Вербицкій, окончившій Юхновецкое народное училище. Обучается 21 мальчик, 2 девочки. Вознаграждение 90 коп. и продовольствие.

В 1888 г. школа подвижная по 3 дня. Учитель крестьянин д. Давыдовцы Матвей Лаврентьев Тихонюк, окончившій Пухловское народное училище. Обучается 28 мальчиков, 10 девочек. Плата за весь учебный год от родителей 24 руб. 20 коп. и продовольствие.

В 1889 г. школа подвижная. Учащихся 35 мальчиков, 9 девочек. Учитель уволенный* в запас армии Георгій Романов Лесник, окончившій Бельское Уездное Училище. Получает по 65 к. от обучающагося.

Как видно из клировых ведомостей за 1891 г. в деревне Войшках на средства крестьян устроено в 1890 г. здание для школы на сумму 186 руб.

В 1891 г. учащихся 29 мальчиков, 2 девочки. Учителем Демьян Осипов Романюк, бывший уже раньше учителем Павловской школы. Получает по 50 коп. от обучающагося.

С 1892 г. школа помещается в общественном здании. Обучается 37 мальчиков, 8 девочек. Учитель – Никифор Куделько, из крестьян Любашковского прихода, Брестскаго уезда. Окончил Тростяницкую Учительскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на звание учителя школы грамоты. Получает по 50 коп. от ученика.

В 1893 г. учащихся 38 мальчиков, 8 девочек. Учитель Михаил Николаюк из крестьян с. Пухлы. окончил 2 класса Тростяницкой Церковно-приходской школы со званием учителя школы грамотности. Жалованія – 20 руб. за зиму.

В 1894 г. учащихся 33 мальчика, 19 девочек. Учитель Емельян Семенов Остапчук из Рыбол. Окончил Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Плата 35 коп. от ученика.

1895 г. учащихся 31 мальчик, 15 девочек. Учитель из Зубова Лука Константинов Бартошевич, не окончил курса в Церковно-приходской Учительской школе. Плата 30 коп. от ученика.

1896 г. Учащихся 36 мальчиков, 14 девочек. Учитель – сын псаломщика Рыболовской Церкви Стефан Антонов Долбенский 18 лет от роду. 1-ый год в должности. Окончил курс в Ставской Церковно-учительской школе. Жалованья получает по 30 коп. от учащагося за все учебное время.

1897 г. Учащихся 29 мальчиков, 14 девочек. Учителем крестьянин с. Рыбол Петр Семенов Остапчук 31 г. 1-ый год в должности. Окончил курс учения в Рыболовском Народном училище. Плата по 30 коп. от ученика.

1898 г. Учащихся 32 мальчика, 15 девочек. Учителем крестьянин д. Павды Игнатій Григорьев Мартынюк 18 лет. 1-ый год в должности. Окончил Павловскую школу грамоты. Плата 30 коп. от ученика.

1899 г. Учащихся 36 мальчиков, 10 девочек. Учитель – тот же. 2-ой год в должности. Плата по 30 коп. от учащихся с продовольствием от родителей. Занятія должен вести со 2 октября по 1 апреля (Приговор от 29 авг. 1899 г.

1900 г. Учащихся 42 мальчика, 15 девочек. Учитель – крестьянин дер. Драхлин Гродисской волости Иван Стефанов Войтук 19 лет. Окончил курс учения в Дрогичинской второклассной Церковно-приходской школе. В должности 1-ый год. Плата 30 коп. от ученика и продовольствие (Приговор от 28/IX.1900 г.)

1901 г. Бельское Уездное отделение Гродненскаго Епархіального Училищнаго Совета отношением от 11 июня 1901 г. извещает настоятеля Рыболовской Церкви о переименованіи с 1 апреля 1901 г. «школы грамоты» в деревне Войшках в одноклассную Церковно-приходскую школу.

Учитель начинает получать жалованія 150 руб. в год и от общества 20 руб., а законоучитель діакон Скорковский 15 руб. в год.

С 1901 г. по 1908 г. школа помещается все в том же общественном здании. Число учеников в эти годы колеблется от 43 до 50. Учитель все тот же Войтюк.

В 1903 г. он выдержал экзамен на звание учителя церковно-приходской школы при Жировицком Духовном Училище и начинает получать жалования 240 руб., а законоучитель 35 руб.

В последней из сохранившихся Клировых Ведомостей за 1911 год сказано, что в Войшках продолжает существовать Церковно-приходская школа и на содержание ее отпускается Епархиальным Училищным Советом 235 руб.

С сентября 1915 г. занятия в Войшковской школе прервались до 1926/27 учебного года, и в сем году возобновились на польском языке. Занятия велись и ведутся доселе в наемных помещениях, так как бывшее здание школы сгорело во время войны 1915/18 г.

До 1939 г. аккуратно преподается в школе и Закон Божий.

С 1941 по 1944 г. школа не функционировала.

С 1944/45 уч. года занятия в школе возобновились на белорусском языке. Учительницей была в первые годы Екатерина Антоновна Вавдейчук – из Войшек.

С 1948 г. учительница сменилась и занятия повелись на польском языке.

Закон Божий в школе в эти годы преподавался не аккуратно, так как собственных средств сообщения у настоятеля не было, а деревня высылала подводы очень редко.

4. Школа в дер. Канюках

В 1884 г. в дер. Канюках как и в других деревнях прихода основана школа грамоты.

5 октября 1884 г. Канюкское сельское общество в присутствии о. Помощника Благочинного, Причта, старшины и

своего сельскаго старосты Иосифа Василюка постановило открыть «школу грамотности».

Условія следующие: а) школа будет помещаться в доме отставнаго фельдфебеля Кузьмы Борисова Николаюка. б) Учителем по совету местнаго священника желаем определить того же Кузьму Николаюка. в) Плату ему полагаем за зимніе учебные месяцы по одному рублю от каждаго учащагося мальчика и девочки, а также по одному четвертному гарнцу картофеля от каждаго домохозяина и на отопленіе школы по одной вязке дров от каждаго же домохозяина. Пункты г) и д) о том, что ученики должны иметь свои учебники и письменные принадлежности и какие предметы должны преподаваться в школе. е) Ученіе должно быть начато с 8 октября и продолжаться до 1-го апреля.

27 октября 1885 г. Канюкское общество приговорило открыть опять школу грамотности. Условія: школа будет помещаться понедельно и поочередно у каждаго учащагося. Учителем в школу договорили крестьянина дер. Павлы Никанора Александрова Мороза, который окончил курс в народном училище и вполне может занять эту обязанность. Плата по 1 руб. за зиму от каждаго учащагося с продовольствием поочередно.

В 1886 г. школа передвижная по три дня в доме каждаго учащагося по очереди. Плата от ученика по 75 коп. и продовольствіе. Учитель – крестьянин с. Пухлы Иван Семенов Михальчук, окончивший курс учения в Пухловском народном училище. Обучается мальчиков 16 и девочек 14. Вознагражденіе 75 коп. и продовольствіе.

О снабженіи школы учебниками смотри Павловскую школу.

В 1887 г. школа подвижная – по три дня по очереди в доме каждаго учащагося. Учитель Аверкий Николаев Наумюк, окончивший Кленикское народное училище. Обучается 13 мальчиков и 8 девочек. Вознагражденіе по 67 ½ коп. от учащагося за зиму и продовольствіе.

В 1888 г. школа подвижная по три дня. Учитель крестьянин с. Кленик Аверкий Кузьмов Сейнюта, окончивший курс наук в Кленикском народном училище. Обучается 13 мальчиков, 15 девочек. Вознаграждение за весь учебный год 20 руб. и продовольствие.

В 1889 г. школа подвижная – учащихся 11 мальчиков, 16 девочек. Учитель крестьянин дер. Павлы Владимир Стефанов Никитюк, окончивший Рыболовское народное училище. Плата 60 коп. от обучающегося.

В 1891 г. школа подвижная. Учитель крестьянин д. Телишки Георгий Яковлев Сивук, не окончивший курса Тростяницкой 2-х классной учительской школы. Плата 45 коп. от учащегося.

В 1892 г. школа помещается в нанятом средствами священника крестьянском доме. Учащихся 8 мальчиков, 8 девочек. Учителем Владимир Иванюк из крестьян Пухловского прихода. Окончил 1-ый класс Тростяницкой Учительской Церковно-приходской школы без свидетельства. Плата по 50 коп. от ученика.

1893 г. Школа помещается в нанятом на средства местного священника доме. Учащихся 15 мальчиков, 8 девочек. Учитель в ней Михаил Василюк из крестьян дер. Городчина. окончил Кленикское народное училище с правом на льготу 4 разряда. жалованья 15 руб. за зиму.

1894. Школа передвижная. Учащихся 15 мальчиков, 7 девочек. Учитель Вонифатий Киприанов Семенюк из Козлик, Кленикского прихода. Окончил Кленикское народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Жалованья 15 руб.

1895 г. Школа в нанятом обществом здании. Учащихся 18 мальчиков, 8 девочек. Обучает крестьянин дер. Павлов Фома Яковлев Шпилевский. Обучался в Павловской школе грамоты; выдержал испытание по программе Церковно-приходских школ. Жалованья по 40 коп. от учащегося.

1896 г. Школа передвижная. Учащихся 26 мальчиков, 14 девочек. Обучает Михаил Филиппов Василюк из Городчина 17 лет от роду. 5-ый год в должности. Жалованья 45 копеек от ученика за весь учебный год.

1897 г. Школа передвижная. Учащихся 21 мальчик, 11 девочек. Учителем – крестьянин д. Городчино Антон Саввич Филипюк 14 лет от роду, 1-ый год в должности. Окончил Кленикское народное училище. Жалованья – 30 коп. от ученика.

1898 г. Школа в нанятом от общества доме. Учащихся 26 мальчиков, 18 девочек. Учитель – крестьянин дер. Канюки Григорій Львов Наумюк 18 лет, 1-ый год в должности. окончил Канюкскую школу грамоты. Жалованья 30 коп. от учащагося.

1899 г. Школа передвижная. Учителем избран уволенный в запас армии рядовой дер. Канюк Андрей Даміанов Филимонюк 25 лет – 1-ый год в должности. Окончил курс учения в Канюкской школе грамоты. Занятія должны вестись со 2-го октября по 1-е апреля, по 50 коп. с мальчика и девочки школьнаго возраста от 8 до 14 лет, но без продовольствія (Приговор от 23 апреля 1899 г.).

1900 год. Школа грамоты – передвижная. Учащихся 14 мальчиков, 16 девочек. Учитель – Игнатий Львов Наумюк 16 лет, в должности 1-ый год. Окончил Канюкскую школу грамоты. жалованья «30 коп. от ученика и пища по очереди» (Деревенский приговор от 24 сентября 1900 г.).

1901 г. Школа грамоты – передвижная. Учащихся – мальчиков 16, девочек 12. Учитель – Яков Лукин Савчук, солдатский сын из дер. Канюк, 16 лет. Окончил Телушковскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на льготу 4 рязряда (умер 21 июня 1948 г. и погребен на Рыболовском кладбище).

1902 г. Школа грамоты – передвижная. Учитель – крестьянин с. Рыбол Роман Варфоломеев Ничипорук 16 лет.

Окончил Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу III разряда. Учащихся 24 мальчика, 9 девочек.

1903 г. Школа грамоты передвижная. Учитель Вонифатий Киприанов Семенюк, 29 лет, из крестьян дер. Козлик, Кленикской волости. Окончил Кленикское народное училище. Учащихся 22 мальчика и 6 девочек. «Содержанія получает от общества 11 руб. 20 коп. и даровое продовольствіе».

1904 г. Школа грамоты передвижная. Учитель – Роман Варфоломеев Ничипорук. Учащихся 21 м., 11 дев. Содержанія получает по 30 коп. от обучающагося и даровое продовольствіе.

1905 г. Учащихся 21 мальчик, 13 девочек. Прочее, как в 1904 г.

1906 г. Школа грамоты передвижная. Учитель – Иван Михайлов Матвеюк 19 лет из крестьян дер. Канюк, окончил Плесковскую одноклассную Церковно-приходскую школу со свидетельством на льготу 4-го разряда. Учащихся: 20 мальчиков, 12 девочек. Содержанія по 30 коп. от обучающагося и даровое продовольствіе.

1907 г. Школа грамоты в наемном крестьянском доме. Учитель – Леонтий Федоров Анхимюк – 27 лет из дер. Павлов. Окончил курс учения в Бордзиловской второклассной Церковно-приходской школе и выдержал экзамен на званіе учителя церковно-приходских школ при Холмской Духовной семинаріи. Содержанія получает по 50 коп. от обучающагося и даровое продовольствіе.

В Клировых ведомости за 1908 г. нет никаких сведений о Канюкской школе.

В Клировых же ведомостях за 1910 и 1911 г. сказано, что в Канюках существует народное училище, такое же, как и в Рыболах (МНП т.е. школа Министерства Народнаго Просвещенія. а сокращенно называли «Министерская школа») с 1910 г.

Школа эта помещалась в специально для сего выстроенном зданіи.

В войну 1914–1918 г. здание это, как говорят, было продано немцами заблудовскому еврею.

С августа 1915 г. по август 1931 г. школа в Канюках не существовала. Лишь в 1931/32 уч. году в Канюках была открыта школа с преподаванием на польском языке.

Преподавался в ней и закон Божий до 1934 г. на материнском языке («w języku macierzystym»), а с 1934 г. по 1939 г. на польском языке.

В 1941 г. во время советско-немецкой войны школа в Канюках вновь перестала функционировать до 1946/47 уч. года. Первые 2 года по открытию школы учительницей в Канюках была Валентина Платоновна Вишневская (ныне покойница. О ней см. Павловскую школу за 1945/46 г.). Из Канюк перешла в Соцы.

В 1948/49 уч. году учительницей в Канюках была Анастасия Васильевна Тропак, перешедшая по истечении года в Милеичицы.

Фамилия последней канюкской учительницы мне не известна.

5. Школа в Плёсках

7 октября 1884 г. Плесковским обществом в присутствии о. помощника Бельскаго Благочиннаго, местного причта, Райскаго Волостного Старшины и Плесковскаго сельскаго старосты Иеронима Петручука составлен приговор об открытии в Плёсках школы грамотности. Условия: а) Школа будет помещаться в доме Михаила Иванюка бесплатно. б) Учителем в этой школе по совету нашего священника желаем определить сына того же унтер офицера Ивана Михайлова Иванюка, обучавшагося в Райском Народном училище. в) Плату ему полагаем за зимние месяцы сего учебного года по одному рублю пятидесяти копеек (1 руб. 50 коп) со всякаго учащагося мальчика, но отопление и освещение училищнаго дома учитель принимает на себя. г) Всякий обу-

чающийся мальчик должен иметь свои перья, чернила, бумагу и необходимые книги. д) Общество принимает на себя купить счёты для школы и устроить большую классную доску. е) В нашей школе должны преподаваться: азбука, чтение гражданской и церковной печати, письмо и 4 действия арифметики. ж) Закон Божий будет преподаваться самим священником, но в отсуствии священника учитель Иван Иванюк обязывается по указанию священника преподавать Закон Божий. з) Учение должно быть начато с 11-го сего октября и продолжаться до начала весенних полевых работ, т.е. до 1-го апреля.

1885 г. Школа грамотности подвижная, по 3 дня в доме родителей учащегося мальчика. Средства содержания школы такіе же. Учит крестьянин Павловской волости дер. Давыдовцы, окончивший Тростяницкое народное училище Николай Данилов Петручук. Обучается 32 мальчика. Плата по 75 коп. с учащегося за зиму и продовольствие.

1886 г. Школа грамотности – подвижная. Учитель – тот же, но о нем сказано, что он окончил Пухловское народное училище. Плата по 1 руб. от учащегося и продовольствие.

1887 г. Школа грамотности подвижная. Учитель тот же. 35 мальчиков. Плата с каждого 75 коп. и продовольствие.

1888 г. Школа в нанятом доме за 6 руб. на весь учебный срок. Учит крестьянин села Кленик Яков Спиридонов Васильюк, окончивший курс наук в Кленикском народном училище. Обучается 40 мальчиков и 3 девочки. Плата за весь учебный год 21 руб. от родителей учащихся и продовольствие.

1889 г. Школа в нанятом помещении за 8 руб. Учащихся 33 мальчика, 8 девочек. Учитель – крестьянин дер. Давыдовцы Николай Данилов Петручук. Плата по 60 коп. от ученика.

Клировой ведомости за 1890 г. нет, но из клировой ведомости за 1891 г. видно, что в 1890 году в Плесках на средства общества устроено здание для школы на сумму 180 руб.

1891 г. Учащихся в школе 86 мальчиков, 2 девочки. Учитель – крестьянин с. Райска Иосиф Антонов Пешко, окончивший Райское народное училище. Плата по 50 коп. от ученика.

1892 г. Школа в собственном здании. Учащихся 53 мальчиков, 5 девочек. Учителем Тимофей Сиц из крестьян Новоберезовского прихода, окончил Тростяницкую Учительскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на звание учителя Церковно-приходской школы. Плата по 50 коп. от обучающегося.

1893 г. Школа в общественном здании. Учащихся 27 мальчиков, 6 девочек. Учитель прежний. Плата 25 руб. за зиму.

1894 г. Школа в том же здании. Учащихся 42 мальчика, 4 девочки. Учитель Григорий Игнатъев Иванюк из Сацов. Окончил курс наук в Тростяницкой Кирилло-Мефодиевской Церковно-приходской Учительской школе. Имеет свидетельство на звание учителя Церковно-приходской школы. Жалованья – 25 руб. за зиму.

Актом от 12 ноября 1894 г. Плесковское общество отвело кусок общественной земли, называемый «корчемный огород» для Плесковской Церковно-приходской школы. «Отведено от дороги, ведущей от деревни Плески к их кладбищенской церкви по длине улицы двадцать семь сажень и в ширину от улицы к кладбищу – одиннадцать сажень».

Отвод состоялся в присутствии Райскаго Волостного Старшины Льва Вербицкаго, Сельскаго Старосты дер. Плески Венедикта Боруты, понятых: Адама Федорука и Ивана Липскаго. Земля передана настоятелю Рыболовской церкви о. Іуліану Михаловскому. Копія при делах церкви.

1895 г. Школа грамотности в общественном здании. Учителем в ней Михаил Авксентіев Николаюк из Пухлов. Окончил курс наук в Тростяницкой Церковно-приходской Учительской школе. Учащихся 44 мальчика, 19 девочек. Жалованья 25 руб. за учебное время.

1896 г. Школа грамоты в общественном здании. Учащихся 43 мальчика, 27 девочек. Учитель тот же. Плата по 35 коп. за зиму от ученика.

1897 г. Школа грамотности в общественном здании. Учащихся 47 мальчиков, 80 девочек. Учителем – крестьянин дер. Городчино Михаил Филиппов Василюк 18 лет от роду, 6 лет в должности. Жалованья по 30 коп. от ученика.

1898 г. Постановлением Гродненского Губернского Отделения Литовского Епархиального Училищного Совета Плесковская школа грамоты переименовывается с 1-го октября 1898 г. в Церковно-приходскую школу с назначением учителю жалованья 95 руб. в год, кроме 25 руб., отпускаемых Плесковским сельским обществом и законоучителю 30 руб. с обязательством посещения школы не менее 3 раз в неделю.

Учитель Плесковской школы грамоты Михаил Василюк с примерным усердием и добрым успехом ведший дело в школе грамоты оставляется учителем и Церковно-приходской школы и предлагается ему к 1-му октября 1899 г. выдержать экзамен на звание церковно-приходского учителя».

Церковно-приходская школа в общественном доме. Учащихся 35 мальчиков, 25 девочек. Учитель – Михаил Василюк. Законоучителем в ней – настоятель Рыболовской церкви о. Іуліан Михаловскій.

1899 г. Церковно-школьные власти заботились не только о сообщении учеником церковно-приходских школ знаний, но по культурном развитии их.

26 мая 1899 г. праздновалось столетие со дня рождения А.С. Пушкина.

Бельское Уездное Отделение Литовского Епархиального Училищного Совета отношением от 13 мая 1899 г. предписывает настоятелю Рыболовской церкви совершить празднование в Плесковской Церковно-приходской школе 26 мая в день столетия рождения Пушкина. При этом указана и программа сего празднования. После совершения литургии празднование продолжается в школе. В программу должны войти

следующие стихотворения Пушкина и его отрывки из прозаических его произведений: 1. Стихотворение «Великопостная молитва» (Отцы пустынники и жены непорочны). Рассказ Патриарха о чуде на гробе царевича Димитрия (из трагедии «Борис Годунов»). 2. Птичка (В чужбине свято соблюдаю родной обычай старины). 3. Повесть «Капитанская дочка» (те места, где выведены главные действующие лица: капитан Миронов Иван Игнатьевич, его жена, дочь Мария Ивановна, дядька Савельич, как истинные герои, не щадившие жизни за верность долгу, правде и любви). 4. Сказку о Рыбаке и Рыбке (лучше всего прочитать в лицах: один ученик старик, две ученицы – старуха и рыбка. А если сказка будет рассказана наизусть, то иллюстрировать ее, где можно, световыми картинками).

Программа пения: 1. Гимн «Боже Царя храни». 2. Легенда (Был у Христа младенца сад), муз. Чайковского (очень простая, доступная в исполнении в 3–4 спевки). 3. «Уж я золото хороню». 4. «Заплетися плетень» и 5. «Слава на небе солнцу высокому» (Последние 3 песни смотри в школьном календаре за 1898/99 уч. год).

В 1899 г. школа в прежнем общественном здании. учащихся 54 мальчика, 20 девочек. Учитель тот же – 20 лет. Получает жалованья 120 руб. в год. Законоучителем священник И. Михаловский.

11 октября 1899 г. в библиотеку Плесковской школы поступили следующие книги для чтения:

1. Жития святых – Бахметева – 3 кн.
2. Приходская библиотека. Выпуск 1 – 11 книг.
3. Рассказы из Западно-Русской Истории – Архангельского 1 кн.
4. Сборник для народного чтения – Наумовича 1 кн.
5. Беседы из Русской Истории – 1
6. Западная Русь – Малышевский – 1 кн.
7. Русская земля. Центральная область 1.
8. – " – Белорусско-Литовское Полесье 1.

9. – " – Привислянский Край 1.
10. Робинзон Крузо – 1.
11. Святыя места. Т. III. – 1.
12. Беседы пастыря – Наумовича 1.
13. Главныя событія Русской исторіи IV 1.
14. Портреты Царя и Царицы 2.

При отношеніи от 2 декабря 1899 г. Бельское Уездное Отделение Литовскаго Епархиальнаго Училищнаго Совета препроводило через настоятеля Рыболовской церкви в Плесковскую Церковно-приходскую школу следующие книги для чтенія:

1. Духовныя посевы – 1.
2. Подвижники и страдальцы. Т. 2, 3. 2 экз.
3. Насажденіе веры православной в Россіи 1 экз.
4. Светочи Христіанства – 1.
5. Старец Евстафій – 1.
6. Историческія чтенія Ветхаго Завета.
7. Поученія Путятина.
8. Праздники и будни.
9. Праздник Светлаго Христова Воскресенія.
10. Праздник Рождества Христова.
11. Исторія Православной Церкви.
12. Письма о богослуженіи.
13. Жизнь Пресвятой Богородицы.
14. Русская Летопись.
15. Лукьян Стрешнев.
16. Сельская хроника – 1.
17. Указанія пути в Царство Божіе.
18. Стихотворенія Кольцова.
19. Школа в Алуште – 1.
20. Князь Серебряный.
21. Юрій Милославскій – 1.
22. Детскіе годы Аксакова.
23. Дневник Учителя – 1.

24. Из быта крестьян – Владиславлева – 12.
25. Троицкіе листки. Вып.10 – 1 кн.
26. О богослуженіи – Германа 1.
27. Св. Кирилл и Мефодій 1.
28. Св. Евстафій Плакида – 1.

Житія святых – брошюры:

1. Св. Игнатий Богоносец.
2. Св. Поликарп.
3. Св. Иустин Философ.
4. Св. Пофин.
5. Св. Киприан.
6. Свв. Петр и Мефодій.
7. Св. Димитрий Ростовскій.
8. Св. Митрофан.
9. Св. Тихон Задонскій.
10. Жизнь Св. Николая.
11. Св. Князь Владимир.
12. Св. Феодосій Углицкій.

Учебники:

Русскій букварь – 15 книг.

Одинцова – год 1-ый – 14. Его же – год 2-ой – 8 кн.

Церковно Славянская Азбука – 15.

Практическое правописаніе – Некрасова вып. 1 и 2 – 2 экз.
Прописей 3.

Начальные уроки по Закону Божию – 10 кн.

Краткій Молитвослов – 10 кн.

Евангелій 6.

Псалтырей 7.

Часослов 8.

Задачник Тальшева 1.

Учебное пособіе по Закону Божию 1.

1900 г. В мае 1900 г. общество дер. Плески составило приговор о постройке в Плесках новаго школьнаго здания и холодных построек для школы.

Церковно-приходская школа помещается в общественном здании. Учащихся 55 мальчиков, 19 девочек.

Учительское место вакантно. Бывшій здесь учитель Михаил Иванюк переведен в Рыболы.

Школьная библіотека для чтенія пополнилась в сем году новыми книгами. Председатель Бельскаго Уезднаго Отделенія одновременно с книгами препровождает: «Список книг для внекласснаго чтенія в Плесковскую Церковно-приходскую школу Рыболовскаго прихода на 1900/1901 учебный год:

1. Новый Завет на Славянско-Русском языке 1.
2. Троицкіе листки (вып. 21, 22, 23) 3.
3. Император Николай I 1.
4. Чему учит нас мір Божій.
5. Троицкій подарок для русских детей 1.
6. Сборник статей из Воскреснаго Чтенія для народных школ.
7. Мысли на каждый день – Епископа Феофана.
8. Книги для назидательнаго чтенія. Изд. Кіевской Духовной Академіи 1.
9. Церковно певческій сборник. Т.І. по голосам 4 кн. и партитура 1.
10. Св. Князь Александр Невскій 1.
11. Главнейшія событія из Русской Исторіи. Т. 6. Попова 1.
12. Драматическія сочиненія Полевого 1.
13. Год православнаго христіанина – Хитрово 1.
14. Русская земля. Т. 10. Изд. Дроздова 1.
15. Беседа пастыря. Прот. Наумовича 1.
16. Главнейшія событія из Русской Исторіи. Т. 7. Попова 1.

1901 г. Церковно-приходская школа помещается в общественном здании. Учащихся 54 мальчика, 22 девочки. Учителем и законоучителем состоит Антон Васильевич Сорока 20 лет из мещан дер. Малахович, Гродненского уезда. Окончил курс учения в Тростяницкой трехклассной Церковно-учительской школе со званием учителя. В должности состоит с 1-го сентября 1901 г. Жалованья 150 руб. в год.

1902 г. Учащихся 45 мальчиков, 26 девочек. Все остальное, как в предыдущем году.

1903 г. Церковно-приходская школа в общественном здании. Учащихся 35 мальч., 11 дев. Учитель, он же и законоучитель, тот же. Жалованья 240 руб. Законоучительские 40 руб. и от общества 25 руб.

1904 г. Церковно-приходская школа помещается в собственном здании, построенном в 1904 году средствами Гродненского Епархиального Училищного Совета. Учащихся в ней 42 мальчика и 31 девочка. Учитель Иван Яковлев Иванович из крестьян села Новой Воли, Белостокского уезда. Окончил курс учения в Тростяницкой трехклассной Церковно-Учительской школе со званием учителя. На службе седьмой год. В сей должности с 1-го сентября 1904 г. В семье у него жена Анна Кирилловна 20 лет. Дочь их – Мария 9 мес. Жалованья учительского и законоучительского получает 280 руб. в год и от общества 25 руб. ...

1905 г. Церковно-приходская школа в собственном здании. Учащихся 45 мальчиков, 31 девочка. Учитель тот же. Жена Анна Кирилловна. Дети: Мария 1 г., Надежда – 3 мес. Жалованья учительского 300 руб. от Гродненского Епархиального Училищного Совета.

1906 г. Учащихся 46 мальчиков, 32 девочки. Прочее, как в предыдущем году.

1907 г. Учащихся 42 мальчика, 36 девочек. Остальное, как прежде.

1908 г. Церковно-приходская школа в собственном здании. Учащихся 47 мальчиков, 19 девочек. Учитель Осип Иль-

иц Галицкій 22 лет из крестьян с. Андріанок. Окончил Дрогичинскую второклассную Церковно-приходскую школу и выдержал экзамен на званіе учителя церковно-приходской школы при Жировицком Духовном училище. На службе сеньной год. Жалованья 240 руб. от Епархиального Училищного Совета.

Сведеній о школе за 1909 г. нет.

С 1910 г. подробных сведений о школах в клировых ведомостях не помещается.

В последней из сохранившихся клировых ведомостей за 1911 г. кратко вспоминается о том, что в Плесках продолжает существовать церковно-приходская школа и на содержание ее отпускается Епархиальным Училищным Советом 265 руб.

Со времени эвакуации местного населения в августе 1915 года в глубь России занятия в школе прервались до 1925/26 уч. года.

Школьное здание Плесковской Церковно-приходской школы, построенное в 1904 г., уцелело во время войны 1914/18 гг. Стоит оно и доселе.

В 1925/26 уч. году в школе открылись занятия на польском языке.

С 1925 по 1939 г. в школе преподавался и Закон Божій.

За этот период припоминаю следующих учителей: Франческа Домбровскаго и Тихонскую. Были и еще, но фамилии их не помню. Школа функционировала и во время немецкой оккупации края. Учителя содержались на средства родителей.

б. Школа в дер. Заячках

С 1891 г. в Клировой ведомости имеются сведения и о школе грамоты в дер. Заячках, открытой в 1890 г.

Школа подвижная. Обучается 10 мальчиков. Учителем в ней крестьянин с. Рыбол Василий Стефанов Томашук, окончивший Рыболовское народное училище (Впоследствии –

очень искусный плотник, обучивший этому мастерству очень многих. Умер 30 апреля 1945 г. и погребен на Рыболовском кладбище). Вознаграждение по 50 коп. от обучающегося.

В 1892 г. школа подвижная. Учащихся 9 мальчиков, 1 девочка. Учителем Всеволод Никитюк из крестьян Рыболовского прихода, окончивший Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Плата по 50 коп. с ученика.

В 1893 г. школа грамоты подвижная. Учащихся 13 мальчиков. Учитель Василий Александрович Мороз. Жалованья 8 руб.

1894 г. Школа подвижная. Учащихся 16 мальчиков. Учитель Вячеслав Яковлев Корнилюк из Давидовцев. Окончил курс наук в Тростяницком народном училище. Имеет свидетельство на право льготы четвертого разряда по воинской повинности. Жалованья 10 руб.

1895 г. Школа передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 3 девочки. Обучает в ней крестьянин дер. Павлов Григорий Яковлев Шпилевский. Обучался в Павловской школе грамоты, выдержал экзамен по программе церковно-приходских школ. Жалованья 8 руб. за все учебное время.

1896 г. Школа передвижная. Учащихся 15 мальчиков, 2 девочки. Обучает крестьянин дер. Павлов Фома Яковлев Шпилевский 17 лет от роду. 2-ой год в должности. (Перешел сюда из Канюк). Жалованья 50 коп. с ученика.

1897 г. Школа подвижная. 12 мальчиков, 5 девочек. Учитель тот же, 18 лет от роду. 3-й год в должности. Жалованья 50 коп. от учащегося.

В Клировых ведомостях за 1898 и 1899 г. сведений о школе не помещено.

1900 г. Школа грамоты передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 3 девочки. Учитель – Борис Иванович Соловянюк из Давидовцев, 17 лет. Окончил Соцовскую Церковно-приходскую школу. Плата 50 коп. от ученика с продовольствием.

1901 г. Школа грамоты – передвижная. Учащихся 4 мальчика, 5 девочек. Учитель Стефан Семенов Петручук 16 лет из крестьян дер. Павлов. Окончил Павловскую школу грамоты.

1902 г. Школа грамоты передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 2 девочки. Учитель тот же».

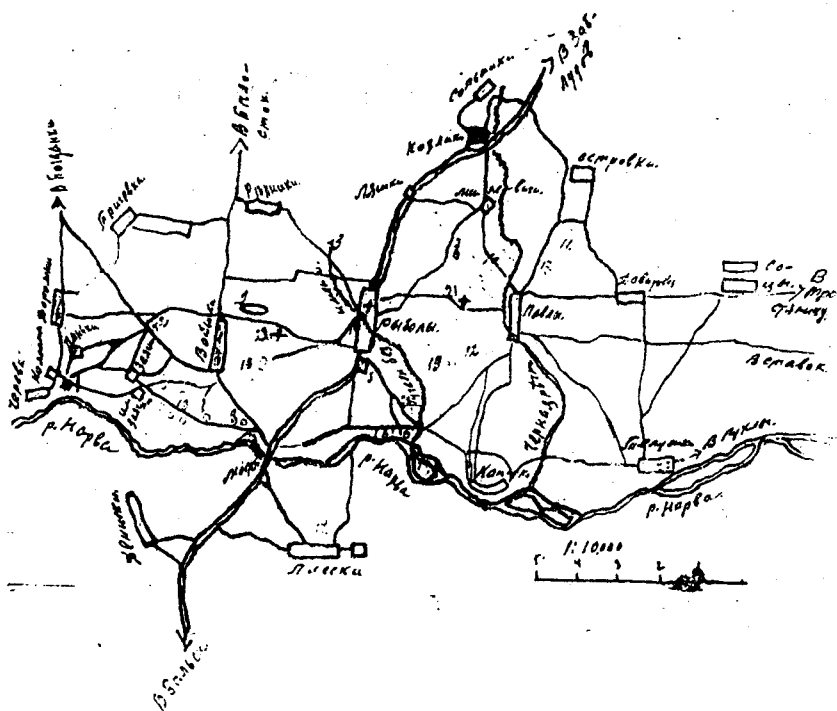
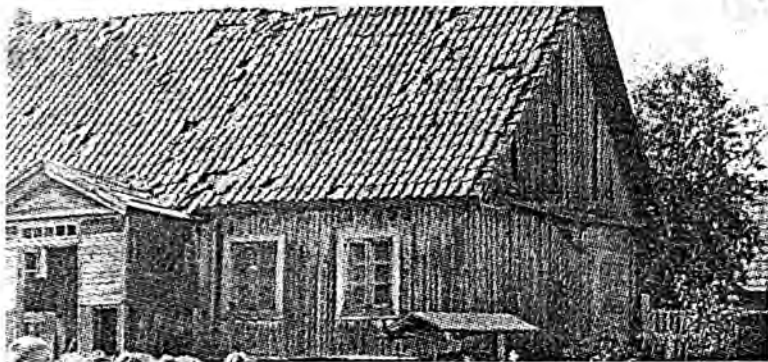

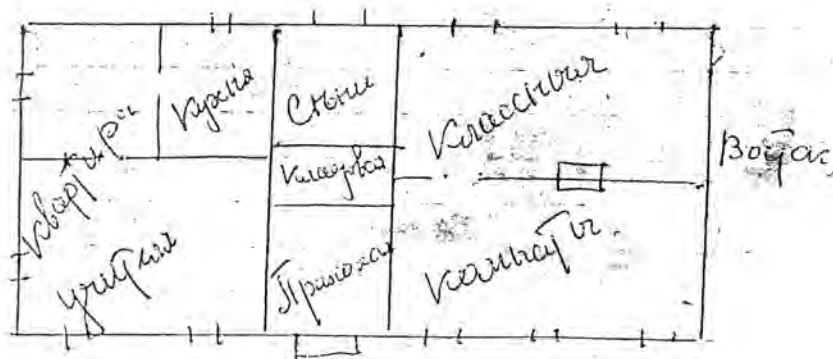
Схема Рыболовского церковного прихода и его окрестностей, помещенная о. Николаем Круковским в местной церковноприходской летописи (середина XX в.)

Церковь свв. Космы и Дамиана в селе Рыболы

Одна из первых в окрестностях Рыбол церковно-приходских школ, построенная в 1864 г. священником Григорием Сосновским в селе Трещанке (фото 1970-х гг.)

План Плёсковской церковно-приходской школы, построенной в 1904 г., составленный В.Н. Круковским

Живая древность: литературная традиция культы иконы Богоматери Холмской наших дней

«Икона эта явилась историческим знаменем Холмщины. С нею связана была вся ее горькая судьба на протяжении многих веков».

*Митрополит
Евлогий (Георгиевский)*

Явление древности в нашей современности многообразно и в большом числе случаев почти неуловимо. Если иметь в виду Древнюю Русь, то ее присутствие в дне нынешнем восточного славянства не только очевидно, но во многом и определяюще, несмотря на всевозможные исторические корректировки. Связь времен здесь вполне конкретна и обстоятельна.

Между тем следует констатировать, что даже ученый мир далеко не всегда, по тем или иным причинам, признавал эту несомненную связь. Увы, не всегда он делает это и сейчас. Примеров тут множество, один из самых масштабных – судьба ряда произведений древнерусской литературы и самой этой литературы в последующие эпохи вплоть до современности, традиционная ее жизнь, бытование в народной среде, причем не только старообрядческой. Одним словом, многие устоявшиеся в науке представления о литературе восточных славян и литературном процессе у этих народов не только неполны, но в значительной степени и неверны, если не сказать ложны.

Занимаясь многие годы изучением культуры народов пограничья Запада и Востока Европы, самым этим пору-бежем как феноменом историческим и культурным [1], без чего невозможно понимание взаимодействия двух важнейших континентальных цивилизационных составляющих, нам удалось собрать обширнейший материал, касающийся, в частности, многовековых судеб древнерусского наследия. Очень успешной в этой связи была наша экспедиция 2001 г. в Польшу в районы белорусско-украинско-польского пограничья. Земли эти исстари были водоразделом Востока и Запада, предметом и объектом извечного спора и соперничества Руси со своими западными католическими соседями. Данные особенности и обстоятельства в значительной мере сказываются и по сию пору, пройдя через горнило трагических событий XX столетия – время тотального наступления западного цивилизационного вектора на свое восточнославянское приграничье и пограничье, значительно изменившего этнокультурный и конфессиональный облик преимущественно южной части этих земель, начиная от Руси Шляхтовой, Лемковщины, Перемышля, а особенно в районе древних Червеньских городов, то есть на Холмщине, но не искоренившего тем не менее исконного здешнего древнерусского начала, бывшего и остающегося духовной тысячелетней основой жизни, самой выстраданной судьбой, экзистенцией местных лемков, украинцев, белорусов и русских.

Подобная жизнеспособность древнерусского становится еще более очевидной, когда мы начинаем обнаруживать его элементы и в сугубо католической среде, присвоившей их для своих нужд, порой безо всякой особой трансформации. Примеров тому огромное множество, достаточно упомянуть о «Королеве Польши» – Ченстоховской иконе Богоматери, отнятой в свое время у православных [2]. В чем-то схожей оказывается и история чудо-

творной Холмской иконы Богоматери, недавно вновь обретенной и ныне хранимой в Луцке в Музее волынской иконы, существующем с 1993 г.

Холмская икона Богоматери без преувеличения – национальный символ украинского народа. Известный украинский церковный деятель и ученый, митрополит Илларион (в миру профессор Иван Огиенко) называл её «Заступницей всей Украинской Земли» [3]. Икона эта – и религиозно-культурный символ всего православного мира, прежде всего белорусов и русских. Случилось так, что именно среди белорусов на Подляшье и отчасти на Полесье сохранилось наибольшее число самых различных свидетельств почитания Холмской иконы Богоматери, среди них весьма значителен пласт литературных памятников, активно тиражировавшихся и тиражируемых до сих пор в основном путем переписки. Долгие десятилетия народ помнил о своей пропавшей в XX в. заступнице и на Холмщине, и на Волыни, и вообще там, где оказались после массовой депортации в послевоенные годы многострадальные украинцы-холмщаки, новые сочинения которых, посвященные иконе Богоматери Холмской, наряду с написанным о ней жителями Подляшья и Полесья, влились по сути в единую литературную традицию ее культа наших дней. Любопытны в этой связи языковые и графические трансформации современных украинских произведений о Холмской иконе Богоматери в белорусской среде. Вот, например, совсем свежий белорусский список одного из них, сделанный на срединном Подляшье:

«Где ты згасла зря наша
И с какой поры?
Где твой образ Божья Матерь
З Холмской горы.

О народе православный
Марію благай,

Штоб заступница вернулась
В наш радимый край.

О вернися Божья Матерь
В наш тяжелый час
И пречистым омофором
Покрой верных нас» [4].

Отметим сразу, что здесь к тому же заметно отношение и тяготение православных жителей Польши к русскому языку как языку особому в их обиходе, часто и как к языку *sacrum* [5].

Обретение Холмской иконы Богоматери, в принципе несколько растянутое во времени, но более или менее официально зафиксированное и объявленное в середине сентября 2000 г., уже дало импульс для активизации ее культа, в том числе и в части, связанной с его литературной традицией и традицией книжной. Это подтверждают наши экспедиционные находки и наблюдения. Более того, в ближайшее время следует ожидать появления народных сочинений, написанных в связи с самим обретением иконы, которая, несомненно, может считаться одной из самых древнейших.

Собственно история появления иконы Богоматери Холмской связывается с первыми веками христианизации Руси, деятельностью Даниила Романовича Галицкого. Культ ее начал формироваться несколько позднее, во всяком случае уже в XIV в. он существовал – это подтверждается документально [6]. После принятия Брестской унии у греко-католиков культ иконы получает новое развитие, а его литературная составляющая в значительной степени способствует тому, что икону не только объявляют чудотворной, но она становится весьма чтимой и в римско-католической среде. Между православными и греко-католиками идет неравная борьба за обладание иконой

Богоматери Холмской, естественно разрешаемая польскими властями в пользу униатов. Наконец, и сами польские короли проявляют интерес к иконе Богоматери Холмской – она сопровождает их в военных походах и сражениях. Была она и в польском лагере во время знаменитой в истории освободительной борьбы украинского народа против польского владычества – битвы под Берестечком в 1651 г. С той поры складывается и особый католический культ иконы Богоматери Холмской, существующий до сих пор [7]. Тогда же формируется и собственная католическая, в чем-то пересекающаяся с уже существовавшей греко-католической, литературная традиция культа этой иконы. Поляки начинают именовать ее «Матка Боска Хелмска военна», помогающая победить украинских казаков и татар. В середине XVII в. Холмский образ Одигитрии побывал во многих городах и местностях – на Волыни, Подляшье, Холмщине, Мазовше, включая Варшаву, в Галиции, Великом княжестве Литовском, в том числе в Гродно, Кобрине, Бресте.

В XVIII в. ранг католического и греко-католического культа иконы значительно повысился благодаря так называемой ее коронации – особо торжественного акта, совершаемого согласно декрету римского папы [8]. В то же время икона продолжает почитаться и уже немногочисленными тогда православными на Холмщине и Подляшье. Что же касается литературных традиций, православной, униатской и католической, то они вступают в довольно сложное взаимодействие, оставаясь при этом абсолютно самостоятельными, что наиболее заметным стало именно в наши дни, когда на месте древнего пребывания иконы Богоматери Холмской в соборе на Даниловой горе в Холме возник польский католический санктuariум в ее честь, а православный народ Польши, Украины и Беларуси, сохраняя в своих сердцах память о заступнице, воплотил в многочисленных стихотворных и прозаических мо-

лениях свои насущные религиозные, культурные, национальные и даже чисто политические чаяния. Более полувека назад об этом народе очень точно сказал митрополит Евлогий (Георгиевский), посвятивший служению ему значительную часть своей жизни: «Религиозная и народная жизнь Холмщины была сложная. В ней скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, воздействия разных культурных наслоений, обусловленные всем историческим прошлым этого края: Русь и православие – как исторический фундамент; Польша и католичество в виде унии – как дальнейшее наслоение, заглушавшее первоначальную стихию народной жизни и изломавшее душу народа, его язык, быт и весь уклад. Население Холмщины – прекрасный народ, с сильным религиозным чувством, но, как я уже сказал, с изломанной душой: сначала (в XVI – XVII вв.) насильно загоняли его в унию, потом в 1875 году он возвратился к старому прадедовскому православию. К сожалению, наше духовенство не всегда отличалось умением поставить на должную высоту задачи миссионерства. Первый после унии Варшавский митрополит Иоанникий, прямолинейный митрополит Леонтий, викарий его Маркел Пепель (бывший галичанин-униат) и, наконец, епископ Флавиан, впоследствии митрополит Киевский, – очень ревновали о чистоте православного обряда, но не всегда такая ревность была уместна. Правда, униаты исковеркали наше богослужение и обряды настолько, что еще десяток-другой лет – и от их первоначальных форм не осталось бы и следа. Правительство в лице графа Милютин и князя Черкасского вовремя спохватилось. Но нужна была широкая терпимость, отличающая важное от второстепенного, дабы понапрасну не возникало серьезных конфликтов. Примером подобного рода столкновений может служить распря из-за направления крестных ходов: православные из униатов ходили слева направо («посолонь»), а наши – справа налево; обе

волны сталкивались, – дело доходило до жестоких схваток, до драк крестами... Тогда начальство запретило крестные ходы вообще. В народе подняли ропот: как быть без крестных ходов, у католиков они есть, а нам не позволяют... и т.д.» [9].

Православный культ иконы Богоматери Холмской, в том числе и его литературная составляющая, во времена митрополита Евлогия достигли своего апогея. Вот несколько собственных его признаний, относящихся к началу XX столетия: «В Холме была древняя святыня: чудотворная икона Божией Матери. Пребывала икона в городском кафедральном соборе; висела над царскими воротами и на винтах спускалась для молебнов и поклонения (по субботам служили акафисты, а по воскресеньям после обедни – простые молебны). Вся местная церковная жизнь имела своим средоточием эту замечательную икону. Моя хиротония в Холмском соборе перед народной святыней должна была иметь и символическое значение: я получаю омофор из рук Холмской Божией Матери. Я очень этому радовался» [10]. «Я стал готовиться к ежегодному грандиозному празднику всей Холмщины (8 сентября)... Дня за два, за три начинали в Холм прибывать богомольцы и заполняли весь город. Число их достигало 20–30 тысяч. Народ ночевал под открытым небом, а в последние дождливые осени – в полотняных палатках. В маленьком сквере на холме, по склонам горы вокруг собора – всюду располагались богомольцы...

В день праздника после Литургии священники поднимали на шестах икону Холмской Божией Матери и с пением несли ее на площадку на самой вершине горы. «Она» следовала среди моря голов. Наступала торжественная минута – молебен Богородице. После него проповедники (их бывало несколько) говорили вдохновенные народные проповеди. Великий подъем объединял несмет-

ные толпы. Неизгладимое впечатление! Незабываемая картина!...» [11].

В 1915 г. во время всеобщей эвакуации православных западных губерний империи вглубь России чудотворная Холмская икона Богоматери была вывезена в Москву, где оказалась помещенной в Марфо-Мариинскую обитель и оставалась там до 1918 г. – времени отправки в Киев вместе с холмским Турковицким монастырем, основанным вблизи летописного города Червеня. В 1920-е – 1930-е гг. и начале 1940-х гг. икону от реквизиции большевиков спасало в Киеве несколько доверенных духовных и светских лиц. В 1943 г. образ вновь вернулся в только что восстановленный украинский православный собор в Холме, но с приближением Красной Армии икону после неудачных попыток вывезти передали на хранение одному православному священнику, выехавшему в 1944 г. на Украину. Дочь этого священника уже в наши дни передала образ волинскому музею [12].

Многочисленные копии Холмской иконы Богоматери ныне находятся в православных и католических храмах, а также в домах у верующих. Некоторые из этих копий датируются XVII в. Среди православных современной Польши самой почитаемой из таких икон является образ, хранимый в церкви св. Иоанна Богослова в Холме. Необходимо отметить, что в целом ряде нынешних костелов, бывших ранее церквями, в которых находились копии иконы Богоматери Холмской, копии эти не утратили свой культовый статус. Католический культ иконы, называемой в среде католиков «покровительницей Холмской Земли», получает все большее развитие в немалой степени еще и потому, что место многовекового пребывания чудотворного образа, сравнимого с иконой Владимирской Богоматери, – древний собор на Данииловой горе в Холме повторно был отобран польскими властями у православных 27 сентября 1944 г. Тогда же в Польше начались массовые гонения на украин-

ский народ, приведшие в конце концов к повсеместным депортациям. Холмщина опустела. К концу 1940-х гг. православных украинцев здесь практически не осталось [13].

Вместе с тем, те немногие православные украинцы, оставшиеся на Холмщине, и те, также немногочисленные, которым через десятилетия удалось вернуться на родину в основном из поселений на севере и западе Польши, не только сберегли живую традицию почитания иконы Богоматери Холмской, но и приумножили ее. Когда-нибудь история спасения и обретения оригинала образа в XX столетии, подробно проанализированная и изложенная, станет одним из самых замечательных свидетельств этого. Впрочем уже сейчас аргументов для подобных утверждений более чем достаточно. Пожалуй, самый масштабный из них связан с древней литературной традицией почитания иконы в православной среде.

Традиция эта в наши дни представлена многочисленными произведениями литургического, паралитургического и сугубо «четьего» характера. Все они в большей или меньшей степени связаны со своими древними и старинными аналогами. Истоком этой традиции с большой долей вероятности может быть названа древнерусская книжно-литературная деятельность на Данииловой горе в Холме. Позднее, преимущественно в XX столетии, наблюдается не только значительное межнациональное расширение бытования литературной традиции православного культа чудотворной иконы, но и многократное увеличение числа ее литературных центров. Появляется большое число самых различных по характеру и жанрам произведений, посвященных Холмской иконе Богоматери и обращенных к ней. Именно они доминируют сейчас среди православного населения Польши, Украины и Беларуси, распространяемые преимущественно с помощью переписки. Самой массовой формой материального представления этих произведений является обычная школьная тетрадь малых, сред-

них или больших объемов и размеров. Много реже записи делаются на отдельных листах или в блокнотах и записных книжках. В самое последнее время появились и совершенно новые формы, например, компьютерные распечатки. Переписчиками являются в основном лица пожилого и среднего возраста, причем в большинстве это женщины, хотя, если говорить об отдельных жанрах, мужчины ни в чем не уступают им.

И прежде, и теперь литературная традиция православного культа чудотворной иконы Богоматери Холмской многоязычна. Ныне доминируют церковнославянский, местные украинские и белорусские говоры, русский язык, местные варианты русского языка, украинский язык. Важно отметить наличие по крайней мере двух течений этой традиции, зародившихся, видимо, уже достаточно давно, но ставших наиболее заметными только в XIX в., – народного, представленного ранее почти исключительно устными формами, и церковно-причтового, изначально книжно-литературного, письменного. Ныне взаимосвязь этих двух течений абсолютна, как впрочем и взаимовлияние. Собственно, их уже почти невозможно разделять или, точнее, выделять, так как существование одного без другого просто невозможно.

Классификация произведений данной литературной традиции, которую в известной мере и в основном для краткости можно было бы назвать «холмским циклом», представляет определенную трудность. К числу литургических и отчасти паралитургических принадлежат «Акафисты Пресвятой Богородице пред Её Чудотворною Иконою Холмскою» на церковнославянском и украинском языках, тропари, кондаки, величания и молитвы на церковнославянском, украинском и русском языках. К паралитургическим произведениям – в основном различные весьма многочисленные песнопения на местных украинских и белорусских диалектах, на местных вариантах рус-

ского языка и украинском языке, входящие в состав различных сборников, прежде всего «Богогласников» или бытующие самостоятельно. К произведениям четьего характера могут быть отнесены весьма популярные и поныне всевозможные сказания об иконе Богоматери Холмской, среди которых преобладают сочинения на русском языке, появившиеся в XX столетии, написанные под влиянием древних образцов с использованием старинных летописаний.

Ниже воспроизводится текст «Акафиста Пресвятей Богородице пред Ея Чудотворною Иконою Холмскою» по одному из современных рукописных списков [14], бытующих на Подляшье [15].

1. Укажем лишь на некоторые наши книги последних лет: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная церковь на Белосточчине в работах протоиерея Григория Сосны. Минск, 1994; Они же. Супрасльскый церковнославяно-польскый словарь 1722 г. Минск, 1995; Они же. Всеум православному миру: Православная лит. межвоенной Польши. М., 1995; Они же. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995; Они же. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996; Они же. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исслед. и публикации. М., 1999; Они же. Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000; Они же. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001; Они же. La littérature biélorusse de la Pologne: (Des sources vers la modernité). Krynki, 2001; Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.

2. Ченстоховской иконе Богоматери посвящена огромная литература, касающаяся самых разнообразных сторон бытования образа. Все ранние актовые источники связывают ее появление с древнерусскими историческими реалиями. Икона находилась в древнерусском городе Белзе неподалеку от Холма, от-

куда и была вывезена поляками в Польшу. Местное «русское» именование этого образа – Белзская икона Богоматери, которая по преданию была обретена в Турковицах, соседствующих с летописным городом Червем и расположенных на середине пути между Белзом и Холмом. В свое время в Турковицах существовал православный монастырь с иконой Турковицкой Богоматери, закрытый после обретения Польшей независимости в 1918 г.

3. Іларіон, архієпіскап. Пречіста вернула ся знов до Холма. Холм, 1943. С.16.

4. Архив экспедиции 2001 г. Часть: «Подлясье». Раздел: Электронные копии. Рубрика: Народные песнопения. № 117.

5. Об этом подробнее см.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность... С. 246; Они же. Церковнославянский язык у белорусов Польши (в печати).

6. Подробнее см.: Phoenix redivivus... Zamość, 1646; Phoenix iterato redivivus... Lwów, 1653; Phoenix Tertiatio Redivivus... Zamość, 1684.

7. Bownik K. Góra Chelmska w Służbie Narodu i Kościoła // Solidarność. Chełm, 1981. 8 wrzes. S. 2–6; Z dawna Polski Tyś Królowa. Szymanów, 1983. S.109.

8. Koronacja cudownego obrazu Najświętszej Maryi Panny w chełmskiej katedrze... Berdyczów, 1780.

9. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 91.

10. Там же. С. 118.

11. Там же. С. 136.

12. Среди заметок, появившихся в печати почти сразу же после обретения иконы осенью 2000 г., хочется отметить небольшую статью известного львовского искусствоведа В. Александровича, посвященную этому важному событию в истории украинской культуры. См.: Александрович В. Відтворення символу // Критика. 2001. № 1–2. С. 25–27.

13. См., напр.: Kuprianowicz G. Metropolita Sawa w Turkowicach // Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 2001. № 9. S. 10–11.

14. Список восходит к церковнославянскому тексту акафиста, сочиненного протоиереем Константином Зноско.

Об о. Константине и его творчестве подробнее см.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность... С.144–196.

15. Архив экспедиции 2001 г. Часть: «Подляшье». Раздел: Электронные копии. Рубрика: Акафисты. № 34.

* *
*

Кондак 1.

Избранной от всех родов Владычице мира, превыше сил небесных превознесенней,

Хвалебныя песни приносим раби Твои, Богородице,

Ты же, яко имущая милосердие неизреченное, во святей иконе Твоей являемое,

От всех нас бед свободы, да с радостью зовем Ти.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Икос 1.

Ангелов чиноначалия на небеси величают Тя, Пресвятую Деву,

Радость Пресветлую всему миру родившую.

Мы же песни ангельстей подражая, zde, на земли, воспоем Ти сиевая:

Радуйся, Богоизбранная Отроковице,

Радуйся, от дней ветхих Богу предобрученная.

Радуйся, от пророк миру предуказанная:

Радуйся, Архангелом Гавриилом о зачатии Сына от Духа Свята предвозвещенная.

Радуйся, во смиреннии благовестие Архангелово восприявшая:

Радуйся, Наставнице, смиренномудрию нас научающая.
Радуйся, богодухновенно от праведных Елисаветы
Материю Божию нареченная:

Радуйся о рождении от Тебе Спасителя мира в веселии духовнем Господа возвеличившая. Радуйся, лики ангельскими песнословимая:

Радуйся от всех родов присно убажжаемая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 2.

Видя заступление Твое, Всеблагая Владычице, роду христианскому являемое,

Зане в бедах крепкая еси нам помощнице,

Обидимым заступнице, скорбным утешение, больным исцеление

И всем труждающимся скорая помощи,

Вси благодарственно о Тебе Богу вопием:

Аллилуия.

Икос 2.

Разум подаждь нам Всеблагая Владычице,

Како достойно воспети промышление Твое,

Стране Холмстей явленное,

Внегда просветитель Руси князь Владимир, изволением Твоим,

В покров и охранение страны сея,

Светом учения евангелскаго просвещаемья,

Граду Холму в дар принесе икону Твою, Пречистая.

Мы же, дивящися Твоему о нас предстательству,

Со умилением зовем Ти сице:

Радуйся, усердная Заступнице роду христианскаго:

Радуйся, насадителю Веры Христовы князю Владимиру

Во апостольстве вспомошествовавшая.

Радуйся, иконою Твоею чудотворною страну Холмскую,

Аки драгоценным даром обогатившая:

Радуйся, веру православную в земле сей укрепившая.

Радуйся, Твоею неисчетною благодатью христиан ущедряющая:

Радуйся, милосердие неизреченное душам нашим источающая.

Радуйся, молитвами Твоими о нас неоскудевающая:

Радуйся, матерним заступлением чтущих Тя от всяких бед избавляющая.

Радуйся, пречестною иконою Твоею врачество телесное и духовное христианом являющая:

Радуйся, высоко непостижимая, ко пристанищу вышнему нас возводящая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 3.

Силу благодатную явила еси во святей иконе Твоей, Пресвятая Владычице,

Сокровище бо многоценное в ней нам открываеши

И безчисленные щедроты притекающим к ней подаеши,

Да вси, щедротами Твоими обогатившися,

Со умилением Богу воззовем:

Аллилуия.

Икос 3.

Имеючи о новопросвещенных людей земли Холмския попечение неоскудное,

От пречистыя иконы Твоя токи чудес источила еси, Владычице,

Да вси познают, яко любовь Твоя и попечение присно на людех православных пребывают.

Сего ради благодарственно Тебе воспоем:

Радуйся, благодати источник неистощимый дарующая:

Радуйся лучами чудес всех притекающих к иконе
Твоей озаряющая.

Радуйся, помощи всем верно чтущим Сына Твоего
преславная:

Радуйся, веры православных в земле нашей крепосте
твердая.

Радуйся, попечением Твоим присным о людех право-
славных

Истину православия утверждающая:

Радуйся иконою Твоею радость духовную нам соде-
лывающая.

Радуйся, милости сокровище многоценное нам откры-
бающая:

Радуйся, море щедрот просящим у Тебе изливающая.

Радуйся, заблудшим путь истины указующая;

Радуйся, призывающим Тя на помощь скоро поспеше-
ствующая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежище и заступление.

Кондак 4.

Буря напастей и бед, не единожды воздвигаемая про-
тивно веры православных в земле нашей,

Не возможе поколебати твердости в вере всех прите-
кающих к Тебе, Владычице,

И цельбосней иконе Твоей поклоняющихся,

Зане икона сия в щит и победное знамение православ-
ным христианом Тобою дадеся,

И мы, грешнии, твердо уповаем, яко и во дни наших
напастей скоро послушаеши всех нас,

С верою ко Твоему пречистому образу притекающих
и Сыну Твоему поющих:

Аллилуия.

Икос 4.

Слышавше людии православнии, яко икона Твоя пречистая во дни твоя,

Егда град Холм от агарян нечестивых огню и мечу предадеся,

Под пеплом храма бысть сокровенна и с тех летех паки невредима обретесея,

Радостию велиею возрадовавшеся, хвалу Ти, Пресвятая Дево и Мати, воспеша такуюю:

Радуйся, земли Холмская покрове:

Радуйся, православия в ней насаждение и утверждение.

Радуйся, во огни икону Твою пречестную чудесно неврежденною сохранившая,

Радуйся, росою чудоточною огонь угасившая.

Радуйся, радость нам велию, яко отроком халдейским в пещи огненной подавая:

Радуйся, сильну в чудотворении познати Тя научившая.

Радуйся, яко икону Твою неврежденную зряще, святыне сей поклоняться научаемся:

Радуйся, яко от иконы Твоея даров чудесных сподобляемся.

Радуйся, броне наша неуязвимая:

Радуйся, стено наша несокрушимая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 5.

Боготечная звезда явися нам, Богомати, пречестная икона Твоя,

Лучами бо чудес от иконы исходящих всех верных Ти осияваеши.

Мрак греховный и мглу скорбей наших прогоняеши

И всех ищущих спасения наставляеши с верою воспевати Богу:

Аллилуия.

Икос 5.

Видев князь Владимир, яко насельницы земли Холм-
ския

Во тьме язычества и сени смерней пребывают,
Разори на горе града Холма капище идольское и созда
на ней храм Богу живу,

В нем же и утверди пречестный Образ Твой, Богомати,
Да вси взираючи нань и чтущии Тя, дары от Тебе
восприемлют,

Яже к животу и благочестию

Мы же, чтуще святыню Твою, со умилением глаголем:

Радуйся, палато Сына Божия, в храме земнем обитати
благоизволившая:

Радуйся, вместилище славы Господней, притекающих
к тебе славою и честью венчания. Радуйся, горо несеко-
мая, источник воды живы жаждущим источившая:

Радуйся, заре блистающая во тьме, мрак языческий в
земле нашей разорившая.

Радуйся, стамно златая, мир весь глада духовнаго из-
бавляющая:

Радуйся, столпе огненный, к Солнцу Правды всех
ищущих спасения приводящая.

Радуйся, иконою Твоею источники чудес нам исто-
чающая.

Радуйся, двери райския всем верно чтущим Тя отвер-
зающая.

Радуйся, христианом радости и утешение:

Радуйся, уз греховных падшим разрешение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежище и заступление.

Кондак 6.

Проповедницы чудес велиих, иконою Твоею источае-
мых,

Явишася не токмо православнии, но и иновернии людие:

Не отринула бо еси милосердием Твоим и сих к Тебе притекающих

И цельбоносней иконе Твоей поклоняющихся,

Да вси, сильну помощницу Тя уразумевше и поклоня-
тися православней святыне научившеся,

Со умилением воззовут Богу:

Аллилуия.

Икос 6.

Возсиявши от пречесных иконы Твоей благодать свето-
зарную,

Светиши светом чудес и милостей стране нашей, Пре-
чистая,

И вси, с верою к Твоей иконе цельбоносней прите-
кающей

И чающей от Тебе великия и богатя милости, еди-
ными устами и единым сердцем

Велегласно Тебе возопиют:

Радуйся, дерзновенная к Богу ходатаице:

Радуйся, за мир христианский теплая молитвеннице.

Радуйся, неистощимый источник святыни;

Радуйся, многотекущая реко благ вечных.

Радуйся, сиянием славы твоея нас облистающая:

Радуйся, мрак греховный душ наших упраздняющая.

Радуйся, яко Твоею иконою источники чудес являеши:

Радуйся, яко прибегающим к ней вся полезная даруеши.

Радуйся, сердец наших умиление:

Радуйся, от бед и напастей наше спасение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежище и заступление.

Кондак 7.

Хотящи граду Холму, от агарян нечестивых разоряе-
му, милосердие явити,

Не отринула еси, Скоропослушнице, дву дев Холмских,

Пред иконою Твоею о спасении града сего молящихся
И чин иноческий прияти обещавших,
Но притекла еси на помощь граду сему
И обратила в бегство полки вражи,
Да вси спасеннии Тобою от бед воспоют:
Аллилуия.

Икос 7.

Дивное попечение о доме Господнем, в нем же пребы-
ваше

Твоя цельбоносная икона, показала еси, Пресвятая
Владычице.

Како бо не дивимся Твоей чудесней помощи,

Собирателю лепты на расширение храма сего иноку
Иоасафу явленной,

Егда инок сей от Тебе, во образе лепообразней жены
явльшейся,

Прият в дар свиток с лептою на сие дело довлеющею

И, дивясь свыше ниспосланней помощи, воспе Ти си-
це:

Радуйся, преславная в бедах заступнице:

Радуйся, милости превеликия подательнице.

Радуйся, многожды прошения наша предваряющая:

Радуйся, светозарное сияние, скорбный мрак души
наша разгоняющая.

Радуйся, ненадежных непостыдное надеяние:

Радуйся, всем верно чтущим Тя радости и утешение.

Радуйся, любви неистощимый источник:

Радуйся, твердое наше упование.

Радуйся, всех притекающих к Тебе Твоею милостию
покрывающая:

Радуйся, вечных радости нас сподобляющая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежищ и заступление.

Кондак 8.

Странники и пришельцы на земли суще, новаго града
Иерусалима небеснаго, взыскаем.

Ты же, Пресвятая Владычице, яко предстательница о
людех к Сыну Твоему,

Моли прощение прегрешений нам прежде конца даро-
вати,

Да тихаго пристанища на небеси достигнем и Богови
возопием:

Аллилуия.

Икос 8.

Вся небесныя силы Тебе, яко Богоматерь величают.

Ты же, Дево Богородице, честнейшая херувим и слав-
нейшая без сравнения серафим,

Не возгнушалася еси за род человеческий, грехами
оскверненный, предстояти,

Того ради и вси земнороднии благодарственная Тебе
приносят, воспевая сие:

Радуйся, невместимаго вместилище:

Радуйся, чистоты божественныя хранилище.

Радуйся, рождением Твоим Бога и человека соеди-
нившая;

Радуйся, спасение человеком устроившая.

Радуйся, Путеводительнице, к небеси нас возводящая:

Радуйся, Царице небесе и земли, врата райския нам
отверзающая.

Радуйся, с Сыном Твоим и Богом соцарствующая:

Радуйся, и посреде нас грешных пребывати не воз-
гнушавшаяся.

Радуйся, ко благосердию Владыки молитвы в вере
благочестивых приносящая:

Радуйся, молений и нас грешных не отвергающая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежице и заступление.

Кондак 9.

Все естество ангельское и человеческое,
Дивяся Твоему неизреченному милосердию к роду
христианскому,
Похвальные песни Тебе приносит,
Зане сильным предстательством Твоим мир весь от
бед избавляеши, больных врачуеши,
Грешных заступаеши и молишися о всех с верою к
Богу притекающих и вопиющих Ему:
Аллилуия.

Икос 9.

Ветия многовещанная недоумеют, коими словесы
восхвалити славный,
Владычице, Праздник Холмския иконы Твоя
К ней же в день сей святой во множестве превеликом
не токмо православным,
Но и иновернии притекают, чающе от Тебе скорбей
избавления, недугов исцеления,
Радостей исполнения и благ вечных сподобления.
Ты же, Щедродательнице, неисчетныя благодеяния
иконою Твоею в сей день являеши,
Да вси, радующиеся о Тебе, возглаголют сице:
Радуйся, мир от скорбей избавляющая:
Радуйся, в напастех нас защищающая.
Радуйся, слепых прозрение, глухих слышание:
Радуйся, хромых хождение, немых глаголение.
Радуйся, болезней наших врачевание:
Радуйся, чаяний наших исполнение.
Радуйся, умерщвленных грехи благодатию твоею
оживляющая:
Радуйся, подавание благ вечных нам являющая.
Радуйся, тихое пристанище ищущим спасения:
Радуйся, почитающим икону Твою несомненное за-
щищение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежище и заступление.

Кондак 10.

Спасти хотящи некоего мужа Холмска Иакова,
В реце утопающа и ко твоей помощи взывающа,
Ты, Богомати отчаявшихся спасение, подобне Христу,
Извлекшему Петра из пучины морския,
Простерла еси руку помощи сему погибающему,
Да вси сущии в бедах, ведящи чудо сие,
Воспоют о Тебе хвалебную песнь Богови:
Аллилуия.

Икос 10.

Стено еси нерушимая граду Холму, Пресвятая Бого-
родице и Дево.

Егда бо во дни древния агаряне нечестивии,
Огню и мечу землю Холмскую предающе,
Ко граду Холму приближахуся,
Насельницы же града подавши икону Твою пречестную
Вокруг храма ю осношаху и о спасении града слезно
моляхуся,

Ты, внимая мольбам людей во спасении отчаявшихся,
Устрашила еси враги видением чудным и отгнала их
от града ими осажденнаго,

Да вси, спасении Тобою от находящихся на ня бед,
воспоют Ти таковая:

Радуйся, страну нашу от нашествия агарянского сво-
бодившая:

Радуйся, чудесным видением стены неприступныя
враги устранившая.

Радуйся, сильным заступлением Твоим от всяких бед
нас свободяющая:

Радуйся, от огня, меча и нашествия иноплеменников
нас избавляющая.

Радуйся, во бранех крепкая помощнице:
Радуйся, отчаявшихся нечаянная радости.
Радуйся, от смертного губительства наше спасение:
Радуйся, врагов наших явное посрамление.
Радуйся, во бедах изнемогающим незыблемое укрепление:
Радуйся, во страданиях наших благомошное утешение.
Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 11.

Пение всеумиленное приносят Ти вси труждающися и обремененнии,
Зане Сыну Твоему непрестанно предстоя, молишися, да слово Им реченное:

Аз упокою вы, соблюдет, и вся в лишении сущия к небеснаму веселию приведст;

Вси же, дар сей небесный восприявшии, воспоют Ему хвалебную песнь:

Аллилуия.

Икос 11.

Светозарным лучем благодатнаго упования явися православным христианом

Пречестная икона Твоя, Владычице, во дни скорби их.

Егда бо страна Холмская от православия лестию отторжена бысть,

Людие православнии в напасти сей сущии, молящесе пред иконою Твоею,

Велие утешение и светлую радость обретаху,

В надежде утверждаяся, яко привремении суть дии син лукави

Егда же чаяние сие исполнися, людие с веселием воспеша Ти хвалу таковую:

Радуйся, душевредных учений обличение:

Радуйся, душеполезных знаний дарование.

Радуйся, священное прибежище наше и верных ограждение:

Радуйся, погибших взыскание и заблудших исправление.

Радуйся, домостроительнице нашего спасения, житие наше добре устрояющая:

Радуйся, во страданиях утешение и в житии благодатнем укрепление нам подавающая.

Радуйся, яко Тебе ради православнии люди прельщения еретическия отметають:

Радуйся, яко Тобою и от еретик совращеннии паки православную веру обретають.

Радуйся, церкви Христовы пресветлое украшение:

Радуйся, православия в стране нашей незыблемое утверждение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 12.

Благодати Твоя не лиши нас, Пренепорочная, люте бо страждем от беззаконий наших,

И не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды оправдатися, разве Тебе, Владычице.

Ты нам помози, да не погибнем люте, и приими нас в небесныя кровы,

Да радуешься о Тебе, возопиём Богу:

Аллилуия.

Икос 12.

Поюще Тя, яко неоскудевающую милосердием предстательницу нашу пред Господем,

Веруем и исповедуем, яко испросиши нам благая не токмо в житии сем привременнем,

Но и по смерти нашей, да, небесных благ не лишившися, воспоем Ти сицевую:

Радуйся, в бездне греховней пребывающим очищение:
Радуйся, грешником с Богом примирение.
Радуйся, молитвами Твоими матерними милость
И всепрощение грешником у Сына Твоего испра-
шающая:

Радуйся, молитвами Твоими праведно движимый на
нас гнев Божий отвращающая.

Радуйся, отрадо наша и утешение в день смерти:

Радуйся, надеждо наша и по смерти.

Радуйся, уповающим на Тя непостыдную кончину
живота дарующая:

Радуйся, в день судный десное стояние нам устрояю-
щая.

Радуйся, ключу царствия Христова, врата небесныя
нам отверзающая;

Радуйся, двери, двери райская, в чертог небесный нас
возводящая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру при-
бежище и заступление.

Кондак 13.

О Всепетая Мати, Царице неба и земли,

Ко Твоему пречистому образу прибегаем и, покло-
няющиеся Ему, умильно глаголем:

Покрый нас ковром милосердия Твоего,

Избави нас от всяких бед, скорбей и напастей,

И умоли Сына Твоего, в день праведнаго суда Божия

Сподобити нас деснаго стояния со всеми святыми, да
непрестанно поем Ему:

Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Новообретенная икона Богоматери Холмской (XII в.)

Бывший православный кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы в г. Холме, заложенный в первой половине XIII в., ныне римско-католическая базилика

Писания В.В. Богдановича о роли и значении церковнославянского языка в судьбе восточного славянства

Как и редактор парижской «Культуры» минчанин Ежи Гедройц, Вячеслав Богданович принадлежал к тем личностям, чья деятельность, в том числе и литературная, еще долго будет востребована разными людьми, принадлежащими порой к различным политическим, религиозным и иным лагерям, ибо жизнь и творчество этих личностей – пример служения не только своему народу и Отечеству, но и человечеству вообще.

Не удивительно, что и тот и другой так много внимания уделяли праву каждого человека на свободу и достоинство, призывали к политической, религиозной и культурной толерантности страны и народы.

Особая миссия в провозглашении этого и борьбе за эти права и идеалы выпала на долю Вячеслава Богдановича, белорусского сенатора во II Речи Посполитой, поднявшего свой голос в защиту угнетаемого белорусского меньшинства, а также всех православных жителей межвоенной Польши. К сожалению, этот выдающийся литератор и общественный деятель, оставивший очень заметный след в истории белорусского национального движения, в возрождении белорусской культуры и языка, оказался забытым в кругу политиков, литераторов и ученых.

Сын православного священника Витебской губернии В. Богданович (родился в 1878 г.) получил высшее богословское образование. Уже в годы учебы в Киевской духовной академии, а особенно с началом работы в качестве инспектора Литовской духовной семинарии в Вильне, он увле-

кается литературной деятельностью, позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией Богданович переезжает в Рязань, откуда возвращается в Вильно уже после революции и осенью 1919 г. на правах ректора возобновляет занятия в семинарии. В октябре 1922 г. «по просьбе митрополита Георгия с Синодом» В. Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и вывезли в Краков.

В том же году В. Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где он многое сделал «для защиты православной церкви», что способствовало его известности «среды православных не только в Польше, но и во всем мире».

В силу сложившихся обстоятельств полемические мотивы в литературном творчестве Богдановича доминируют довольно долгое время. Полемический оттенок носит и почти все, что было напечатано им в журнале «Праваслаўная Беларусь», выходившем в 1927–1928 гг. в Вильне. Собственно, журнал можно было бы с полным правом назвать печатным органом самого В. Богдановича, ибо именно он был главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемым властями и было даже запрещено. Такое положение не удивительно, ибо «Праваслаўная Беларусь» поднимала широкий круг жгучих проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролась за права белорусского народа, в том числе в общегражданской и религиозной сферах.

В своей писательской и парламентской деятельности В. Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер, независимый от конфессиональной ориентации. В этой связи весьма показательным его отношение к белорусам-католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений. «Я был бы односторонним, – говорил В. Богданович на заседании Сената, – если бы не прибавил здесь несколько слов об отношении правительства к белору-

сам-католикам. Вследствие совершенно иного положения римско-католического костела в государстве здесь дело идет уже не о религиозных преследованиях, но и здесь ярко выступает существо отношения правительства к религиям, от которых оно требует действий определенного политического направления. На основании этого принципа безусловно копируются всякие проявления национальной жизни в церковной жизни белорусов-католиков. Отсюда видно, что в отношении римско-католического костела правительство одинаково не хочет считаться с действительными нуждами самого народа. Только, вследствие иного строя в этом костеле и принятого конкордата с Апостольской Столицей, не имея возможности создать каноническое представительство, оно направляет свой гнет непосредственно на клир и народ, причем считает каждого католика-белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, – враждебно настроенным против государства.

Вот, например, против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свенцянского у., говорящего по желанию народа проповеди по-белорусски, возбуждено судебное дело, причем, по имеющимся в белорусском клубе данным, судебный следователь в отношении к кс. Годлевскому применил такую форму полицейского надзора, по которой этот белорусский ксендз должен через день являться для регистрации в местную полицию. Я спрашиваю коллег ксендзов-сенаторов, заставляли ли когда либо ксендзов в русские царские времена через день являться для регистрации к уряднику.

Когда Виленский римско-католический епископ выслал в Жодишки специальную комиссию, составленную только из ксендзов-поляков с целью расследования существа дела, местная полиция терроризировала народ, принеся на костельный погост пулемет и целясь в безоружную толпу богомольцев. Несмотря на этот террор полиции белорусское на-

селение в значительном большинстве высказалось за употребление белорусского языка в костеле.

Ксендза В. Шутовича, настоятеля в Бороденичах, ведущего преподавание Закона Божия в школах на белорусском языке, местные польские учителя по приказу Дисненского инспектора народных училищ безобразным образом физической силой не допускают в школу.

За употребление белорусского языка уволены с должности школьных префектов ксендзы Семашкевич, настоятель в Лаворишках и Петровский, настоятель в Долгинове.

Белорусскую католическую прессу, освещающую факты преследования в белорусско-католической жизни и заступающую за преследуемых, беспощадно конфискуют. Из-за этого в прошлом месяце конфисковали № 20 и 22 белорусского журнала «Криница».

Миную из-за недостатка времени бесчисленные другие факты. Вспомню здесь еще только о весьма характерном в этом отношении факте, о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов «Светочь» религиозно-просветительного характера.

Ключевая проблема, о которой В. Богданович много писал вплоть до своего ареста в 1939 г., – «церковь и государство». Уже в самых ранних своих произведениях, посвященных ей, он очень точно нарисовал историческую картину феномена этих взаимоотношений, определил для СССР «тот крайний вид социализма (коммунизма), который сам фактически стремится стать религией». Без сомнения, все, что было написано В. Богдановичем на эту тему, не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула существования церкви и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий, для новой Европы. Увы, для Польши 1920–1930-х гг., а тем более СССР, предлагаемое В. Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц, весьма опасных для государства, которое неоднократно

применяло к нему всевозможные репрессии. Не удивительно, что в конце концов он оказался узником польского концлагеря в Березе Картузской, откуда больной и измученный освободился незадолго до своего нового ареста органами НКВД в Вильне осенью 1939 г.

В. Богданович был не только отвлеченным мыслителем, бумажным доктринером, но и весьма деятельным исполнителем, воплощением своих идей в жизнь. Он показал себя умелым политиком, сплотившим вокруг себя большое число однодумцев, организатором особой православной партии (политической партии под названием Православно-Белорусское демократическое объединение) и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им «Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей белорусского национального комитета и русско-го народного объединения в Вильне».

Также, как и теме соборности в жизни церкви, Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. По поводу сосуществования русского и белорусского языков он писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению... Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная, догматы ее, соборное начало в управлении и церковнославянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви».

В одной из своих ранних работ, написанных в ответ на нелепые обвинения с польской стороны в связи с отстаиванием В. Богдановичем церковнославянского языка в богослужении, он писал: «Славянский язык... употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских

православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас, белорусов, церковнославянский язык является исторической основой нашей культуры... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка?»

Один из ближайших сподвижников и однодумцев В. Богдановича протоиерей Лука Голод, автор большого числа литературных работ, о котором нынешние издания даже не упоминают, высказался еще более категорично о значении церковнославянского языка для белорусского национального возрождения: «Славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка».

Интерес к духовному наследию В. Богдановича среди православного населения современной Польши, Литвы, Беларуси и России продолжает сохраняться, свидетельством чего служит ряд его произведений, по сей день сберегающихся в различных библиотеках – частных и приходских. Многие из сочинений В. Богдановича неоднократно переписывались читателями, которые даже составляли из них некое подобие рукописных сборников, своего рода избранных собраний его сочинений. Абсолютно лишенное какого-то бы ни было рекламирования и даже упоминания кем-либо, включая и деятелей Церкви, наследие В. Богдановича сразу же нашло отзвук в глубинах народного сознания, было востребовано им и сохранено [1].

Ниже мы публикуем материалы, принадлежащие перу В. Богдановича, тесно связанные с тематикой этой главы, по текстам одного из рукописных сборников 1930-х гг., до нашего времени бытующих в западнобелорусской читательской среде.

1. Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997. № 3. С. 39–49; Он же. Белорусско-русская идея во II Речи Посполитой: Лит., церковная и обществ. деятельность сенатора В. Богдановича // Матице српске за славистику. 1997. № 52. С. 259–275; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература межвоенной Польши. М., 1998; Лабынцев Ю.А. Белорусско-русская идея во II Речи Посполитой: Церковная, полит. и лит. деятельность сенатора В. Богдановича // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 252–263; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000; Они же. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001; Лабынцев Ю.А. Воспоминания о Московском Церковном Соборе 1917–1918 гг. сенатора В. Богдановича // Здабыткі. Мінск, 2001. Вып. 4. С. 88–100; Лабынцев Ю., Щавинская Л. Православные в межвоенной Польше и их лидер сенатор В.В. Богданович // www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=647&did=678

* *
*

Еще при жизни св. Мефодія, какъ мы видели, христіанство быстро распространилось среди славянскихъ племенъ на Балканскомъ полуострове. Но далеко не все славянскіе народы одинаково использовали то религіозно-культурное достояніе, которое оставили имъ святые братья. Политическія событія тогдашняго времени въ виде натиска германцевъ на славянскія племена, жившія въ западныхъ, соседнихъ съ немцами славянскихъ странахъ, заставилі некоторыхъ славянскихъ князей принимать у себя латино-немецкихъ миссіонеровъ и изгонять славянскихъ, учениковъ св. Мефодія и Кирилла. Римскіе папы, сначала следуя папе Адриану, одобрявшему переводы и вообще миссіонерскіе

труды св. братьевъ, поддерживали славянскихъ учителей. Преемникъ Адріана Іоаннъ VIII даже помогъ св. Мефодію освободиться изъ немецкаго плена, въ которомъ тотъ пробылъ около двухъ летъ. Но потомъ, по мере нарастанія разногласія между восточной и западной половинами церкви, когда церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ вышедшихъ изъ Византіи миссіонеровъ-проповедниковъ, сталъ какъ бы знаменемъ византійскаго вліянія среди славянъ, папы стали недоверчиво относиться къ этому языку и понемногу выводить его изъ употребленія. Такъ напримеръ, вскоре после смерти св. Мефодія церковно-славянскій языкъ и славянскіе проповедники вытеснены были изъ Моравіи при помощи сего же князя Святополка. То же произошло въ Чехіи и въ Польше. Судьба церковно-славянскаго языка въ Польше для насъ, конечно, наиболее интересна. Посеянное здесь св. братьями христіанство съ церковно-славянскимъ богослужебнымъ языкомъ и восточнымъ обрядомъ вытравлено было потомъ латино-немецкими проповедниками далеко не сразу и не безъ тяжелой борьбы, которая продолжалась отъ девятаго вплоть до тринадцатаго века. Дольше всего славянскій языкъ и восточный обрядъ держались въ областяхъ Познанской и Краковской. Въ Познанской епархіи только сто летъ спустя после Кирилло-Мефодіевскихъ проповедниковъ укрепился латино-немецкій епископъ Іорданъ (967 г.).

Большинство историковъ, въ томъ числе и многіе польскіе, считаютъ, что Мечиславъ I или Мешко былъ крещенъ по восточному обряду, и лишь перекрещенъ латинскими проповедниками. После него еще долго въ Польше существовало разделеніе на латыньниковъ и славянъ. Въ XII в. Краковскій епископъ Матвей и польскій бояринъ Петръ Властовичъ пишутъ письмо св. Бернарду съ просьбой пріехать въ Польшу «для искорененія обряда нечестивыхъ русскихъ», а еще въ половине XIII в. въ Краковской епархіи посты соблюдались не по латинскому, а по Византійскому обряду. Только съ половины тринадцатаго века борьба двухъ вліяній

латино-немецкаго и византійско-славянскаго, можно считать, закончилась въ пользу перваго, т. е. какъ разъ тогда, когда такая же борьба начала загораться на Востоке Польши съ присоединеніемъ къ Польше литовско-русскихъ и украинорусскихъ земель.

Точно также и Чехія, получивъ христіанское просвещеніе отъ св. братьевъ одновременно съ Моравіей, подверглась потомъ сильному политическому и культурному вліянію немцевъ и постепенно, какъ и Польша, утратила самыя основы своей славянской культуры. Въ XI в. начинается полное преобладаніе тамъ латино-немецкаго вліянія. Но память о прежнихъ родныхъ источникахъ своей культуры долго жила въ чешскомъ народе и въ свое время ярко выразилась въ гусситскомъ движеніи; чувствуется же и до настоящаго времени.

Но зато въ техъ странахъ, где церковно-славянскій языкъ успелъ привиться, укрепиться и лечь въ основу національной культуры, онъ далъ самыя блестящія и обильныя плоды. На всемъ Балканскомъ полуострове первенство въ этомъ отношеніи среди славянскихъ странъ безусловно принадлежитъ Болгаріи.

Въ Болгарію христіанство начало проникать несколько раньше проповеди св. братьевъ, но быстро стало распространяться тамъ лишь после того, какъ ученики св. Мефодія и Кирилла принесли туда книги на славянскомъ языке. Владевшій въ это время Болгаріей князь Богорисъ или сокращенно Борисъ (862—888) принялъ христіанство, самъ и крестилъ свою страну. Сюда же въ Болгарію потомъ прибыла большая часть славянскихъ проповедниковъ, изгнанныхъ изъ Моравіи и христіанское просвещеніе быстро распространилось по стране. Эпоха болгарскаго князя Симеона (888—927) является эпохой расцвета древней болгарской литературы. Болгарія заняла въ это время въ культурномъ отношеніи первенствующее место среди всехъ славянскихъ народовъ и для многихъ изъ нихъ уже сама явилась источникомъ

славянской культуры, Особенно же это следует сказать о славянскихъ народахъ. посившихъ названіе Руси.

Хотя среди славянъ русскіе славяне позже всехъ приняли христіанство, но никто, какъ они, такъ широко и плодотворно не использовали церковно-славянскій языкъ, какъ культивирующую силу. Долго онъ оставался литературнымъ языкомъ для всехъ русскихъ племенъ; соединяясь и сливаясь съ местными разговорными языками, изъ которыхъ постепенно и выработался нынѣшній русскій литературный языкъ, являющійся теперь однимъ изъ самыхъ распространенныхъ разговорныхъ и литературныхъ языковъ на земномъ шарѣ. О немъ, и о томъ значеніи, которое для него имель и имеетъ донныне церковно-славянскій языкъ, мы поэтому и скажемъ прежде всего несколько словъ.

«Нетъ более прекраснаго для поэзіи языка, чемъ языкъ русскій. Классическая латынь можетъ съ нимъ равняться только въ некоторыхъ отношеніяхъ, – тамъ где дело идетъ о монументальной величавости поэтического выраженія, Языкъ же русскій въ поэзіи...что же это за лестница несравнимыхъ, едва заметныхъ дыханій тончайшихъ чувствъ отъ недостижимо нежныхъ до самыхъ мужественныхъ звучаній благороднаго пафоса».

Можно быть увереннымъ, что читатель не сразу поверитъ, что слова эти принадлежатъ не какому-либо завязтому русскому словеснику, критику или писателю, а польскому публицисту, да еще послевоеннаго времени. Находятся они въ статье-рецензіи на книгу проф. Ледницкаго, помещенной въ виленской газетѣ «Слово» отъ 25 сентября 1926 г. Статья эта подписана буквами Cz. J. (очевидно – Чеславъ Янковскій). Еще более читатель удивится тому, что въ подтвержденіе «монументальности и величавости» русскаго языка авторъ статьи ссылается на известное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи». Чуткое ухо тонкаго эстета, какимъ, очевидно, былъ ныне уже покойный Cz. J., помогло ему преодолеть не только предвзятыя политическія настроенія, но и

неприятныя ассоціаціи, связанныя у поляковъ съ этимъ стихотвореніемъ, чтобы по достоинству оценить языкъ другого народа.

Какъ напоминаетъ намъ этотъ отзывъ польскаго публициста подобныя же отзывы о русскомъ языке старыхъ русскихъ писателей и ученыхъ. Кто, напримеръ, не знаетъ знаменитаго «стихотворенія въ прозе» И.С. Тургенева о «великомъ, могучемъ, свободномъ и правдивомъ русскомъ языке». Еще раньше Тургенева такой же отзывъ о русскомъ языке даетъ Ломоносовъ и спустя 80 летъ Карамзинъ: «Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго красноречія, громкой живописной поэзіи, но и для нежной простоты и чувствительности». Все, какъ мы видимъ, а более всего польскій публицистъ, преимущественно подчеркиваютъ одну характерную особенность русскаго языка: его удивительное богатство, многогранность, многосторонность, разнообразіе, способность принимать разный характеръ, разные оттенки.

Никто, однако, кроме Ломоносова не занялся вопросомъ о томъ, где же и въ чемъ причина этого богатства и разнообразія, — почему именно русскій языкъ такъ могучъ, такъ богатъ, такъ правдивъ и такъ свободенъ?

Ломоносовъ, какъ известно, въ своемъ разсужденіи «О пользе книгъ церковныхъ» ответилъ на этотъ вопросъ теоріей «трехъ стилей», которую не грехъ намъ теперь вспомнить по поводу Ломоносовскаго юбилея. Вотъ что между прочимъ говорить онъ тамъ. Сначала онъ обращаетъ вниманіе именно на то счастливое обстоятельство, что переводъ греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ сделанъ былъ во времена расцвета греческой византійской образованности, что чрезвычайно способствовало обогащенію духовнаго міра славянскихъ народовъ новыми понятіями. Съ другой стороны то, что эти понятія даны не на чуждомъ для славянъ, а на понятномъ для нихъ, хотя, быть можетъ и рознящемся несколько отъ того или иного местнаго говора, языке, чрезвычайно способствовало и обогащенію речи, увеличенію коли-

чества новыхъ словъ, но словъ или славянскихъ, или осла-
вянившихся. «Отменная красота, изобиліе, важность и сила
эллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно
свидетельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ,
кроме древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосфеновъ и дру-
гихъ витійствовали великія христіанскія церкви учителя и
творцы, возвышая древнее красноречіе высокими богослов-
скими догматами и пареніемъ усерднаго пенія къ Богу. Ясно
сіе видеть можно вникнувши въ книги церковныя на сла-
вянскомъ языке, коль много мы отъ перевода Ветхаго и Но-
ваго Завета, поученій отеческихъ, духовныхъ песней Дамаски-
новыхъ и другихъ творцовъ канонівъ видимъ въ славянскомъ
языке греческаго изобилія и оттуда умножаемъ довольство
россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достат-
комъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ
славянскаго сродно».

Это Ломоносовъ доказываетъ на примере другихъ язы-
ковъ. «Поляки, преклонясь издавна въ католицкую веру, от-
правляютъ службу по своему обряду, на латинскомъ языке,
на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена
варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и по-
тому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подоб-
ныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языке отъ гречес-
каго пріобретены. Немецкій языкъ по то время (до техъ
поръ) былъ убогъ, простъ и безсиленъ; пока въ богослуженіи
употреблялся языкъ латинскій. Но какъ только немецкій на-
родъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на
своёмъ языке, тогда богатство его умножилось и произошли
(явились) искусные писатели. Напротивъ, въ католическихъ
областяхъ (Германіи), гдѣ только одну латынь, и то варвар-
скую, въ служеніяхъ употребляютъ, подобнаго успеха въ
чистоте немецкаго языка не находимъ».

Далее Ломоносовъ излагаетъ свою знаменитую теорію о
трехъ стиляхъ. Такъ какъ матеріи, изображаемыя человече-
скимъ словомъ, различны по своей важности, то и русскій

языкъ, имея въ своемъ распоряженіи, вследствие употребленія церковныхъ книгъ, множество общепонятныхъ церковныхъ словъ, обладаетъ для изображенія этихъ предметовъ, тремя разными степенями или стилями: высокимъ, среднимъ и низкимъ. Различіе это достигается более или менее широкимъ употребленіемъ церковнославянскихъ словъ. Высокій (торжественный, важный, величавый) стиль получается тогда, когда речь изобилуетъ церковнославянскими словами въ обычномъ разговорномъ языке не употребляемыми (напр. отверзаю, взываю, дщерь, насажденный). Средній – когда употребляются слова одинаково свойственныя, какъ церковнославянскому, такъ и русскому языкамъ (Богъ, слава, рука, ныне, почитаю и т.д.). Къ третьему роду словъ относятся те, которыя употребляются только въ разговорной речи (например: говорю, ручей, который, пока, лишь).

Высокій стиль употребляется преимущественно въ торжественныхъ речахъ, одахъ; средній – въ прозаическихъ сказахъ, деловыхъ сношеніяхъ; низкій – въ комедіяхъ, эпиграммахъ, веселыхъ песняхъ, дружеской шутливой переписке.

Сколько разъ эта теорія подвергалась осмеянью со стороны противниковъ церковно-славянскаго языка, не исключая и самихъ профессоровъ и учителей словесности! Но въ наши дни, особенно после недавно минувшихъ пушкинскихъ торжествъ, пора намъ заново пересмотреть взгляды Ломоносова, ибо теперь уже нетъ сомненія, что Пушкинъ былъ первымъ мастеромъ слова, который далъ последующимъ поколеніямъ поэтовъ примеръ, какъ нужно умело пользоваться элементами церковно-славянскаго языка въ русской поэзи.

Что въ основе всякой культуры лежитъ культъ, т. е. религія, это стало общепринятою истиною, которую теперь никто не оспариваетъ, какъ никто не станетъ оспаривать и значеніе языка для національной культуры. Счастливы тотъ народъ, у котораго для обслуживанія его культа существуетъ языкъ и особенный и вместе родной, близкій, какъ это было

у многихъ древнихъ народовъ, особенно у евреевъ. Такіе народы создаютъ произведенія мірового и вечнаго значенія (псалмы Давида). Русскому народу тоже посчастливилось. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства, легшаго въ основу его культуры, онъ получилъ изъ Болгаріи богослужебныя книги на близкомъ ему славянскомъ языкѣ, который и сделался для него надолго языкомъ литературнымъ, книжнымъ и оставался таковымъ, пока другой литературы, кроме церковно-религіозной не существовало или почти не существовало.

По мере возникновенія и развитія литературы светской все больше и больше вносилось въ этотъ языкъ элементовъ обыденной, бытовой, живой, народной речи. Этотъ процессъ начался еще въ Кіевской Руси въ летописяхъ, проповедяхъ (Феодосій Печерскій, Илларионъ, Кирилль Туровскій и др.), повестяхъ, дружинномъ эпосе («Слово о полку Игореве»), потомъ совершался преимущественно въ западной и южной Руси подъ владычествомъ Польши (первая грамматика Мелетія Смотрицкаго, Дмитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій). Потомъ въ восточной и северной Руси, въ Москвѣ и Петербургѣ. Но корни, какъ мы видимъ, литературнаго русскаго языка оставались все же въ языкѣ богослужебномъ, и къ нему неизбежно обращались поэты и писатели тогда, когда рѣчь шла о предметахъ высокихъ, близкихъ къ идеаламъ народа и его религіозному міросозерцанію, – вообще къ тому, где лежала народная дума. Этимъ путемъ образовалось не три, а безконечное множество оттенковъ, тоновъ речи, которыми справедливо можетъ гордиться «могучій, свободный, правдивый» русскій языкъ. Обиліе оттенковъ русскаго языка наиболее сказалось въ лирической поэзіи, где разнообразіе стилей такъ же безгранично, какъ безгранично разнообразны переживанія поэтическихъ душъ, ищущихъ выраженія этихъ переживаній въ слове. И какъ свободно чувствуютъ себя въ этомъ морѣ разнообразія русскіе поэты, начиная съ Пушкина. А кто теперь станетъ спорить, что дивное разнообразіе тоновъ русской речи въ пушкинской

поэзіи достигалось именно умелымъ пользованіемъ элементами богослужебнаго языка?

Чтобы еще разъ понять и осмыслить это, советуемъ читателямъ прочесть и вдумчиво разобрать, напр., такія стихотворенія Пушкина какъ «Пророкъ», «Памятникъ», «Къ гробу полководца», «Отцы пустынники» и сравнить ихъ съ удивительною по простоте пушкинской прозой («Повести Белкина», «Капитанская дочка»), простыми, хотя и задушевными строфами «Евгенія Онегина», а потомъ съ его народными сказками, балладами изъ народнаго быта («Утопленникъ», «Гусарь» и др.) Все Ломоносовскіе «стили» предъ вами встануть во всемъ блеске Пушкинскихъ къ нимъ иллюстрацій.

Въ самомъ деле, вспомнимъ хотя бы начало пушкинскаго «Пророка».

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустыне мрачной я влачился ...

Ведь стоило сказать не «влачился», а «волочился», какъ пропала бы вся торжественность и величавость обстановки. Или:

Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зениць коснулся онъ.

«Персты» и «пальцы» – анатомически конечно одно и тоже, какъ одно и тоже и «зеницы», и «очи», и «глаза», и даже, если хотите «зенки» и «буркулы». Но въ речи это не одно и тоже. Какое разнообразіе оттенковъ заключается въ употребленіи этихъ словъ да еще въ соединеніи съ разнообразіемъ соседнихъ: отверзлись – открылись, вняль и услышаль, воззваль и закричаль и т.д. Все можно выразить и изобразить этимъ разнообразіемъ, начиная отъ горняго ангельскаго міра до «милаго» діалога горьковскихъ босяковъ. Эти оттенки магически действуютъ на нашу душу, возбуждая въ ней соответственныя мысли и настроенія; «опущенная голова» для насъ не то, что «поникшая глава», «голосъ» не то, что «глась» и «десница» не то, что «правая рука». Все дело лишь въ умелости и уместности примененія того или иного

выраженія, а это дается лишь силою таланта, темъ особымъ чутьемъ къ прекрасному, которое можно иметь лишь «Божією милостію», а полученное развивать эстетическимъ воспитаніемъ. Особенно ясно видно это на обратныхъ отрицательныхъ примерахъ неуместнаго, неудачнаго (еще более — намеренно неудачнаго) употребленія церковно-славянскихъ словъ, которое не только не настраиваетъ насъ на торжественный тонъ, но, наоборотъ, вызываетъ смехъ (напр., церковно-славянизмы Кутейкина въ «Недоросле»). Недаромъ эти неуместные славянизмы были всегда излюбленнымъ стилемъ насмешекъ надъ духовенствомъ.

Итакъ, въ Пушкине мы видимъ торжество Ломоносова. Последнему можно поставить въ упрекъ лишь то, почему онъ въ русскомъ языке усмотрелъ всего лишь три, а не пять, не десять, не сто стилей, но таковъ тогда былъ обычай: во всемъ видеть свою триаду. Ближе къ истине поэтому тотъ, приведенный выше нами польскій публицистъ, который русскій языкъ называетъ «безконечною лестницей (skala) оттенковъ». Замечательно, что восхищаясь разнообразіемъ оттенковъ русскаго языка, онъ именно и ссылается прежде всего на Пушкина: «А ведь мастеромъ, который пользовался такимъ языкомъ, былъ такой поэтъ, какъ Пушкинъ».

Такъ оцениваетъ русскій языкъ и русскую поэзію полякъ, высокая культурность котораго помогла ему стать выше злободневныхъ и историческихъ счетовъ «славянъ между собою». Темъ обиднее и больнее бываетъ, когда более близкіе въ племенномъ и культурномъ отношеніи, более «свои», это — политиканствующие изъ нашихъ украинцевъ и даже белоруссовъ (реже), воюють противъ церковно-славянскаго языка, да еще какъ «русификаціоннаго средства», забывая, что онъ легъ въ основу ихъ собственной также, какъ и культуры великорусской. Политическіе мотивы и предубежденія заставляютъ умалчивать о томъ, что ихъ знаменитые родичи, эти Епифаніи Словинецкіе, Мелетіи Смотрицкіе, Симеоны Полоцкіе, Димитріи Ростовскіе, Феофаны Прокоповичи и

пр. не менее потрудились надъ развитіемъ даже и того же «великаго, могучаго, свободнаго и правдиваго языка», какъ и Ломоносовы и внесли въ дело выработки его филологическаго содержанія и формъ много «русскихъ», т. е. украинскихъ словъ и оборотовъ.

Отсутствіе чутья къ прекрасному мешаетъ такимъ людямъ преодолеть на пути къ красоте малейшія политическія воспоминанія и заставляетъ ихъ часто находить политику тамъ, где ея нетъ и быть не должно – въ сфере религіозной. Не даромъ такіе отрицатели выходятъ большею частью изъ среды малоцерковной и малорелигіозной, даже часто антирелигіозной, т. е. по существу малокультурной, а следовательно и далекой отъ народной души. Народныя массы никогда почти не обманывающіяся въ своемъ національномъ инстинкте, твердо стоятъ за церковно-славянскій языкъ; и слава Богу, идя за ними начинаютъ, кажется, отказываться отъ гоненія на родной богослужебный языкъ, т. е. на источникъ своей культуры, даже и этого рода деятели.

Мы ничуть не думаемъ насиловать ничьей свободной воли. Если украинцы и белоруссы, хотя и сами вложили много труда и сокровищъ своего языка въ литературный русскій языкъ, теперь всетаки желаютъ создать свой отдельный, более близкій къ разговорному народному языку литературный языкъ, – пусть создаютъ. Это ихъ воля. Но невольно здесь хочется имъ дать советъ въ этой ихъ національной работѣ не отрывать отъ культурныхъ основъ своего языка, т. е. отъ языка церковно-славянскаго, чтобы темъ не «оборать» – самихъ себя.

Но пусть подумаютъ такіе деятели о томъ, какого источника богатства лишаютъ они украинскій и белорусскій языкъ, стараясь отдалить его отъ церковно-славянскаго, т. е. отъ своихъ литературныхъ корней, вырывая изъ своего языка такія, ни съ чемъ не сравнимыя по культурному значенію основы, и темъ обрекая его на неизбежную необходимость развиваться въ узкихъ рамкахъ обыденщины. Не будемъ за-

бывать и того, что языкъ почти не меньше вліяеть на міръ идей, чемъ этотъ міръ на область словесныхъ формъ языка. «Прекрасное должно быть величаво», – вспомнимъ изреченіе Пушкина. Пока молодые народы находятся еще въ періоде своего политическаго рожденія и поэтому живутъ еще этими родовыми муками, т. е. воспоминаніями о своихъ политическихъ обидахъ или своей неволе, тогда плачь для нихъ естествененъ, тогда они могутъ обходиться безъ этого «величаваго», оставаясь въ границахъ стараго горя и «бременія» (отъ слова «бередить») старыхъ ранъ. Но когда они, завоевавъ себе независимое положеніе, получаютъ темъ самымъ право возжечь и свой светильникъ среди независимыхъ народовъ, тогда несомненно это пренебреженіе культурными основами своего языка дастъ себя знать; тогда почувствуется жажда этого «величаваго», но тогда светильникъ этотъ – увы! можетъ оказаться, какъ у известныхъ евангельскихъ немудрыхъ девъ – безъ «елея»!

* *
*

Начиная речь о церковно-славянскомъ языке, какъ языке богослужебномъ, необходимо прежде всего отметить, что это вопросъ отнюдь не догматическій и даже не каноническій (съ принципиальной точки зренія), а только вопросъ церковной практики. Съ православной точки зренія въ христіанстве нѣтъ особо священнаго языка. На такое место еще могли бы претендовать два языка: древнееврейскій и греческій, какъ языки Священнаго Писанія – первый Вѣтхаго, второй – Новаго Завѣта. Но съ техъ поръ, какъ Иисусомъ Христомъ дано повеленіе идти учить и крестить все народы и какъ въ день Св.Пятидесятницы «крещеніе Духомъ Святымъ» апостоловъ осуществилось при полученіи апостолами дара языковъ, для христіанскаго міра все языки, какъ и все народы стали священны: «нести ни эллинъ, ни іудей». Пре-

имущество языковъ греческаго и еврейскаго – чисто практическое, а именно въ томъ, что они, какъ языки Св. Писанія являются какъ бы хранителями его текста и вместе истиннаго смысла. По нимъ, въ конце концовъ, должна совершаться проверка текста Слова Божія, переведеннаго на иные языки.

Поэтому Православіе вопросъ о богослужбныхъ языкахъ принципиально разрешило разъ на всегда въ томъ смысле, что не только не запрещаетъ молиться и совершать богослуженія на всехъ языкахъ міра (о запрещеніи и речи быть не можетъ), но всегда настойчиво стремится и старается по примеру и завету св. апостоловъ и св. равноапостольныхъ братьевъ Мефодія и Кирилла переводить священныя и богослужбныя книги на языки техъ народовъ, среди которыхъ оно впервые проповедуется.

Здесь очень кстати будетъ вспомнить, что то русское правительство и та русская православная церковь, возглавляемая до собора 1917–18 гг. правительствующимъ синодомъ, которую такъ теперь часто, а иногда и справедливо, обвиняютъ въ руссификаторскихъ намереніяхъ, не смотря на это, переводили (когда нужно было) православное богослуженіе на всевозможные языки народностей, населявшихъ быв. Россійскую Имперію и соседнія страны (на языки: латышскій, литовскій, эстонскій, финскій, вотяцкій, корельскій, татарскій, алтайскія наречія, китайскій, японскій), однако никогда не пытались переводить книги для богослужбнаго употребленія ни на литературный русскій, ни на разговорный великорусскій языки. Более того, частныя попытки въ этомъ направленіи встречали всегда сопротивленія со стороны и светской и духовной власти. ...

Тысячелетняя, изъ поколенія въ поколеніе передаваемая богослужбная практика такъ тесно связала наше богослуженіе съ церковнославянскимъ языкомъ, что не только слова и выраженія, но и даже самыя «звуки» церковно-славянскій речи уже создаютъ въ душе невольныя ассоціаціи (связи) съ

знакомыми душе переживаниями, въ нихъ «слезы разлуки», т. е. вечная тоска по утраченномъ райскомъ блаженствѣ, въ нихъ «трепетъ свиданья», т. е. торжественное и сладостное предчувствіе воскресенія и «возвращеннаго рая».

Нужно отметить и то, что въ церковно-славянскихъ словахъ и выраженіяхъ зафиксировался (закрепился) не только известный оттенокъ религіознаго чувства, но и религіозной мысли: съ каждымъ словомъ связано точно, разъ на всегда установленное значеніе. Языкъ этотъ, какъ богослужебный, имеетъ для насъ значеніе, следовательно, и хранителя содержанія и точнаго смысла самаго богослуженія. Защитники латинскаго языка въ р.-католическомъ богослуженіи это отлично понимаютъ, и въ этомъ ихъ единственное (только единственное) оправданіе, ради котораго они отбросили то, что мы одновременно сохранили.

Наконецъ, въ богослужебномъ языкѣ есть много такихъ словъ, выраженій и понятій, которыя не только не переводимы вполне точно на обыденный языкъ, но которыя прозвучали бы кощунственно и непріятно, будучи названы или выражены обычными словами. Поэтому переводъ богослуженія на «живые» языки бываетъ необычайно труденъ, и нужно быть именно конгеніальнымъ св. равноапостольнымъ проповѣдникомъ, нужно долго готовить себя духовными подвигами, чистою жизнью и молитвенными переживаниями, чтобы браться за это святое, но вместе трудное и ответственное дело. Тамъ, где это необходимо, где богослуженіе переводится для новопросвещенныхъ быв. язычниковъ, магометанъ и т. д. говорящихъ на совершенно иномъ, неславянскомъ языкѣ, тамъ это сделать нужно. Но тамъ, где богослуженіе уже совершается на столь дивномъ, прекрасномъ и вместе, говоря вообще, понятномъ церковномъ языкѣ, тамъ посягать на этотъ не веками, а уже тысячелѣтіемъ, «намоленный», а потому ставшій священнымъ языкъ, — прямое преступленіе.

Вотъ почему мы выступаемъ равно противъ перевода

богослуженія на все «живые» славянскіе языки и, прежде всего на языки «русскіе», т. е. на великорусскій, украинскій (малорусскій), белорусскій и на литературно-русскій. Пропандисты и защитники перевода больше всего руководятся тут не церковными, а политическими мотивами, стараясь даже и въ церковномъ отношеніи отгородиться отъ «русскихъ». Мы уже выясняли и то, какого культурнаго богатства такіе политики лишаютъ свои народы и то, какое антикультурное зло вносятъ они въ среду родственныхъ славянскихъ и особенно славяно-русскихъ племень. Поэтому крайне вреднымъ здесь является не только изгнаніе изъ богослуженія церковнославянскаго языка, но даже и введеніе въ богослужебный церковнославянскій языкъ пресловутой украинской вымовы, культивируемой теперь ради того же разлада (дисгармоніи), т. е. ради того же трусливаго трепета передъ «руссификаціей».

Во-первыхъ, чистымъ недоразуменіемъ является то утверждение, будто общепринятый въ настоящее время въ быв. Всероссийской Церкви выговоръ церковнославянскихъ словъ – «московскій» выговоръ. Ничего подобнаго. Этотъ выговоръ создало и укрепило по всей Св. Руси именно украинское духовенство въ эпоху своего полного и совершеннаго преобладанія и господства въ Россіи, начиная отъ Петра Великаго вплоть до Екатерины II.

Чтобы убедиться въ этомъ, вспомнимъ следующие историческіе факты.

Вліяніе на Москву духовнаго образованія, созданнаго въ Польше въ XVI–XVII вв. трудами православныхъ украинцевъ и белоруссовъ, началось въ XVII в. и съ этого времени непрерывно росло и усиливалось до конца этого века. Въ Москвѣ въ этотъ періодъ наиболее важнымъ церковнымъ деломъ было исправленіе священныхъ и богослужебныхъ книгъ. До этого времени, начиная съ Максима Грека оно производилось по старымъ славянскимъ и греческимъ рукописямъ и исключительно московскими «справщиками» (ис-

правителями). Въ XVII в. оно поступаетъ въ руки ученыхъ монаховъ изъ Кіева во главе съ Епифаніемъ Славинецкимъ (ум. въ 1676 г.) и производится, особенно во времена патрiарха Никона, преимущественно по книгамъ кіевскихъ изданій. Исправлялись теперъ уже не только отдѣльныя слова, но вносились цѣлыя молитвы и чинопослѣдованія. Самъ Никонъ настолько увлекся Кіевскою обрядностью, что даже выписалъ изъ Кіева певчихъ, каковому примеру вскоре последовалъ и самъ царь. Старообрядческій расколъ въ Россіи и вызванъ былъ преимущественно ревностью московскихъ справщиковъ, подозрительно относившихся къ чистоте веры кіевскихъ «латынниковъ и обливанцевъ».

Со времени Петра I преобладаніе украинскаго духовенства переходитъ въ полное господство. Почти весь составъ Св. Синода, начиная со Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и Феодосія Яновскаго былъ украинскій. Должности ректоровъ и префектовъ духовныхъ академій, виднейшія епархіальныя кафедры, вліятельныя места придворнаго духовенства, — все заполняется представителями украинской учености, преимущественно учениками Кіево-Могилянскои академіи, которые, какъ более просвѣщенные, больше нравились Петру, не любившему Московскаго духовенства, а потому и не внимавшему его протестамъ противъ этого «засилья черкасовъ» (такъ звали тогда украинцевъ). Пользуясь покровительствомъ тогдашней русской гражданскои власти, украинское духовенство вплоть до времени имп. Екатерины II деятельно «размоскаливало» русскую церковь, борясь съ расколомъ старообрядчества, вводя новыя книги, проповѣдничество новаго характера, новыя чинопослѣдованія (даже въ совершеніи таинствъ) и обряды, новое церковное «партесное» пѣніе, новую манеру и способы совершенія богослуженія, провозглашенія возгласовъ, даже новую парадную одежду для архіерейскихъ певчихъ въ видѣ полупольскихъ полуукраинскихъ кафтановъ — кунтушей, которые пожилые люди хорошо помнятъ и доньне. Некоторые

изъ архіереевъ-украинцевъ въ своей «украинизаціи» были настолько энергичны, что даже возникло несколько административно-судебныхъ дель объ архіерейскихъ жестокостяхъ. Но въ общемъ малороссы тогда были культурнее, а потому въ культурной борьбе победили.

Не смотря на реакцію, возникшую противъ «засилья черкасовъ» въ русской церкви, при императрице Екатерине II, даже раньше, при имп. Елизавете, которая, какъ ни любила украинцевъ (А. Разумовскій), все же подь напоромъ общественнаго мненія должна была издать особый указъ (1754 г.) о томъ, чтобы въ архіереи и архимандриты были представляемы не одни малороссы, – введенныя новшества въ церковной практикѣ укрепились. И верующимъ, и многимъ владыкамъ изъ великороссовъ нравились и более благолепная и торжественная обстановка богослуженія, и более внятное чтеніе и произношеніе, и искусныя проповеди, и умилительныя церковныя чины (напр. «пассіи», «погребеніе Богоматери»), и задушевные кіевскіе распевы, и «партесное пеніе».

Странно поэтому было бы отъ всего этого отрекаться нынешнему украинскому духовенству (поистинѣ – «своя своихъ не познаша»), какъ несомненно, не было бы теперь никакого смысла и великорусскому духовенству возвращаться къ прежней московской «выимове», отъ которой все и въ самой Москвѣ отвыкли, или верующимъ великороссамъ не ходить на пассіи, только потому, что оне происхожденія малорусскаго.

Да и въ самомъ деле! Разве есть что-нибудь унижительнаго или вреднаго въ заимствованіи культурныхъ плодовъ одной націи отъ другой. Напротивъ, чемъ нація культурнее и чемъ она богаче духовно, темъ смелее и свободнее она заимствуетъ отъ другихъ, ничуть не боясь отъ этого что либо потерять, но еще обогащаясь духовно. Великорусскій народъ многое перенялъ, принялъ какъ свое и намъ родное отъ украинской и белорусской и даже польской народности и отъ этого не только ничего не потерялъ въ своей національ-

ной фізіономі, но многое прибрель. Потеряль ли что-либо Ломоносовъ оттого, что учился по грамматике Смотрицкаго или великорусское богослуженіе, что приняло кievскіе рас-
пeвы? Это въ политической войне – «горе победеннымъ». Но въ религіозно-культурной жизни..., – тамъ по Евангелію, «и сеющій и жнущій (и тотъ кто даль, и тотъ кто взялъ, позаимствовалъ), – вместе будутъ радоваться» (Іоанн. 4, 36), и мы призываемъ всехъ славянъ не отрекаться отъ своей величайшей культурной ценности, именно, чтобы иметь возможность «вместе радоваться» у алтаря Христова!

Вотъ почему даже полякамъ, принимающимъ православіе, мы, хотя и не желали бы стеснять ихъ свободу, но все же во имя чисто культурной пользы, посоветовали бы не вводить богослуженіе на языке польскомъ, а оставаться при церковнославянскомъ, на которомъ слышали первое евангеліское благовестіе ихъ предки. Исторически совершившееся удаленіе поляковъ отъ первоначальныхъ основъ ихъ культуры и принятіе въ столь древнее время культуры латино-немецкой, какъ мы видели, очень вредно отозвалось на ихъ языке и творчестве. Оно вытравило изъ жизни народа почти всю несомненно когда то богатую народную словесность (осталась лишь «Богородица»), и ввела множество неславянскихъ словъ въ польскій языкъ, засоряющихъ его и уменьшающихъ его славянскій колоритъ. Не даромъ намъ пришлось слышать отъ некоторыхъ польскихъ профессоровъ о существующемъ стремленіи ввести въ курсъ польскихъ гимназій преподаваніе старо-славянскаго языка. Эго показываетъ, что есть тяготеніе и у поляковъ къ роднымъ основамъ культуры. Что же сказать объ украинцахъ и белорусахъ?

Ведь когда-то церковно-славянскій языкъ былъ общимъ литературнымъ языкомъ для всехъ славяно-русскихъ народностей, и даже для всехъ славянъ (не исключая въ более древнія времена и поляковъ). Имъ пользовались не только Антоній и Феодосій Печерскіе, не только кievскіе митрополиты (Иларіонъ) и князья, но и святители новгородскіе и

княжны полоцкія (Евфросинія), и виленскіе мученики, и святитель Кирилль Туровскій, составлявшіе на немъ летописи, житія, сказанія, проповеди, творившіе дивныя церковныя песнопенія и гимны. Грозныя событія проносились надъ русскими и, вообще, славянскими землями; полчища печенеговъ, хозарь, половцевъ и татарь, меченосцевъ и крестоносцевъ, шведовъ и венгерцевъ и, наконецъ, своихъ «кудьяровъ» и «Соловьевъ разбойниковъ» разливались по нимъ. Но «Святая Русь» скрывалась въ пещеры, уходила въ дремучіе леса и на дно своихъ озеръ вместе съ своими «градами Китежами» и тамъ хранила свои святыни, и – прежде всего, – основу своей духовной культуры, ставшій для насъ священнымъ церковно-славянскій языкъ!

Шла и здесь въ Польше и глухая внутренняя, и открытая внешняя борьба между двумя формами христіанства – восточнымъ и западнымъ. И въ этой борьбе знаменемъ національной и религіозной принадлежности сталъ тотъ же церковно-славянскій языкъ. Столетіями отстаивали его здесь предки нынешнихъ украинцевъ и белоруссовъ безпримерными подвигами стойкости въ вере, а подчасъ и кровью и, въ конце концовъ, пронесли эту святыню чрезъ века... не для того ли, чтобы ихъ потомки оскорбляли ее своимъ кощунственнымъ отношеніемъ?

Мелетій Смотрицкій (ум. въ 1633 г.), создатель первой церковнославянской грамматики, инокъ Виленскаго Св. Духовскаго Монастыря, а потомъ архіепископъ Полоцкій, і наконецъ, настоятель Дерманьскаго монастыря на Волыни, измученный и сломленный въ конце жизни непосильной борьбой религіозной, но не изменившій знамени своей культуры – церковнославянскому языку, – онъ, писавшій свою грамматику и для севера, и для юга, и для православныхъ, и для униатовъ, не чувствовалъ ли онъ себя духовно на родине и тогда, когда жилъ ребенкомъ въ Остроге на Волыни, и когда после блестящаго образованія въ Вильне и за границей, учительствовалъ въ Виленской братской школе, и когда

архієпископствовать въ Полоцке, и когда участвовали на соборе въ Кіеве, и когда жилъ на покое, уже уніатомъ, въ Дермани? И вездѣ живою связью со всеми православными и со своимъ народомъ былъ для него тотъ же единый богослужебный языкъ.

Это религіозно-культурное значеніе церковнославянскаго языка отлично сознають и большинство украинцевъ, какъ православныхъ, такъ и уніатовъ и крепко держатся за это культурно-религіозное знамя. Въ этомъ уваженіи и преданности къ основамъ своей культуры и заключается, прежде всего, истинная культурность, какъ и наоборотъ, некультурность – въ неуваженіи къ нимъ.

Въ наше время распространенія антидуховныхъ и антихристіанскихъ стихій, окутывающихъ и опутывающихъ современный міръ, надо особенно ценить и особенно ревностно защищать свои культурныя ценности. Никто ихъ теперь не защититъ въ этой борьбѣ добра и зла, только одна Церковь. Но Церковь состоитъ изъ пастырей и пасомыхъ и, если «вечно повторяющаяся» исторія снова поставила православную іерархію въ Польшѣ въ положеніе безсильной въ борьбѣ за свои святыни, темъ съ большимъ рвеніемъ должна отстаивать ихъ другая половина церкви – міряне. Не объ организованномъ какомъ-либо «народовластіи» въ церкви мы говоримъ, и темъ менее о какомъ-либо «противленіи злу насиліемъ» но исключительно о приверженности и любви къ своимъ роднымъ святынямъ. Нужно намъ какъ-то духовно «опоясаться» передъ стихіями міра и спасти единый духовный оплотъ – Церковь.

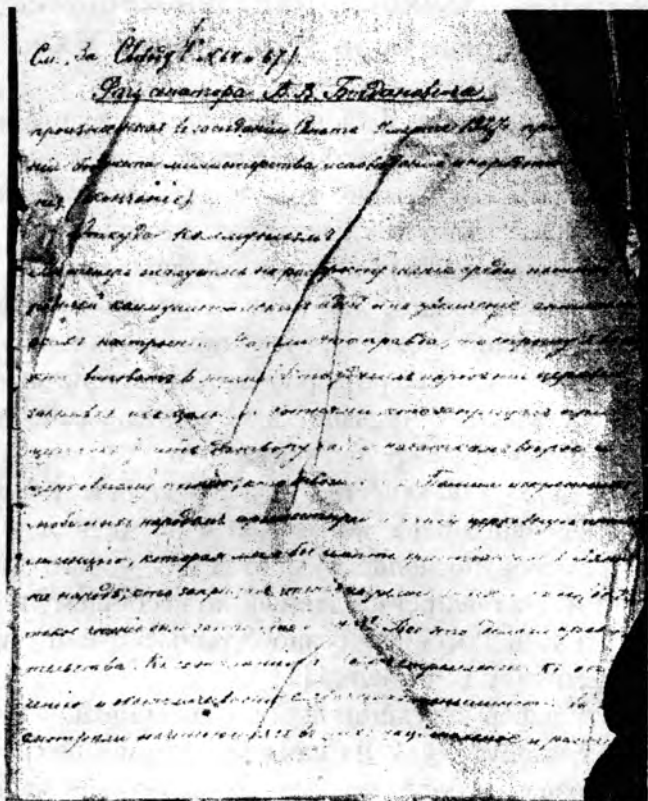
Въ этомъ и да помогутъ наши просветители, «словенскихъ странъ учителяе», святые братья Мефодій и Кирилль.

В.В. Богданович

В. Богданович (крайний слева) среди членов Белорусского посольского клуба А. Овсяника (внизу), М. Кохановича (справа), В. Рагули (вверху слева) и С. Яковюка (вверху справа)

Рукописный список сочинений В. Богдановича,
недавно найденный на Белостотчине Д. Фиоником

«Русское» и «польское» в западнобелорусской церковной среде первой половины XX в.

Культурологические и филологические исследования, и среди них прежде всего литературоведение, до сих пор в основном исключали применение количественных характеристик, а тем более усложненных квантитативных методов анализа. Всякий социальный процесс как явление стохастическое, невероятно сложное для проведения любых формалистических операций, исключал или почти исключал возможность более или менее развернутого пространственного моделирования. Манипулирование же с отдельными, своего рода дискретными, характеристиками или фактами, представленными даже и в качестве некоего количественного, числового, цифрового ряда, не меняли и не меняют общей картины. Примеров последнему множество, и быть может самый яркий и пока непревзойденный по всеобщему к нему вниманию у нас в России — разнообразные гуманитарные штудии академика А.Т. Фоменко [1].

Трудности в формализации данных источника, а тем более целого их корпуса, уже на начальном этапе делают невозможным создание более или менее устойчивой исследовательской модели, достаточной и адекватной при реализации конкретной, даже и весьма узкой задачи. Что же касается особо трудных задач панорамного плана или же необходимости отобразить нечто в определенном контексте, то здесь в игру вступает большое число дополнительных условий и обстоятельств, обладающих практически неуловимым набором различных свойств, что опять же ведет к невыполнимости необходимых аналитических построений.

Вместе с тем, в нашем реальном социальном бытии уже существуют необычайно ценные в данном отношении, правда, весьма редкостные и чаще труднодоступные источники не только обладающие *a priori* значительным числом необходимых аналитику свойств, но и своего рода имманентной аппаратной системой, в частности, разномерной системой координат, что позволяет с максимальной точностью построить ту или иную модель или же, в отдельных случаях, воспользоваться возможностью вести обзорный сопоставительный мониторинг определенного исследуемого объекта и давать ему при этом необходимые оценки во временной и контекстовой перспективе.

В данном случае мы говорим о таком уникальном источнике, каким являются приходские церковные летописи новейшего времени, представляющие собой особый литературный продукт, включающий комплекс весьма разнородных по жанрам и видам писаний авторского плана. Летописи эти только начинают изучаться [2], и потому каких-либо крупных обобщающих исследований не только этого значительного литературного массива в целом, создававшегося сотнями и даже тысячами авторов, но и отдельных памятников придется ждать еще очень долго. Собственно, сам поиск, нахождение, введение в научный оборот множества этих летописей представляет большую трудность [3]. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Русской Православной церкви, заложенными в XIX в.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920-е–1930-е гг., оказалась Польша. II Речь Посполитая с ее Православной церковью, почти 5 миллионами православных, традициями и культурой Русской Православной церкви, кото-

рые были переняты от Церкви-Матери, стала уникальным местом, где традиции эти и культура не только сохранялись, но и отчасти развивались, примером чему служит и приходское (парафиальное) церковное летописание.

В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостокско-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной церкви до сих пор берегаются местные церковные летописи, составлявшиеся священниками во второй половине XIX и XX вв. Начало этой работе было положено в 1860-е – 1870-е гг., когда по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода ведение погодных летописей вменялось в обязанность настоятелю каждой приходской церкви по всем епархиям. Впервые в Литовско-Виленской епархии решение о ведении церковных летописей оглашено в 1867 г., когда ею управлял известный митрополит Иосиф (Семашко). Помимо соответствующих письменных указаний, доведенных до сведения всех приходских священников, решение о ведении церковных летописей было опубликовано в «Литовских епархиальных ведомостях» (1867. № 2). В дальнейшем внимание к этому вопросу со стороны руководства епархией все время возрастало. Был подготовлен даже целый ряд специальных инструкций, касающихся церковного летописания. Первой из них стали правила [4], разработанные при митрополите Макарии (Булгакове), известном церковном историке, который тогда управлял Литовско-Виленской епархией. Очень подробной была и тщательно составленная записка «Об описании церквей и приходов Литовской епархии», появившаяся в 1886 г. и утвержденная Литовской духовной консисторией [5]. Вместе с тем, дело с возрождением церковного летописания не везде шло успешно, в некоторых приходах летописи не велись вовсе, что заставляло отцов благочинных и консисторию постоянно напоминать приходским священникам об их новой обязанности [6].

Впрочем, было и немало удивительных исключений, когда ведение погодных летописей превращалось в настоящую исследовательскую работу, плоды которой стали особенно ценны уже в наши дни. Пример тому «Церковно-историческое и статистическое описание Чарнянской церкви и ее прихода», сделанное священником Алексеем Волковским в начале 90-х гг. XIX в. Этот «документ был найден в январе 1992 г. во время подготовительных работ по упорядочиванию приходского архива в Чарней Церковной, проводившихся Дорофеем Фиоником» [7]. Находка оказалась столь значительной для местной истории, что почти сразу же Д. Фионик и С. Иванюк приступили к ее публикации на языке оригинала (русском) и в переводе на польский. Этот перевод вместе с публикаторами осуществила известная белорусская поэтесса с Белостотчины Надежда Артымович.

Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в новейшее время в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, обладал хорошим архивом, иногда с документами двух или даже трехсотлетней давности, неплохой библиотекой. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, а история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах и своей эпохе в целом.

Существовали и своего рода апологеты церковного летописания. К таковым мы бы отнесли протоиерея Ксенофонта Милькова, оставившего нам интереснейшее повествование – «Нечто новое о ведении церковных летописей» [8]. «Материала для записей в церк. летопись, – сообщал о. Ксенофонт, – имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное – это, чтобы отцы настоятели приходов имели охоту вести церк. летопись не за страх, а за совесть, не отступая от

Указов Консистории и не ожидая деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать о всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже – о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, – об урожае, от которого, ведь, зависит жертвенность прихожан и т. п.... Летописец должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, – сейчас его и вписывать в церк. летопись. Откладывать же дело записи надолго, это значит: никогда не записать ее. Интересно всегда то, что записано “по свежему”, а “отклад – не идет в лад”, как говорит народная пословица».

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на три группы. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда годов. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова в основном церковная летопись из Беловежи, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще в предвоенные годы, то есть до начала I мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, который получил название «беженства», когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти долгое время (годами) не получали гражданских прав.

Очень резко многие церковные летописи проводят границу нового, военного времени: «Началась Польско-Немецкая война во второй половине с.г. и в начале сентября в нашу местность, – сообщает Кожанская летопись, – вступили

немецкие войска, а после них Советские... Епископ Гродненский и Новоградский Савва пред приходом Советской власти уехал за границу, а потому Архиерейский дом, как пугающий, в Гродне, был занят Советской властью. Епископы Тимофей и Матвей, из военных священников Польской армии, были хиротонисованы во Епископов и тоже, при приходе Советской власти, уехали за границу... Митрополит Дионисий, пред приходом Советской власти, тоже уехал за границу».

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся, как правило, к 1950-м гг. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего находившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них, как правило, включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церков-

ные хроники и описания, настоящие энциклопедии, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает и в роли историка, и этнографа, и талантливой бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают особого, отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит и «Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по данным архива Рыболовской церкви» в двух книгах, составившееся в межвоенные, военные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в священнической семье «в селе Малая Плотница бывшего Пинского уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года», а также частично его сыном Виктором Круковским.

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его «Описания», раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, внутреннюю духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

«Труд этот посвящаю моим предшественникам – настоятелям Рыболовского Прихода, – нашедшим у стен Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечного покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости вносили туда с собою и житейские думы, житейские чувства, переживания и настроения.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами

пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский».

Восьмисотстраничное «Описание» о Николае содержит обширную вступительную историческую часть; биографии более 20 о.о. благочинных; исторические справки почти о 40 архиереях, начиная со знаменитого униатского митрополита Льва Кишки и кончая современными летописцу Владыками; подробные сведения о «составе прихода и его численности»; многостраничный рассказ об основной приходской церкви в селе Рыболах и нескольких приписных церквях и часовнях, находящихся в Рыболовском приходе, древних и современных кладбищах. Особое место в «Описании» отведено рассмотрению церковной утвари и убранству церковей и часовен, а также обетным, придорожным и иным крестам и памятникам. Таково в основном содержание первой книги «Описания».

Вторая книга открывается разделом «Источники содержания Причта», в котором повествуется о «вознаграждениях за требоисправления», «земельных угодьях», «движимом и недвижимом имуществе по завещанию», основных капиталах, «пособиях от казны», «вознаграждении за преподавание Закона Божия в школах». Сто страниц текста книги отдано тщательно выписанным биографиям местных настоятелей и викарных, почти столько же – биографиям приходских «dzia-ków», дьяконов, дьячков, псаломщиков, церковных сторожей, пономарей. Значителен в «Описании» раздел «Народное образование в приходе», посвященный шести местным школам – в Рыболах, Павлах, Войшках, Канюках, Плёсках, Заячках. Раздел «Церковно-приходские организации» посвящен рассмотрению деятельности здешних «церковного Братства» и «приходского попечительства», истории образования православных церковных хоров.

Историю письменной культуры здешнего края иллюстрируют документы церковного архива Рыболовского прихода,

обзору которых посвящен специальный раздел, являющийся своего рода литературно-аналитическим срезом того «русского» и «польского», что неотъемлемо присутствовало в белорусской церковной и приходской среде Подляшья к моменту завершения о. Николаем в 1950-е гг. его записей [9]. Судить об этом без особого труда сможет всякий, кто прочтет данный раздел записок о. Николая Круковского [10]. Белорус, связавший свою жизнь с польско-восточнославянским пограничьем, человек пограничья, родившийся в Российской империи и получивший русское православное духовное образование, священнослужитель вначале Русской Православной Церкви, а затем Православной Церкви Польши, о. Николай так же как и все его прихожане на Подляшье, оставаясь белорусом, сохранял в своей душе, сердце и умениях до момента кончины немало «русского».

1. Пожалуй, самые интересные разборы и рецензии на различные работы А.Т. Фоменко и его сподвижников принадлежат исследователям, сочетающим специальную подготовку в области точных и гуманитарных наук, обладающим профессиональными знаниями и умениями ведения клиометрического анализа с использованием новейших информационных технологий. См.: <http://www.hist.msu.ru/Science/DISKUS/index.html>; <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko.htm>.

2. См., напр.: Лабынцев Ю., Щавинская Л. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001. С. 113–139.

3. См., напр.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Экспедиция на пограничье Запада и Востока Европы // Вестник РГНФ. 2001. №1. С. 180–189.

4. Литовские епархиальные ведомости. 1879. № 52. С. 423–425.

5. Литовские епархиальные ведомости. 1886. № 37. С. 336–345.

6. Литовские епархиальные ведомости. 1880. № 2. С. 9.

7. Wolkowski A. Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej / Wstęp i przypisy D. Fionik, S. Iwaniuk. Czarna Cerkiewna; Bielsk Podlaski, 1994. С.6.

8. Мильков, Ксенофонт, протоиерей. Нечто новое о ведении церковных летописей // Воскресное чтение. 1938. № 18–19. С. 211–212.

9. Уроженец Белорусского Полесья о. Николай Круковский скончался 29 марта 1968 г. в городке Бельске Подляшском, где и был похоронен.

В 1953 г. первые главы своего «Описания» о. Николай Круковский направил для печати в создававшийся журнал «Церковный вестник» (Варшава, 1954–), однако материал этот напечатан не был.

10. В качестве приложения к статье мы полностью публикуем текст этого раздела (главы) «Описания» о. Николая Круковского, с сохранением языковых особенностей оригинала.

* *
*

«В Архиве Рыболовской Церкви сохранились следующие документы:

1. Wizyty Generalne i Dziekańskie – документы, составившиеся при ревизии приходов особыми уполномоченными от епархиальной власти или Благочинными и Inwentarze – т.е. подробные описи церкви и всего церковного имущества при передаче прихода новому настоятелю.

Обнимают они период времени от 1751 по 1822 годы.

а) Wizyta Generalna z dnia 13 grudnia 1751 г. Визитатор «Wielmożny w Bogu Najprzewielebniejszy Xiędz Antonin Młodowski, zakonu S. Bazylego, Opat Połocki, Officyel Generalny Metropolity Całej Rusi». На Визите сургучная печать Визитатора, а под ней подпись «Jakób Metecki, Wizyty Pisarz».

б) Wizyta Generalna от 16 stycznia V.S. 1755. Визитатор E. Wiesielini Bielkiewicz.

в) Testament Xiędza Stefana Hrymaniewskiego Jaruty от 7 Xbra (декабря) 1755 г.

г) Inwentarz Cerkwi, Plebanii, Gruntów, Naczynia от 1757 г. m-ca 8 bra /октября/ 10 dnia ju vet, т. е. по старому стилю. Inwentarz составлял тот же E. Wiesielini Bielkiewicz Dziekan Grodzieński P.Skidl.

По сему Инвентарю Приход передан кс. Антонию Ковалевскому.

д) Wyzyta generalna от 1763 i 1764 г. Wyzytator E. Wiesielini Bielkiewicz.

е) Wizyta Generalna от 1722 г. Визитатор «Xiędz Michał Poddepto Koadjutor cerkwi Dubne Dziekanatu Podlaskiego Wyzytator».

ж) Wizyty Dziekańskie от 24 9 bra 1773 г. 17 januar. 1776 г., 27 Februar. 1779 г., 21 marca 1780 г. J.V.; 17 Feb. 1782 г; 3 X bra Juxsta Vetus (старого стиля). Визитатор «X.B. Gutturski – Dziekan Podlaski Pleban Golniewski».

з) Акт от 23 januar. 1781 г. /Juksta Vetus Kalend./ Передача Приходу «V.K. Symonowi Holeniewiczowi, administratorowi Rybołowskiej Cerkwi przez Dziekana X.B. Gutturskiego – Dziekana Podlaskiego».

и) Inwentarz от 15 хебр. 1784 г. – передача Рыболовской Церкви «W. Xiędzu Michałowi Zołcewiczowi aktualnemu Parochowi tey ze cerkwi». Inwentarze подписал «X. Bazilius Góttórski Dziekanus Podlachice».

і) Wyzyta Generalna от 26 7bra 1784 г. Визитатор «Tomasz Woszczełowicz, dziekan Grodzienski».

к) Wizyty Dziekańskie от 30 marca 1785 г., от 12 Feb. 1786 г. и от 22 grudnia 1788 г. Визитатор Dziekan Bazyli Guttórski.

л) Inwentarz от 11 Junij w.s.k. 1791 г. Передача прихода W.X. Józefowi Krassowskiemu. Передавал X.B. Gutturski Dziekan Podlaski Pleban Holniewski.

- м) Wizyta Dziekańska от 11 февр. 1791 г. Визитатор тот же.
- н) Wizyta Generalna от 26 marca 1793 г. Wизитатор Jan Dylewski.
- о) Wизyta Dziekańska от 5 7bra 1795 /Juxta Vetus Calend./ «Wизитатор Xiędz Bazyli Guttórski Dziekan Podlaski P. Gólniewski».
- п) Wизyta Dziekańska от 12 lutego 1801 г. Wизитатор J. Krassowski Dziekan et Pleban Białostocki.
- р) Wизyta Dziekańska от 26 Juni 1804 г. Wизитатор X.J. Krassowski Dziekan i Pleban Białostocki.
- с) Wизyta Generalna от 4 Listopada 1804 г. Gener. Wизитатор X. Leon Krassowski Ks. Bazyli Markiewicz – Pisarz.
- т) Wизyta Dziekańska от 11 Listopada 1806г. Wизитатор X. Jan Krassowski Dziekan i Pleban Białostocki.
- у) Wизyta Dziekańska от 3 grudnia 1808 г. Wизитатор тот-же.
- ф) Wизyta Dziekańska от 10 grudnia 1809 г. Визитатор тот-же.
- х) Inwentarz от 17 марта 1811 г. Приход передается новому настоятелю Михаилу Крассовскому, передачу производил «Kanonik Brzeski, Dziekan Białystocki X. Jan Krassowski».
- ц) Wизyta Dziekańska от 4 ноября 1814 г. Wизитатор тот-же.
- ч) Wизyta Generalna от 20 7bra 1818 г. Wизитатор «Kanonik Brzeski, Dziekan Bielski Ks. Bazyli Markiewicz. Za sekretarzą Wизyty Generalnej X. Jan Bazylewski».
- ш) Inwentarz от 21 Novembra 1822 г. Передача прихода о. Льву Маркевичу по смерти X-dza Михаила Крассовскаго. Передачу производили «X. Jan Krassowski, Kanonik Brzeski, Dziekan Białystocki».

2. Клировые Ведомости.

Преемниками Wизyt по содержанию могут считаться Клировые Ведомости. В них найдем в сокращенном виде все те сведения, какія заключаются в Wизytach, но зато более полныя сведения о членах клира.

В церковном архиве сохранились Клиров. Ведомости за следующие годы: 1843, 1847–1858, 1860–1865, 1867–1877, 1879, 1880, 1882–1889, 1891–1908, 1910, 1911, 1921, 1922, 1924–1926, 1928–1936, 1938, 1939, 1941–1949.

3. Приходские посемейные списки.

Приходские посемейные списки заведены, повидимому, с 1827 года. В начале первого приходского списка, обнимающего период с 1827 по 1832 г. имеется следующая надпись: «Inwentarz Ludności parafialnej Cerkwi Rzymsko-Unitkiej Rybołowskiej w Obwodzie i Dziekanacie Białostockim, powiecie Bielskim, amcie Ekonomicznym Skarbowym Stołowskim położony przez Dziekana Białostockiego, Duchownego Deputata, Parocha tej Cerkwi Rybołowskiej, Rządu Rajskiego P.J.X. Leona Markiewicza Miesiąca Februaria 1827 r. sporządzony».

Список написан на польском языке.

На польском же языке написаны и следующие приходские списки за период настоятельства в Рыболах о. Льва Маркевича:

2-я книга Приходского списка за 1833–1837 гг.

3-я книга Приходского списка за 1838–1852 гг.

4-я – за 1850–1859 гг.

Имена прихожан во всех вышеупомянутых книгах даже и после упразднения унии написаны в польском произношении.

Далее в Приходском Списке наступает шестилетний перерыв /Или списка вовсе не было, или книга затерялась/. Следующий за перерывом Приходской список, составленный при священнике Григорие Кудрицком написан уже на русском языке.

5-я книга – Приходской список за 1865–1879 г.

После длительного перерыва составлена при о. Іуліане Михаловском 6-я книга. Приходской список за 1891–1896 г.

для Рыбол, Плесок и Павлов и 80-я книга – Приходской список для Войшек и Канюк за 1896–1914 г.г.

Далее период войны и бегства прихожан вглубь России. Следующий Приходской Список – 9-я книга за 1920 г. Список этот не мог быть полным, так как период возвращения прихожан на родину продолжался от 1918 по 1922 г. включительно.

В 1922 г. реэвакуация прихожан закончилась, но приходской список был составлен лишь в 1929 г. в январе месяце при обходе домов прихожан с иорданской водой. Это была 10 книга приходского Списка за 1929–1932 гг. В то время не все еще прихожане жили на своих постоянных местах, а потому список этот отличается от прочих безсистематичностью.

Возраст прихожан в этой книге обозначен по их собственным показаніям (к двадцатым числам января 1929 г.)

В последствии в этот приходской список были внесены даты рождения прихожан из довоенных приходских списков или из послевоенных метрических книг, начиная с 1918 г. Из указанных метрических книг не были выписаны даты рождения лишь за некоторые годы Войшкам и Плёскам.

Начиная же с 1929 г. каждая дата рождения, брака или смерти исправно вносится в приходской список. В нем же делаются ежегодные отметки о бытии прихожан у исповеди.

11-я книга – Приходской список за 1933–1942 гг.

12-я книга – Приходской список за 1943–1950 гг. крестьян с Рыбол, дер. Войшек и Плесок.

13-я книга – Приходской список за 1943–1950 гг. крестьян дер. Канюки и Павлы.

4. Исповедные Ведомости.

До войны 1914–18 гг. по приходам ежегодно пред великопостной исповедью составлялась Исповедная Ведомость в двух экземплярах. Один представлялся в консисторию, другой после посвидетельствования благочинным оставался в цер-

ковном архиве. В Исповедную Ведомость вписывались все прихожане во главе с клиром.

Всем прихожанам, бывшим у великопостной Исповеди ставились о сем отметки. Против имен, не бывших у исповеди, полагалось делать объяснения, почему не был – по нерадению или упорству.

Представления этих ведомостей требовалось ежегодно, и перерывов в ведении их не было. Если за некоторые годы исповедных ведомостей в архиве нет, то это значит, что недостающие ведомости почему либо не сохранились или не были возвращены благочинным в церковный архив.

В Рыболовском Церковном архиве имеется несколько книг Исповедных ведомостей:

1-я книга – за 1857–1868г.; 2 – 1869–1872; 3 – 1873–1876 гг.; 4 – 1877–1880; 5 – 1882–1891; 6 – 1892–1897; 7 – 1898; 8 – 1899; 9 – 1902; 10 – 1903; 11 – 1904; 12 – 1905; 13 – 1906; 14 – 1907; 15 – 1908; 16 – 1910; 17 – 1911; 18 – 1936 г. – единственный экземпляр Исповедной Ведомости после войны 1914–18 гг., написанный по особому указу Духовной Консистории.

5. Брачные обыски.

В Польше название этих документов: *Badania Przedślubne*, а в последствии – *Dochodzenia Przedślubne*.

Брачные обыски – это, как увидим из последующаго, наилучше сохранившийся отдел Церковнаго архива. Естественный перерыв в ведении этой книги с 1914 по 1922 г. наступил лишь вследствие трехлетнего отсутствия в приходе настоятеля и послевоенной неналаженности церковной письменности /с 1918 по 1921 г. включительно Брачный Обыск писался в сокращенном виде в одной книге с метрическими записями о браках, перед каждой метрической записью. Книги эти за упомянутые годы, как имеющие значение метрических в 1940 г. были взяты советскими властями в ЗАГС /

записи Актов Гражданскаго Состоянія/ и сгорели в Заблудове в 1941 г. в первые дни войны/.

Сохраненію брачных Обысков способствовало: во 1-х то, что книга эта всегда необходима в церковной канцеляріи на случай браков, а потому не оставляется настоятелями у Благочиннаго при годовой отчетности, а по засвидетельствованіи Благочиннаго забирается обратно.

Во 2-х книга эта имеет полуофициальное, во всяком случае второстепенное значение, а вследствие этого при эвакуации в 1915 г. настоятель не считал нужным брать с собою тяжелый груз в виде нескольких книг Брачного Обыска, и книги эти всю войну 1914—18 гг. спокойно пролежали в церковном шкафу.

В 3-х не посягали на сію книгу ни Советскія ни Польскія Гражданскія Власти при изыятіи из Церковных архивов мѣстрических книг в ЗАГС-ы и do Urzędu Stanu Cywilnego.

В архиве сохранился Брачный Обыск начиная с 1843 г. Первая книга начата 24 января 1843 г. и закончена 9 ноября 1847 г.; 2-я книга начата 1 февраля 1848 г. и закончена 7 ноября 1848 г.; 3-я книга с 30 января 1849 г. по 12 ноября 1850 г.; 4-я — с 28 января 1851 г. по 25 октября 1859 г. 5-я — 25 октября по 23 января 1866 г. 6-я — с 17 апреля 1866 г. по 10 ноября 1874 г. 7-я с 12 января 1875 г. по 25 июля 1882 г. 8-я с — по 14 февраля 1888 г.; 9-я — с 14 февраля 1888 г. по 1 октября 1895 г.; 10-я с 22 октября 1895 г. по 20 янв. 1902 г. 11-я с 20 января 1902 г. по 27 января 1908.; 12-я — с 3 февр. 1908 г. по 19 января 1914 г. 13 января 1914 г. была, конечно, начата следующая 13-я книга, и во время эвакуации в августе 1915 г., она, как незаполненная была взята настоятелем с собою и не возвращена после войны.

14-я — с 9 января 1922 г. по 13 ноября 1922 г., 15-я — с 8 января 1923 г. по 23 ноября новаго стиля 1924 г.; 16-я — с 21 января 1925 по 7 іюня 1927; 17-я — с 13 іюня 1927 г. по 9 іюня 1930 г.; 18-я с 9 іюня 1930 г. по 7 февраля 1937 г.; 19-я — 15 февраля 1937 г. по 15 февраля 1948 г.; 20-я — с 22 фев-

раля 1948 г. 20-я – с 22 февраля 1948 по 6 июня 1948 г.; 21-я с 6 июня 1948 по –.

6. Предбрачные свидетельства.

К брачным обыскам сохранились и предбрачные свидетельства за следующие годы: 1872–1911 и 1922–1950.

7. Метрические книги.

Отдел метрических книг является наиболее разгромленным из всех отделов архива Рыболовской церкви.

В то время, как другие документы церковного архива велись лишь в известные периоды рассматриваемых нами последних 200 лет, например *Wizyty* обнимают период с 1751 по 1822 г. Клеровые Ведомости с 1843 до наших дней, Метрические книги велись не только в течение последних 200 лет, но и до этого.

В Генеральной Визите за 1751 г. относительно метрических книг имеется замечание визитатора: «*Metryki Nowe, bo stare zgorzały*». Из заметки о Метрических книгах в Клеровых Ведомостях за 1847 год видно, что Метрические книги сохранились с 1741 г. Метрические книги с 1741 по 1843 год в подлиннике, а с 1843 года в копиях хранятся в целости.

В настоящее время на каждый год ведется отдельная метрическая книга. Так повидимому повелось с 1843 г., с какого оригинальные метрические книги стали представляться в консисторию.

Как увидим ниже в первые 70 лет описываемого нами периода в одной книге делались метрические записи за несколько лет. Несмотря на это в церковном архиве с 1741 г. до сего времени должно было бы накопиться много более сотни экземпляров метрических книг, а имеется ... лишь до десятка, а именно:

1. Метрическая книга для записи умерших за 1751–1757 гг. и в ней же метрические записи браков и рождений за 1751–1766 года.

2. Метрическая книга Рыболовской Церкви о родившихся за 1767–1786 гг.

3. Метрическая книга Рыболовской Церкви о бракосочетавшихся за 1782–1798 гг.

4. Метрическая книга Рыболовской Церкви о родившихся за 1786–1796 гг.

5. Метрическая книга Рыболовской Церкви о бракосочетавшихся за 1794–1826 гг.

6. Метрическая книга Рыболовской Церкви о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1946 г.

7. Такая же книга за 1947 г.

8. Такая же книга за 1948 г.

9. Такая же книга за 1949 г.

Итак вместо ста с лишним экземпляров долженствующих быть в церковном архиве за последние 200 лет, имеется 9 книг. Полный разгром.

Проследим судьбу метрических книг Рыболовской Церкви.

В клировой ведомости за 1847 г. говорится, что в архиве хранятся метрические книги с 1741 г. Между тем из вышеприведенного перечня метрических книг видим, что самая ранняя метрическая запись относится лишь к 1751 г. Где же книги с 1741 по 1751 г.? Допуская, что они истлели, и в разное время при очередной очистке архивного шкафа были выброшены, как хлам, разводящий в шкафу сор и плесень.

Не известна также и судьба метрических книг о умерших с 1757 г. по 1782 г. и с 1818 по 1826 г.

О судьбе же всех остальных метрических книг, отсутствующих в церковном архиве, имеются при делах церкви документальные данные.

Привожу в копии Акт, по которому часть метрических книг, была изъята из церковного архива Заблудовским Районным Бюро Записи Актов Гражданского Состояния:

«Акт. Составили настоящий акт 11-го Апреля 1940 года в дер. Рыболы Заблудовского Раена по изъятию регистрационных книг както регистрация шлюбов, рождения и смертей.

В присутствии Зав. Райбюрозагса Бровко Д.А. члена с/сов. Рыболовского председателя Димитрук секретар с/сов. Иванюк и священника Круковского ниже следующие года:

№ 1. Рождения 1827 г. по 1834 г. № 2. 1814 по 1826; № 3. 1798 по 1814; № 3. Смертей с 1798 г. по 1817. № 4. Смертей 1827 по 1828. и шлюбов 1829 до 30, 31–34. Шлюбные 1827, 28. Смертей 1829–30–31–32–33–34; № 5. Шлюбов, рождения и смертей с 1835 по 1843.

№ 6. Шлюбов, рождений и смертей с 1843 г. по 1844. № 7. Шлюбов, рождений и смертей с 1845 по 1849 г. № 8. Шлюбов, рождений и смертей с 1850; № 9. Шлюбы рождения и смерти – с 1851 по 1855–1856 г. № 10. Шлюбов, рождений и смертей с 1857 по 1858 г. № 11. Трех записей с 1918 с ноября мц. по 1919 г. № 12 – за 1920. № 13 – по 3 части с 1921–1922 г. № 14. 1923. № 15 – 1924 г. № 16 – 1925. 3 записи. № 17. – 1926 г. № 18 – 1927 г. № 19 – за 1928 г. № 20 – 1929 г. № 21 – 1930 г. № 22 – 1931 г. № 23 – 1932 г. № 24 – 1933 г. № 25 – 1934; № 26 – 1935; № 27 – 1936; № 28 – 1937. № 29 – 1938 г. № 30 – 1939–40 г. Все книги перечисленные имеют 3 записи. Зданы: Круглая печать одна.

Принял Зав. Райбюрозагс Заблудов – /Бровко/.

Здал священник Круковский (–) Свящ. Н. Круковский.

Присутствовали (–) Г. Иванюк (–) Димитрук

11 / IV / 1940 г.»

Изъяты из архива Рыболовской Церкви 11 апреля 1940 г. вышеперечисленные метрические книги Заблудовским Районным Бюро Записи Актов Гражданского состояния /ЗАГС/ помещены были в Заблудове в доме одного еврея. 23 июня 1941 г. на второй день немецко-советской войны произошел воздушный налет немецких самолетов на Заблудов. С самолетов были сброшены бомбы, от которых сгорело несколько домов, в том числе и дом, в котором находились метрические книги /в квартале между церковью и костелом/. Все книги погибли в огне. Лишь органисту Заблудовского костела уда-

лось спасти несколько книг Заблудовского католического и православного приходов.

Познакомимся с судьбой другой группы метрических книг.

В Клировых Ведомостях за 1921 год сказано: «Метрические книги прежних лет вывезены в Россию».

При эвакуации в августе 1915 г. Настоятелем прихода были эвакуированы и метрические книги за 1859–1914 гг. /Возможно, впрочем, что вывезены не все вышеуказанные метрические книги, а часть их, как писал о. Шпаковский в 1925 г., была зарыта на усадьбе настоятеля между погребом и амбаром. И не была найдена или была найдена в таком виде, что не было смысла их сохранять/.

Эвакуированные книги, как видно из письма о. Андрея Шпаковского от 30 января 1925 г. были доведены им до г. Сынкава в 10 верстах от Слонима – и сданы в Сынковичскую церковь. После войны, с образованием Польского Государства, церковь эта была обращена в Костел. В 1928 г. я писал Слонимскому Благочинному, а по получению от него ответа ксендзу в Сынковичи, но ответа оттуда не получил.

С 1 го января 1946 г. при гминных и городских самоуправлениях учреждены «Urzędy Stanu Cywilnego» (Примечание: Находившіеся далее при приходских Церквах). Со дня их учреждения значение государственного акта имеют лишь метрические записи, сделанные в этих Urzędach.

Все сохранившіяся при Церквах метрические книги до 1946 г. сданы по распоряжению Властей (гражданских) в соответствующие Urzędy Stanu Cywilnego и оттуда граждане должны получать метрические выписи.

Метрические книги Рыболовской Церкви за 1939–1945 гг. сданы do Urzędu Stanu Cywilnego при Бельском Гминном Управлении 22 апреля 1949 г.

Книги сданы по протоколу, который хранится при делах церкви за 1949 г., а копия которого ниже приводится: «Protokół. Spisany dnia 22 wrzesnia 1949 r. w Kancelarii Zarządu

Gminnego w sprawie przyjęcia Ksiąg Urzędu Stanu Cywilnego z parafii prawosławnej w Rybołach. Zostały przyjęte następujące księgi:

1. Księga urodzeń rok 1939, aktów 78; 1940, aktów – 88, 1941 – aktów 79, 1942 – aktów 67; 1943 – aktów 49, 1944 – aktów 56, 1945 r. – aktów 45.

2. Księgi małżeństw rok 1939 – aktów 19; 1940 aktów 11; 1941r. aktów 12; 1942 aktów 21; 1943 aktów 20; 1944 aktów 8; 1945 aktów 8.

3. Księgi zgonów rok 1939 aktów 49; 1940 – aktów 56; 1941 – aktów 36; 1942 – aktów 66, 1943 – aktów 53; 1944 – aktów 12; 1945 aktów 39.

Na tym protokół zakończono, odczytano i podpisano. Za Urzędnika Stanu Cywilnego (–) Wrublewski.

Proboszcz parafii w Rybołach (–) ks. M. Krukowski. Печать: Urzędu Stanu Cywilnego Bielsk Podl.»

При церквах и после 1-го января 1946 г. продолжают вестись метрическія книги, но они лишены значенія государственных актов, а имеют лишь внутри-приходское или вообще внутри-церковное значение. К таким книгам относятся имеющіеся в церковном архиве упомянутыя в ранее приведенном списке метрическія книги за 1946–1949 г. в четырех книгах.

Что касается сохранившихся в архиве метрических книг за 1-е семидесятилетіе последних 200 лет, то оне в настоящее время, вследствие своей древности, лишены, конечно, всякаго практическаго значенія, но представляют не малый интерес в историческом отношеніи. Возьмем к примеру вопрос о кладбищах в тех деревнях прихода, где их теперь нет – в Канюках и Войшках. В Канюках сохранились лишь смутныя преданія о существованіи деревенскаго кладбища; в Войшках эти преданія более свежи.

Если мы просмотрим метрическія книги о умерших за 2-ю половину 18 века, то легко найдем подтвержденія этим преданіям. Вот, например, метрическія записи «1790 R d. 4 apr

Róman Lukjaniuk mający kwartałów trzy w domu swoim umarł pochowany na mogiłkach Kaniuckich przez Dziaka z Kaniuk».

В том же году «23 Junij Krystyna Iliaszowna mająca lat 5 w domu swoim umarła której ciało pochowane na mogiłkach Woyszkowskich – z Woyszek».

Возвратимся еще к вопросу о существовании кладбища в урочище «Церковиско» в Рыболах.

Вопрос этот несмотря на выпаваемыя изредка человеческия кости мог бы быть спорным, если бы не было прямого указанія на существованіе этого кладбища в метрической записи. Вот эта запись:

«Z Krynic 1 Julji 1752 Anorum 20 Andrzej Jabłonski z Krynic Młodzian utonął w Chrabołach na rzece chrabołowskiej siano susząc na (не разборчиво) Parobek Leon Kaliszuka z Ryboł iest pogrzebiony w Rybołach na starym cmentarzu pod rzeką narwę».

Нас конечно, не может не интересоватъ и способ веденія метрических записей в те далекія времена. И в этом отношеніи старыя метрическія книги представляют большой интерес, ибо оне лишены той строгой формы и официально-сти, коими отличаются современныя нам метрическія книги.

При чтеніи некоторых старых метрических книг чувствуется, что в этом государственнаго значенія документе ведший их настоятель мог отражать свои индивидуальныя особенности, чем вносил некоторую теплоту в этот сухой документ, а иногда даже превращал его в хронику.

Чтобы не быть голословными раскроем первую же метрическую книгу о умерших за 1751–1757 гг.

О. Стефан Гриманевский, настоятельствовавший в Рыболах с 1727 г. по 1757 г. был, повидимому, в душе летописец и старался увековечить довольно оригинальным способом то, что ему казалось заслуживающим вниманія.

Из вышеназванной метрической книги увидим, что о. Стефан не стеснялся прерывать официальный пакет записями, не имеющими никакого отношенія к Рыболовским

метрическим книгам и лишь для него одного имеющими значение.

В книге этой он делал записи о фактах, произошедших где-то и когда-то, о фактах вообще не имеющих отношения к метрическим книгам. Некоторые из этих заметок имели вид скорее семейной хроники чем метрических актов. Правда, метрические книги о умерших за 1751–57 и о родившихся за 1751–1766 гг. которые мы сейчас рассмотрим, являются единственным среди сохранившихся метрических книг по вольности обращения с ними.

Среди очень коротеньких и неполных метрических записей о смерти Рыболовских прихожан в метрической книге о умерших за 1751–57 г. в разных местах официального метрического текста попадаются следующие пространная записи:

«Roku 1753. d.2 Aprilis zmarł Psc X. Micał Lewkowicz Przebiter Krynski, Dziekan Grodzieński, Anorum 45 Tegoż Roku 1753 y dnia zmarł Psc X Franciszek Moscibrodzki Komunista P. Zabłudowsky Anorum 53».

«Malesze Roku, 1753 dnia 28 kwietnia zmarła Anastazia Szumikowska Przebiterowa Maleszewska. Moia rodzona Siostrzenica Anorum 27 X. S H.D.P.P. Ryboł. /Инициалы имеют означить: Książdz Stefan Hrumaniewski Dziekan Podlaski, Paroch Rybołowski/».

«Roku 1754 dnia 21 Februarji w Bielsku W.O. Jan Markiewicz P. cerkwi Bielskiej Soborney..

Dnia 23 Feruarji zmarła Hana Markiewiczzowa P. (Повидимому Presbiterowa) Soborna Anorum 40».

«Wieczne odpocznienie day jemu Panie Zmarł w Bogu Przewielebny Psc Xiędz Jan Jankowski Dziekan Wołkowiskj P. Połonski z Połonki Psiej Pana Młockiego w Powiecie Wołkowiskim d. 3 go kwietnia N.S. Roku 1755».

«Roku 1755 d.11 avgusta Zmarł Jsc Pan Andrzej Niemirka Łowczy Jasnie Wielmożnego Jci Pana Woiewody Krakowskiego H. Hetmana Koronnego Wielkiej Buławy. Pogrzebion w Bia-

łymstoku na cmentarzu Pod Kosściołem. Wielkiej Godności y Pobożności Człowiek któremu Niech Pan Bóg da Królestwo Niebieskie i Wieczne od Odpocznienie Amen. Anorum 44 w Kawalerskim stanie ten świat Pożegnał».

«Roku 1755 dnia 6 X bris n.s. (нового стиля) vir eruditus fuł W Bogu Przewielebny Jśc X. Michał Stackiewicz Poddziekan Grodziński Przebiter Hołyski w Hołynce Karpiowskiej w Powiecie Grodzieńskim zmarł Ktoremu Niech Pan Bog da Krulewsto Niebeskie człowiek był wielkiej Godności y pobożności. Anor. 40».

«Roku 1755. Zmarł w Bogu Wielebny Ociec Jan Bockiewicz, Przebiter Łopiennicki. Pisarz Dziekanatu Wołkowyskiego w Powiecie Wołkowiskim, Wieczne od Pocznienie Day mu Panie vir eruditus fuit».

В 1758 г. предчувствуя близкую кончину о. Стефан Гриманевский пожелал увековечить память своих родителей, возобновив метрическую книгу запись о их смерти /известно, что метрическія книги до 1741 г. сгорели/.

«Roku 1727 dnia 23 v.s. Aprilis zmarł w.o. Jakub Jaruta Hrymaniewski p. Rybołowski.

Roku 1748 dnia 21 augusti v.s. zmarła Nastazia Hrymaniewska z Sieckiewiczów P. Rybołowska.

Rodzicom moim Wieczne od Pocznienie day Im Panie. Pogrzebione są w cerkwi Rybołowskiej przed Wielkim Ołtarzem obok X. Stefan Hrymaniewski. Dziekan Podlaski P. Rybołowski».

Вышеприведенныя заметки по крайней мере по содержанию своему имеют некоторое отношение к метрической книге о умерших.

Но есть в метрической книге о родившихся за 1751–66 гг. такія заметки тогоже о. Гриманевского, которыя не имеют уже никакого отношения к метрическим книгам. Это заметки о захвате им православных церквей в Фольварках і Потоке.

Заметки эти помещены в биографіи о. Стефана Гриманевского и повторять их не будем.

Неуместность этих летописных заметок о Гриманевского в официальном документе позволяет предположить одно из двух: или о Гриманевский, как благочинный, позволял себе свободное обращение с официальным документом, или ведомья при церквах метрические книги не имели в те времена значения государственных актов, а велись лишь для внутри приходского употребления.

Во всех вышеприведенных заметках, имеющих характер хроник, видно стремление о Стефана столь оригинальным способом увековечить некоторые факты, казавшиеся лично ему почему либо значительными.

В официальных метрических записях, касающихся Рыбловских прихожан о Стефан был даже очень не многословен. Большинство метрических записей о смерти занимает буквально одну строчку, не включая в себе даже самых необходимых сведений. Напр. «Z Kaniuk 27 Xbris. Zmarł Paweł Karpuszek. Annorum 70» или «2 augusti zmarł Stefan Szoba z Kaniuk. Anorum 60».

Приведенные две записи являются типичными метрическими записями о смерти времен о Стефана. Как видим, по сравнению с нынешними метрическими записями в них недостает многого: порядкового Nr., дня погребения, гражданского состояния, причины смерти, пометки о напутствие Св. Тайнами, где погребен и кто совершал погребение.

В тоже время метрические записи о смерти лиц, занимающих видное положение в данной местности, делаются довольно пространно с упоминанием даже часа смерти: «Roku 1751 dnia 21 Januariusi o godzinie 6 po południu zmarła W Jśc Pani Beata z Sokolowskich Imi Voti Bolinske... Voti Jc Pani Rynata Kapitanowa Woysk Jego Królewskiej Msc Komisarzowa Jasnje W-go Pana Wojewody Krakowskiego Hetmana Koronnego Wielkiej (неразборчиво) Woytowa Rybołowska».

Немного пространнее, но тоже с недостаточной точностью, ведутся о Гриманевским и метрические записи о рождении: «Z Pawłów 20 lipca Ja X. Stefan H.D.P.P.R Ohrscielem

Córkę Imieniem Magdalena z Ojca Gabryela z Matki Hany Demianiuk. Kum Jan Kupryjaniuk Kuma Dominika Basyłowa Kapitaniukowa z Pawłów, wszystkie». Илї «1756 r. z Woyszków d.27 jannuarji ut novum Ja X. Stefan Hrymaniewski Jaruta Dziekan Podlaski Presbiter Rybołowski Oksciłem syna Imieniem Daniela zplodzonego z Rodzicow Utsciwych slubnych Michała y Matki Marjany Saczuka. Kum Jan Szumiluk Kuma Katarzyna Korycka z Woyszków wszystkie».

Как видим в этих записях нет даже даты рождения ребенка.

Метрическія записи о рождении внебрачных детей о Стефан записывает иногда наоборот, т. е. вверх ногами. И в содержание этих записей он вкладывает свое субъективное отношение к записываемому факту. Например, читаем: «Z Wojszków d. 20 avgusta 1751 r. Ja X. Stefan Hrymaniewski D.P.P.R. Ochrciłem córkę swywolnie sprodzoną Imieniem Rainę z nieutsciwey roboty Semenowej Ulacukowej która córkę powiła w niedziel 10 po szluby ale nie z tym swoim mężem, tylko z Innym swawolnikiem jakimśi Hultaiem. Kum Andrzej Rosczyk Kuma Napia córka Leona Ulacuka w Woyszków wszystkie».

Какая непринужденность языка в официальном документе. Тут и личное негодование и точность изложения факта.

Метрики о браке записываются так: «Z Pawłów 23 9br 1755 v.s. /o. Гриманевскій ведет иногда метрическія записи по новому стилю/ Ja X. S.H.D. Podlaski dalem szlub, utsciwemu Młodzinowi Hołubowskiemu Z utsciwo Pano Josio córka Teodora Krumczuka z Pawłów oboie. Assystenci Bazyli Kapitoniuk Juzef Hołubowski Stanisław Hołubowski».

К метрической книге об умерших о Гриманевским следована следующая надпись: «Metryka w Bogu zeszlých parafian z tego swiata cerkwi Rybołowskiej od Roku 1751».

В этой же книге имеется метрическая запись о смерти и самого о Стефана Hrymaniewskiego, помещенная уже в конце его биографіи.

О. Стефан Гриманевский вел метрические записи то по новому стилю, прибавляя в таких случаях «n.s.» то по старому, прибавляя «v.s.». В подавляющем же большинстве в его метрических записях стиль не обозначается.

При преемниках о. Стефана метрические книги ведутся по старому стилю. Например, в метриках часто встречаются такие надписи «Roku 1767. Dnia ... Junia Podług Starego Kalendarza» или «Roku 1793 Dzień 5. Julij Juxta Vetus Kalendarij».

В начале брачной метрики следующая надпись: «Metryka szlubów cerkwi Rybołowskiej zaczęta Roku 1767 dnia 20 Maia Podług starego Kalendarza».

Форма метрических записей почти та же что и при о. Гриманевском.

Некоторые из настоятелей ведут метрические записи довольно небрежно без подписей настоятеля, или не указано место рождения ребенка, а некоторые случаи погребений, как видно из посвидетельствований благочинного, совсем не записаны в метрических книгах.

Так было при о. Венцкевиче. Крещения младенцев из Плёсок /хотя они не принадлежали к Рыболовскому приходу/ попадают чаще, чем из деревень своего прихода. Но браков из Плёсок не бывает; а при о. Гриманевском случались и погребения плёсковцев.

При преемнике о. Венцкевича Апановиче метрики ведутся аккуратнее, что вызывает поощрение благочинного Гуттурского в надписи в метрической книге: «Roku 1776 miesiąca Jannuar Dnia 17. J.V. Kalendar. Czasu wizyty moiej Dziekanskiey metrykę Chrzstów Szlubow pogrzebow pżyżalem, które jest pisane porządkiem dobrym...».

Отцу же Зимеховскому тот же Благочинный советует в посвидетельствовании своем вести метрики «dokładniey».

Метрики внебрачных детей записываются как правило «вверх ногами», в записи упоминаются отец и мать внебрачного ребенка.

Для примера приведем одну такую запись: «Ryboły d. 20 marca 1779 r. Ja X. Ant. Appon. ochrzciłem curkię na Imie Jewdokię z Rodziców nieślubnych swywołnie zpłodzoną, z Oica rodzonego szlachetnego Walentego Tworkowskiego. Wuita Rybolowskiego z Matki Elżbiety Hryhoranki. Kum Mateusz Mironiuk, Kuma Justyna Doboszuczka».

Этот «szlachetny» Walenty Tworkowski довольно часто фигурирует в качестве отца внебрачных детей.

В одной из метрик внебрачного ребенка имя матери вообще не упоминается, а вписан лишь один отец: «Ryboły d. 11 Junij 1779 r. Ja X. Antoni Apponowicz Ochrciłem curkę na Imię Justynę z Rodziców nieślubnych swywołnie spłodzoną z Ojca J.W. Pana Konstantego Szchultza z matki... Kum Gabryel Busłowski Kuma Franciszka Zimnochowska».

Вся эта метрика записана как и большинство таких метрик верхом вниз, а имя и фамилия кумы записаны уже нормально. Не была ли эта кума будущая Рыболовская матушка – жена о. Николая Зимноховского, а может быть его сестра, и отец Аппанович из братской солидарности поместил ее имя и фамилию нормально.

На основании двух вышеприведенных метрических записей внебрачных детей не следует заключать, что отцами их были все Jegomości «Шляхетные или Вельможные Пань», нет, попадались между ними и простые смертные. Был, например, «Kowal» из Войшек, были и другие без всякого звания, и просто «Hultaje», как отмечает о. Гриманевский.

Xiędz Józef Krassowski, настоятельствовавший в Рыболах в последнее десятилетие 18 века и первое десятилетие 19-го века делает в начале всех 3-х частей метрических книг за некоторые годы такие надписи:

«Rok 1791. Day Boże szczensliwy». Привожу образцы метрических записей рождения, брака и смерти к концу 18 века:

«1798 R-u d.8 augusci. Ja X. Józef Krassowski P.Rybołowski Ochrciłem syna Lawrentya z Rodziców szlubnych Wasila i

Ustyny Czernichoskich Urodz. d. 7. Kumami byli Andrzej Hawryluk z Zofię Berestecką y tegoż po Chrzcie S-tym pobieżmowałem. Kumami ciż sami byli Pawły».

«1797 mca stycz. d. 25 wsk. Po wysłych 3ch zapowiedziach y porostrzasnieniu przeszkod do małżeństwa gdy żadnej nie znalazłem pobłogostawiłem małżeńskie szluby mł Kiryłowi Naumiukowi z Dominiką Kondracianką wzajemni sobu zajorzysię gajęcym. Swiadkami byli 1-m Paweł Nikołajuk 2 gi Kornilo Ignatiuk 3-ci Daniel Harasimiuk ... podpisuję dla lepszej wiary X.J. Krassowski».

«1798 r. d.18 Januar. Hrygory Laszewski mający lat 50 pum umarł domu swoim opatrzony sw. Sakramentami. Pokuty y Eucharystyi na defekt Dichawicy i Parcie w Boki, którego ciało pochowałem na cmentarzu Rybołowskim X. J. Krassowski Woyszki».

Как видно из приведенных образцов к концу 18 века метрическія записи становятся более подробными и заключают в себе почти все сведения помещаемыя в нынешних наших метрических записях.

8. Protokoły i Akta znań o rożdeni, браках и смерти.

Пропажа метрических книг во время войны 1914–18 гг. вызвала необходимость составления для заинтересованных лиц Протоколов и Актов о рождени, браке или смерти по свидетельским показаніям.

Протоколы и Акты эти заменяли собою метрическія выписи – Оригиналы этих протоколов и актов остались при Церкви и таким образом образовался новый вид документов. Начинаются они с 21 января 1923 г. В первое пятилетіе их составлено довольно много. Потом становится все меньше и меньше и в 1949 г. записан лишь 1 акт знания от 10 апреля.

Содержаніе этих Protokołów или Aktów Znań приблизительно следующее:

«Protokół Akt знания Nr., Mi nizej podpisani niniejszym poświadczamy poc., przysięgą i własnoręcznymi podpisami stwierdzamy, iż znany nam osobiście obywatel-ka wsi.... gminy....

powiatu /фамилия и имя /... syn (имена родителей и девичья фамилия матери) urodził się dnia (число, месяц и год) или ... zawarł związek małżeński z (такой то) w ... cerkwi (дата), или zmarł (miasto и дата смерти) i został pochowany na ... cmentarzu. Za powyższe zeznanie przyjmujemy na siebie wszelką odpowiedzialność prawną i moralną. Wieś Ryboły dnia...

Подписи свидетелей».

Далее посвидетельствование священника: «Dnia... Ja (имя и фамилия священника) Proboszcz Parafii Prawosławnej w ... niniejszym poświadczem iz podpisy powyższe położone zostały własnoręcznie w mojej obecności przez mieszkańców wsi... gminy... powiatu... (имена и фамилии свидетелей). Подпись священника».

9. Дела Рыболовской Церкви.

Переписка с духовными и гражданскими учреждениями с 1856 по 1901 г. и с 1918 по 1950.

10. Разные документы.

а) Правила об обеспечении Духовенства от 20/VII – 1842 г.

б) Копии указов и ревизий благочиннических за 1852–1859 г.

в) Копии указов правительственных за 1858–1910 г.

г) Опись церковного имущества и предметов вывезенных в Россию во время эвакуации 1915 г.

д) Опись кирпичного дома священника и всех построек священника и псаломщика до 1912 г.

е) Акт о разделе земли между членами причта от 17/VI и 15/IX – 1888 г.

11. Копии исходящих бумаг с 1928 по 1939 г.

12. Церковная летопись с 1931 г.».

на три лесе шестом деревенских крестов, прибли-
зительно в 1905 году.

Гамлетник по средине деревни при впаде из
Рыбца поставлен на средства Таволовского аб-
шестова в 1889 г. после трехкратного поже-
ра деревни.

3. Гамлетники и Крест в дер. Войшки.

В деревне Войшких имеется два памят-
ника в южной и северной концах деревни.
На памятники в южной концы деревни на-
писано: Сохраня, Тосноди, шумели и величии, парной
дівлицы и младегнцев, имилге соорилиен сел
Крест 4 октября 1910 году"

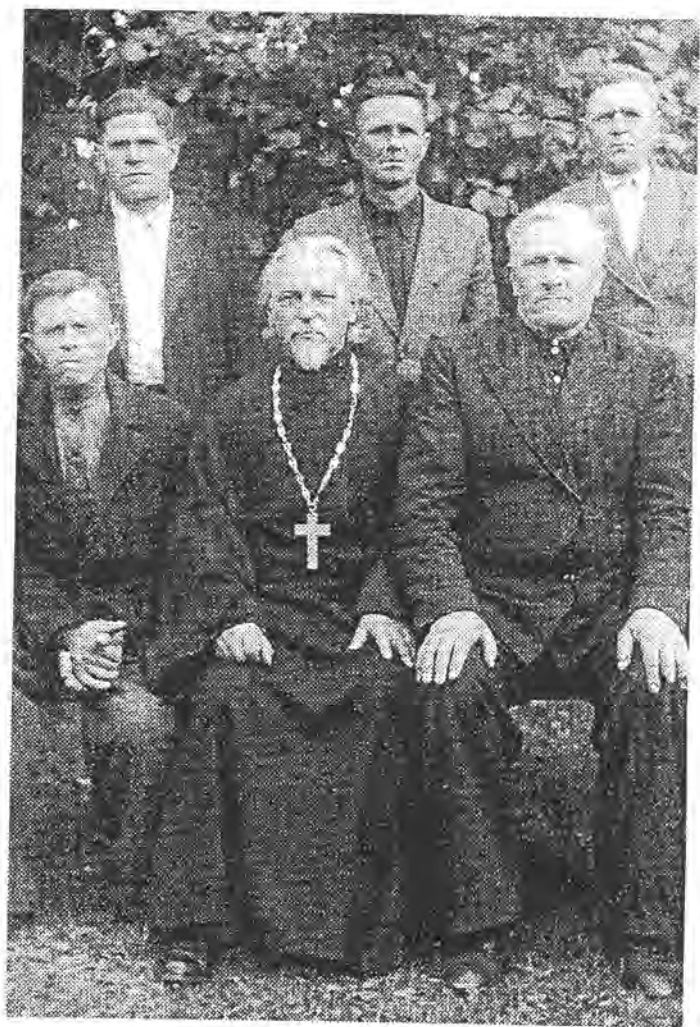
На памятники в северной концы деревни на-
писано: сел Крест соорилиен за зоравсе мениччи.
Тосноди слав и помилуць 1910. Сентябрь."

На деревенном кресте стояла убогая Сер-
гия Термамыка надпись, 1945 год."

4. Крест в памятники в дер. Каньках.

В восточной и западной концы деревни в 1941
году поставлены большие деревянные кресты.
На граници Каньских и Рыболовских полей в уро-
дильн "Калинник" при дороге поставлен памятник на-
шиминих до войны 1914-18 г. На памятнике надпись
по славянски: "Спаси Тосноди люди твоя и помилу-
их милостію Твоею. Деревня Канька. 1912. 20/12/14"

Страница «Описания Рыболовского Прихода»
о. Николая Круковского

Настоятель Рыболовского прихода о. Николай Круковский
среди прихожан

Белорусский культуролог из г. Бельска Подляшского
Д. Фионик за просмотром церковной рукописи

Великорусское наследие в западнобелорусском церковном летописании 1930-х гг.

Восточнославянское церковное летописание новейшего времени практически не изучено. Говорить об этом приходилось неоднократно [1]. Что же касается существования подобного жанра, тем более его полнокровного существования и даже успешного развития сотнями авторов в послереволюционные годы (после 1917 г.), то об этом первые современные исследователи, начинающие изучение русского церковного летописания XIX – начала XX в., видимо, и не подозревают [2]. В самом деле, трудно представить себе, чтобы традиции русского церковного летописания, явления массового, сугубо авторского, могли быть продолжены в период тотального уничтожения Православной Церкви. И тем не менее это так. В ходе наших многолетних экспедиционных исследований удалось познакомиться и частично скопировать десятки подобных летописей, наследующих эту традицию, развитие которой оказалось возможным в межвоенной западнобелорусской и западноукраинской православной среде.

При анализе массива сохранившихся летописей, отдельные из которых все еще «живут», бытуют в определенном читательском кругу, а в самое последнее время начинают привлекать внимание издателей, прежде всего замечаешь несомненную связь и влияние великорусского культурного наследия на местных церковных летописцев. Влияние это проявляется буквально во всем, начиная от языка, по преимуществу русского литературного или же своего рода его местных, белорусских или украинских, вариантов, до манеры и стиля письма, как будто подчиненных какому-то об-

шему руководственному началу, не исключаяющего, впрочем, авторского своеобразия.

Если говорить о местном церковном летописании, испытывавшем прямое великорусское влияние, то его появление приходится отнести в основном к середине – второй половине XIX в., когда после сложного переходного периода возвращения из унии на западнобелорусских и западноукраинских землях постепенно воцарились древние православные начала, исконные на былых обширных просторах Древней Руси [3]. Русская образовательная система, в том числе церковная, русская литература, русская культура в целом к концу XIX в. в огромной степени способствовала пробуждению национального самосознания не только у западных белорусов, но и у западных украинцев. Вот что писал знаменитый митрополит Евлогий (Георгиевский) о своем архипастырском служении на Холмщине в самом начале XX в.: «Мне хотелось народ расшевелить, направить по религиозно-национальной линии, особенно детей и молодежь. Холмские деревни не в пример нашим: едешь, бывало, в России по деревням – всюду песни, детский гвалт... а тут – все по щелям, как пришибленные. Деревни молчаливые, унылые. Мои настоятельные советы не пропали даром. Понемногу вся Холмщина запела, точно от сна пробудилась, о своем прошлом вспомнила... Пределы и степень польского влияния, его материальную и культурную силу... я себе уяснил. В Петербурге думали, что мы давим поляков. Какое заблуждение! Почти все культурное общество нашего края представляло из себя сплоченное польское целое; «нашими» были только духовенство и крестьяне – «хлоп да поп», местному выражению.

Поездка дала мне много – сблизила с народом, я заглянул в его душу, увидел, что многострадальное историческое прошлое ее придавило, измучило, изломало, но вырвать православного русского корня все же не смогло. Не прошла эта поездка бесследно и для православного населения. Народ

словно встрепенулся, почувствовал во мне духовную опору. «Волны восторга окружали вас по всему уезду...» – таково было впечатление матери Афанасии, игуменьи Радочницкого монастыря.

По возвращении в Холм я составил отчет о моей ревизии и послал резюме архиепископу Иерониму, а потом поехал к нему с личным докладом. Я рассказал ему о положении Православной Церкви в нашем крае, ознакомил с директивами, данными мною на местах. В общем они сводились к тому, чтобы посредством возвращения к родному языку и к забытому русскому фольклору попытаться оживить заглохшее в народе чувство русской стихии. В этом методе, не внешнего и не насильственного, а свободного и культурного воздействия на народную душу я видел пока единственное средство, которое могло бы пробудить в моей пастве русское национальное самосознание» [4].

В период Первой мировой войны в результате массовой эвакуации православных из западных губерний вглубь Российской империи миллионы беженцев оказались в России, где в течение нескольких лет, вплоть до начала 1920-х гг., непосредственно соприкасались с великорусским населением и его культурой. История беженства пока практически мало изучена. Однако, если иметь в виду культурные связи восточнославянских народов и влияние и взаимовлияние их культур, то этот трагический период стал быть может самым динамичным за всю их многовековую историю. Кстати, именно церковные летописи сохранили на своих страницах рассказы о многих эпизодах подобных контактов в это непростое для всей Европы время. Приведем лишь один небольшой пример, непосредственно связанный с Москвой и рецепцией в древней столице России местного западнобелорусского варианта, возрожденной под влиянием великорусского наследия церковной певческой культуры. В церковной летописи Семятичского прихода, что на правобережье среднего течения Западного Буга, читаем следующее: «Покинув

места своего служения духовенства и прихожане Гродненской епархии разсеялись по всем губерниям России. Но наиболее сильным притягательным пунктом для населения беженцев явилась Москва, где нашли себе приют оба архиерея, епархиальные учреждения: в Москве избрали своим временным местожительством до 15 священников Гродн. епархии в окрестностях города поселились более 3^х тысяч православных беженцев западного края, для тех был устроен на городские средства за Покровской заставой посёлок состоявший из 30 больших барачных корпусов, здесь была устроена церковь и школа, для совершения богослужения были назначены 2 священника Гродн. губ. и псаломщик нашей Семятичской церкви Ебстафий Мацкевич, который организовал общенародный хор певцов и привлек сюда массу москвичей даже из высших слоев общества» [5].

После 1920-го г. в межвоенной Польше начался новый этап в церковном летописании. Причем тема России и русских зазвучала в этих летописных записках по-особенному. Каждый из летописцев, а все они пребывали в течение по крайней мере 7–8 лет где-то в глубине России, посвятил немало времени и сил на анализ произошедшего за последние десятилетия, постарался ответить на ряд важнейших вопросов, связанных с влиянием русских на политическую и культурную, в том числе, конечно же, и религиозную судьбу их народа, на его этническое и национальное самосознание.

В начале 1930-х гг. в летописании наблюдается довольно значительная переориентация, связанная с каким-то централизованным директивным воздействием, истоки которого долгое время никак не удавалось проследить. Форма и характер этого воздействия продолжали нести на себе совершенно очевидные следы великорусского церковно-культурного влияния, однако же не только прививались с учетом нового государственно-правового контекста бытия и конкретно-событийной обстановки, но и нередко подвергались отдельными авторами летописей жесточайшей критике далеко

не в пользу молодой Польской державы. Приведем еще один небольшой пример, относящийся к 1939 г. [6] Вот что писал тогда местный приходской летописец Кожанской Крестовоздвиженской церкви на Подляшье: «Когда Западная Украина и Белоруссия находились под владычеством поляков, то некоторые из православных, как духовных так и светских, идя навстречу пожеланиям Польского Правительства и с благословения Синода, организовали кружки православных поляков. Руководствовались эти организаторы кружков и домов теми соображениями, что изменяя своей национальности, они получают все блага мира сего. Польское Правительство, желая ополчить Белоруссов и Украинцев, покровительствовало этим организаторам и организациям и к стыду нас, православных, некоторые из молодых иереев, в особенности те, которые окончили православный Богословский отдел при Варшавском университете, мечтая о карьере, являлись жаркими и деятельными проводниками идеи и вербовщиками членов в дом православных поляков. Православное население западной Белоруссии, население западной Украины более было твердо в своих национальных убеждениях, загнанное и забитое, не видя ни откуда помощи, став апатичным и безразличным к своей вере Православной и Национальности, а некоторые из духовных и светских православных, страха ради иудейска, работали как враги для своего Белорусского Народа, в угоду Польскому Правительству. Верное Православное духовенство и народ Белорусский, видя предательство этих изменников, клеймил их, презирал и дал прозвище им: «Иуды предатели». Прошедшие в историю эти изменники Белорусского народа под названием «Иуды предатели», пред приходом Советской власти, чувствуя, что на них будет тяготеть вся вина и ответственность за ихния злодеяния, по отношению к Белорусскому народу, предусмотрительно выбыли за границу. Таким образом план Польского Правительства, при посредстве Православных Белоруссов, как изменников своего народа, сказать, чисто иезуит-

ский, не удался и ополячить и окатоличить его – не смотря на все ухищрения и условия, не привели ни к чему. 1939-ый год» [7].

Летом 2001 г. во время нашей очередной экспедиции на Подлясье удалось наконец найти ценнейший уникальный историко-культурный и историко-литературный документ, позволяющий понять тот круг проблем, вопросов, тем и задач, которые ставились перед приходскими летописцами Польши в 1930-е гг. и служили им своего рода путеводительным церковным и литературным пособием. Учитывая особую важность найденного документа, мы публикуем его полностью, с сохранением всех основных графических особенностей оригинала.

1. См., напр.: Łabyncew J., Szczawinska L. Церковное летописание во II Речи Посполитой (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.) // Acta-Polono-Ruthenica. Olsztyn, 1997. T. 2. S. 221–231; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исслед. и публикации. М., 1999. С. 27–49; Они же. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001. С. 113–139.

2. См., напр.: Акиншин А.Н. Церковные летописи Воронежской епархии: опыт издания и комментирования // Православие и культура этноса: Междунар. науч. симпозиум 9–13 окт. 2000 года г. Москва: Тез. докл. М., 2000. С. 33–35.

3. О подобном летописании раннего, XIX-вечного, периода см., напр.: Лабынцев Ю.А. К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше // Славяноведение. 1995. № 2. С. 80–83.

Хотим заметить, что подобное летописание в несколько трансформированном виде, прежде всего со стороны языка, продолжается до сих пор. В различных приходах существуют и достаточно известные светские, а не только церковные, летописцы, причем первых становится все больше. Правда, все они почти исключи-

тельно пишут уже свои летописи не на русском, а на польском языке.

4. Евлогий, митр. (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 131–133.

5. Цит. по.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000. С. 102.

6. Необходимо заметить, что непосредственно перед самым началом Второй мировой войны в связи с усилением государственного давления на Православную Церковь в Польше в ее внутренней жизни стали происходить существенные изменения. Все это в той или иной степени сказалось и на летописании и вообще творчестве церковных и светских православных писателей, среди которых даже возникло что-то вроде особого, преимущественно, литературно-обрядового движения, в названии которого стало присутствовать сочетание «православные поляки». См. подробнее: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Литературное наследие «Православных поляков» // Славяноведение. 2000. № 3. С. 81–89.

7. Церковно-приходская Летопись Кожанской Крестовоздвиженской церкви. С. 80–81.

* *
*

«Руководство к ведению церковно-приходских летописей.

Церковно-приходская летопись № церкви, или собора или монастыря № села или города.

I. Село, местечко, город. II. Уезд. Уезд Губернія и Епархія до 1 августа 1914 г.? и теперь? 1) Церковь во имя. 2) Имеются ли еще престолы и какие? 3) Даты храмового (вых) праздника (ков) и отпуста (тов). III. Действует ли церковь или нет? IV. Если закрыта, то почему и с какого времени (ревиндикация, распоряжение властей, разрушение и т.д.)? V. Приходская ли церковь, приписная (к какому приходу?),

владельческая, домовая, кладбищенская? VI. Если приходская, то какія населенныя местности обслуживает? (Перечислить их и указать число православнаго населенія по населенным пунктам. Названія привести также и на польском языке; если местныя названія сел отличаются от официально-употреблявшихся русских, то надлежит и их привести).

Часть первая.

Общее описание храма и прихода.

1) О храме.

а) Историческія сведенія о местности, на которой находится церковь; не было-ли здесь какого нибудь политическаго и религіознаго центра, – в роде города, замка, монастыря? Не соединяется-ли с нею воспоминаніе о языческих временах, племенах селившихся, битвах, победах и т.п. О всем том какія сохранились сведенія, преданія, легенды в памяти жителей и в документах. Когда построен приходской храм? Находились ли когда либо в руках католиков или униатов, при каких обстоятельствах и когда именно? Бывала ли закрыта и когда и кем? Каменный или деревянный храм, в память какого событія или во чье имя устроен, с благословенія какого Архіерея, кто храмосоздатель, нет ли храмосоздательных грамот; (Примеч.: Грамоты, надписи, приписки или выписки списываются всегда буква в букву, в противном случае упоминается, что то или другое известно только по преданію, более или менее достоверному). В том ли виде нынѣшній храм существует, как устроен, или был возобновлен и к нему сделаны пристройки? Какія пристройки, по какому случаю, когда и кем оне сделаны и проч.? Не был ли возобновляем и переменяем иконостас, когда, кем и т.п. Не замечателен ли храм по каким либо историческим и священным воспоминаніям и т.п. Какой наружный вид церкви в настоящее время: квадратная, равносторонним продолговатым крестом, круглая, или столпообразная, в виде башни 6-ти или 8-ми гранной и вообще не представляет ли

чего замечательнаго самый внешній вид храма? Во сколько ярусов окна и есть ли в них железныя решетки; сколько на церкви куполов и какіе, – открытыя или глухія? Какіе кресты на церкви? Кровля железная, черепичная или деревянная? Окрашена ли церковь вся снаружи, или частями и в какой цвет? Сколько входных дверей? Крепко-ли зданіе церкви? Сколько квадратных саженой заключает внутренняя площадь вместимости храма? Какое внутреннее расположеніе, квадратное, крестообразное или круглое, со сводами-ли, если каменная, или потолок настлан досками и подштукатурен или нет? пол мраморный, каменный, кирпичный или деревянный? Холодная или теплая, если теплая, то сколько печей? На сколько возвышена солея? клиросы на солее, или отдельно? Сколько в церкви приделов и во чье имя? Когда и кем устроены оныя, чьим усердіем и иждивеніем и т. п.? Какой вместительности алтарь? Какой престол, не устроена ли сень? Иконостас: какая резьба и сколько в нем ярусов? Карнизы, резьба и рамы золоченныя или окрашены? Какой общій фон окраски иконостаса? Какого устройства царскія двери и нет-ли при них особых изображеній? Стены церковныя расписаны, окрашены или выбелены? Если расписаны, то нет ли записей или надписей на стенах о времени росписанія церкви и об иконописцах? Не были ли когда открыты под штукатуркой фрески и что они изображают? Нет-ли старых икон и нет-ли на них надписей? Нет-ли икон уважаемых народом и почитаемых за чудотворныя и какое существует о них сказаніе? Не сохранилось-ли в церквях древних рисунков с изображеніями святых, так называемых лицевых подлинников, разных икон и крестов? Нет ли икон мозаических или других замечательных по ценности и каких? Нет-ли замечательных окладов (риз) на св. иконах, крестах, евангеліях, апостолах и на них надписей? Кем сделаны украшенія, особенно жемчужныя и из камней? На полях окладов не положены ли золотыя или серебряныя гробницы с изображеніями святых? Нет-ли на образах металлических при-

весок, крестов, панагій, монет и т.п.; какія они и нет-ли на них надписей, букв или каких изображеній? Нет-ли образов вычеканенных, или вырезанных на золотых, серебрянных или медных досках, нет-ли литых образов и что о них известно? Достаточно-ли снабжена церковь утварью церковною? Сколько потиров, дискосов и т.п. и нет-ли замечательных по ценности, вкладу, древности и исторической важности? – такіе описать. Какіе кресты и нет-ли чем замечательных – такіе описать и назвать вкладчика, если известен. Какія дарохранительницы? Нет-ли замечательных ковчегов, из чего они и какой формы? Есть-ли паникадила и какія: есть-ли сборныя блюда, водосвятныя чаши, брачныя венцы, купели, всенощныя блюда, подсвечники, лампы, ковшики для теплоты и т. п. Какія эти вещи, количество их и нет-ли замечательных по ценности или древности? (Примеч. Замечательныя вещи должны быть описаны: какой оне формы, какія имеют украшенія и изображенія, надписи на них должны быть тщательно описаны и, буде можно, должно быть указано: кем и по какому случаю они принесены в церковь и какія о них сведенія имеются в описных церковных книгах и в преданіи). В каком состояніи ризница, вообще сколько всех священнических облачаній, сколько новых, годных к употребленію и сколько ветхих? где помещается ризница? Какія замечательныя облаченія в церкви и что о них известно? Нет-ли замечательной храмовой шитой утвари: воздухов, вышитых образов, убрусов, пелен наложных, хоругвей, плащаниц, надгробных покровов и проч.? Из какой матеріи. Есть-ли под церковью погреба и нет-ли в них погребенных замечательных лиц и над ними надгробниц, памятников, надгробных плит и камней и наконец нет-ли каменных или деревянных гробов? списать надписи. Колокольня отдельно устроена, или во фронтальной части церкви? Сколько колоколов и какой величины, хотя приблизительно, когда и кем вылиты, чьими издержками, не имеют-ли названій и имен, какія на них изображенія, нет-ли на них надписей и на каком языке и не

упоминается-ли в этих надписях о событиях и о каких именно? Вокруг церкви есть-ли ограда и какая? Нет-ли на погосте каких замечательных памятников, плит, надгробных камней и что о них известно? Если окажутся надписи то списать. — В каком состоянии библиотека церковная? Сколько в ней книг по разряду сочинений, т. е. догматических, проповеднических и т. п. Нет-ли старых надписей на книгах, составляющих церковную библиотеку? Нет-ли в библиотеке замечательных рукописей, синодиков и в них рисунков, грамот о поминовении лиц и не упоминается-ли год кончины замечательного лица и место погребения? Нет-ли книг, визитных записей и т. п.? В каком состоянии архив церковный, с которого года есть метрические книги, исповедные и т. п.? Нет-ли в архиве каких либо замечательных документов? О братствах показать, кем, когда и по каким побуждениям учреждены. Какая их цель, какая организация? Какими руководствуются правилами или уставом, какие выдаются обычаи? Какими располагают средствами и откуда оныя приобретаются? Сколько человек находится в составе братства? В чем состоит их деятельность в настоящее время? Какую пользу приносят церкви, приходу и причту? Есть-ли церковно-приходское попечительство, когда оно открыто, что сделало со времени своего открытия для церкви, причта и прихода и какими материальными средствами оно располагает? не известен-ли кто по своей плодотворной деятельности в сем отношении, нет-ли при церкви богаделен и др. благотворительных учреждений, когда и кем оне устроены и какими средствами содержатся? Не состоит-ли в приходе приписных церквей и что о них известно? Нет-ли в приходе часовен, где именно оныя находятся, когда, почему и кем построены? не замечательна ли по местности, на коей устроена.

2) О кладбищах.

Сколько в приходе кладбищ? Как, когда и где оне устроены и нет-ли на них церквей, часовен и молитвенных домов,

не погребены ли замечательныя лица и на могилах их нет-ли замечательных памятников с надписями? Нет-ли древних закрытых кладбищ, где они находятся и почему упразднены? Есть ли ограда на кладбищах?

3) О причте церкви.

Сколько прежде было при церкви причта и сколько ныне? Какое причт получает содержаніе от казны и от прихода, не имеет-ли руги или других каких либо угодій или недвижимых имуществ, земель и от казны или прихода дарственных лавок, мельниц, вкладных капиталов и т.п. и сколько и от кого поступило оных? Есть-ли церковные дома для священнослужителей, когда и кем они построены, есть-ли документы на право владенія имуществом, принадлежащим причту церковному? Если известно, то назвать поименно: кто и с какого и по какое время состоял при церкви и какую занимал должность с основанія прихода и по настоящее время. Из членов бывшего причта и их детей не было-ли лиц особенно замечательных по заслугам в духовном или светском ведомстве и что о них известно?

4) О приходе.

Местоположеніе: при какой реке, горе, дороге, разстояніе местности прихода от уезднаго города, почтовой станціи и железной дороги? от чего получил свое названіе приход и кроме официалнаго не имеет-ли в народе других названій и не назывался ли прежде как нибудь иначе? Из каких селеній прежде состоял приход, из каких состоит теперь? Деревни входящія в состав прихода, в каком разстояніи от приходской церкви? Не принадлежали ли и не принадлежат-ли к приходу упраздненные монастыри, как они назывались, когда и почему упразднены и какіе остались памятники? Нет-ли в приходе особенных урочищ, старых городищ, курганов, пожарищ, побоищ, земляных валов, развалин от валов, развалин от бывших городов, церквей, дворов, пограничных

каменной, часовен и каменных крестов; а также нет-ли преданий о кладах, пещерах и тайниках; нет-ли замечательных рек, озер, колодезей и родников и что о них известно? Когда была построена в приходе первая церковь, или известная древнейшая? Всегда-ли в приходе была одна церковь, или были приходскія и и другія и когда упразднены? Нет-ли в пределах прихода сект, иноверцев, римско-католиков, лютеран, кальвинистов и евреев. Какая их численность? В каких деревнях живут, на каком говорят языке или наречіи? Где центр их духовнаго управленія? Какія имеют богослужебныя и молитвенныя места, когда они устроены? Как они относятся к православным.

5) О прихожанах.

Не было-ли из среды прихожан замечательных лиц по своим заслугам на пользу церкви, и общества. Степень религіозности прихожан. Какіе особенно праздники и дни в году чествуются ими и почему именно? Какого рода развиты между ними общественныя молитвословія: крестные ходы по селеніям, полям, служеніе молебнов и т.п.? Какія есть особенно выдающіяся обыкновенія между прихожанами при свадебных, похоронных и др. обрядах и нет-ли между ними каких нибудь суеверных обычаев? Преимущественное занятіе прихожан и какія развиты между ними промышленныя ремесла? Количество школ и какія? Когда оне открыты и какія средства их? Сколько в них православных мальчиков и девочек со времени открытія? Процент грамотности между прихожанами. Нет-ли в приходе фабрик, заводов и т.п., давно-ли существуют и кому принадлежат ныне? Нет-ли в приходе каких нибудь общественных образовательных, воспитательных и благотворительных учрежденій и какія именно? Нет-ли в приходе волостнаго или другого общественнаго управленія, давно-ли существует и какими селами заведует?

Часть вторая.

Повременная церковно-приходская летопись № церкви и проч. 1931 года.

1) О церкви или храме.

Здесь по годам, месяцам и числам записываются: освященіе вновь престола по какому-либо случаю, перемена св. антиминса, пристройки и переделки в храме с показаніем стоимости оных и на чей счет оне произведены, замечательныя новыя украшенія церкви живописью, позолотой и проч., сооруженія вновь или поновленіе стараго иконостаса, приобретеніе чрез пожертвованія или покупкою ценных вещей: сосудов, облаченій, колоколов и проч., открытіе каких либо новых учреждений, воспитательных, учебных, благотворительных и санитарных. Посещеніе церкви и служеніе в ней епархіального архіерея и посещеніе других замечательных, как духовных, так и светских лиц, и наконец несчастныя случаи: похищеніе, пожар, поврежденіе от грозы и проч.

2) Имущество церкви.

Сколько усадебной земли пахотной, выгоны, рыбныя ловли, пруды, озера, мельницы и т.д. От кого, когда и по какому акту перешли к церкви? Имеются ли на это имущество документы и какіе? Чем из этого имущества церковь ныне фактически не обладает и почему (что занято, отобрано, отчуждено и кем)? Имела ли церковь капиталы? Какова исторія их происхожденія? Если капиталы утрачены, то по какой причине, где и когда? Дома и другія недвижимости; на чьи средства построены, из какого матеріала, в каком ныне состояніи? (дать сведенія отдельно для каждой постройки). Если какое либо из зданій не находится ныне в фактическом распоряженіи церкви, то кем занято и вообще какова его судьба? вспомошествованіе причту от казны (zasitek), кружечный доход причта от требоотправленій за текущій и два предшествовавшіе годы. Памятники прошлаго на территоріи прихода, считая таковой на 1 августа 1914: Были ли ранее до міро-

вой войны церкви, коих здания не сохранились? Если были, то что от них осталось. Не имеется ли на территории прихода курганов, исторических могил, древних кладбищ великой войны, кладбищ относящихся к событиям 1917–1920 гг., городищ, руин, каплиц, фигур и т.д. (желательны подробныя указанія).

3) О священно-церковно-служителях.

Имена современного причта и старосты, с какого времени они состоят при церкви, где обучались (это записывается в первый год однократно, если не произойдет перемены), перемены в членах причта и причины сих перемен, имя вновь поступившаго, перемещен он, или вновь поступил, какое образование он получил, место куда выбыл прежній член причта, также награды священно-церковно-служителям и старосте от епархіального начальства и от высшаго правительства, особыя заслуги их на пользу своей церкви, прихода и общественную.

4) О приходе и прихожанах.

Сколько теперь числится прихожан мужескаго и женскаго пола? Степень усердія прихожан к церковному богослуженію, к говенію, исповеди и причастію св. таин и слушанію бесед и поученій душеспасительных, к поминовенію усопших, к отправленію молебнов и вообще к делам благочестія, в какой мере прихожане расположены к христіанской общительности и взаимному вспоможенію, общія наклонности к каким-либо порокам, напр. пьянству, вообще нравы прихожан. Не излишне также показать какими преимущественно занятіями и промыслами прихожане снискивают себе пропитаніе и средства к жизни, достаточны-ли они или скудны и от чего? В летописи могут иметь место всякаго рода явленія и событія в приходе, а частію и вне онаго, выходящія из ряда обыкновеннаго, напр. необыкновенные роды или смерть, случай редкаго долголетія; чрезвычайныя явленія в природе, затменіе солнца или луны, также

метеоры, кометы, северное сіяніе, сильныя бури и грозы, с их послѣдствіями, градобитіе, пожары, бездождія и засухи, продолжительное безведріе и слишком сильныя дожди, обильныя урожаи, ранніе или поздніе, бурныя зимы или спокойныя, время замерзанія и вскрытія рек, поздняя или ранняя весна, большіе разливы и наводненія или маловодіе, повальныя болезни и моровыя язвы, падеж скота, необычайное появленіе хищных или вообще диких зверей, общественныя смуты в городе, замешательство и тревоги, (отчего да сохранил Бог), знаменія особеннаго промысла Божія о людях и небеснаго покровительства и т.п.

5) Годичныя выводы.

В конце каждаго года показывать общіе выводы: а) из метрических книг: о числе родившихся, умерших и бракосочетавшихся и присоединенных их иноверія к православной церкви; б) из исповедных росписей: о числе бывших и не бывших у исповеди и у св. причастія, с подразделеніем послѣдних по причинам неисполненія ими долга христіанскаго; в) из приходорасходных книг о движеніи церковных сумм т. е. о приходе, расходе и остатке оных раздельно о каждой сумме; и г) из разных документов: о сборе в церквах денег по распоряженію епархіальнаго начальства в пользу сторонних мест и учрежденій, по каждом особо.

Общее замечаніе: рекомендуется излагать все сіе в летописи, сколько можно яснее и проще, без всякой изысканности, таким языком и слогом, каким кто владеет и говорит. При этом вносить в оную одни только факты; а где возможно, то и причины оных; но пишущій не должен присовокуплять к тому собственных размышленій и чувствованій по поводу излагаемаго им. Обязанность вести летопись должна лежать на всех членах причта, но главным руководителем в сем деле должен быть настоятель церкви; без ведома его и просмотра черновой записи ничто не должно быть вносимо в летопись».

Пинский «церковный обиход» и белорусская народная рукописная книжность

В 1929 г. в г. Пинске Полесский епархиальный миссионерский комитет издал объемный сборник в трех частях, воплотивший все богатство древней местной церковнопевческой традиции [1]. Издание было осуществлено по благословению архиепископа Полесского и Пинского Александра (Иноземцева) и, вероятно, по его личной инициативе. Став летом 1922 г. управляющим Полесско-Новогрудской епархией, епископ Александр почти сразу же оценил своеобразие местной церковнопевческой культуры, постепенно, к сожалению, ставшей утрачивать свои позиции. В немалой степени этому содействовали многолетние события тяжелейшего церковного нестроения, забвение руководящих начал в практике приходской жизни, наконец, усилившаяся иноверческая и сектантская деятельность на Полесье. «Широкая, враждебная православной церкви, пропаганда безбожия, сектантства и иноверия, часто опирающиеся на устроении стройного хорового и общенародного пения, еще более побуждали православных приступить к выполнению... весьма важной задачи» [2], каковой являлось и создание пинского «церковного обихода» 1929 г.

Идея составления подобного сборника родилась не сразу. Постепенно «после великих потрясений, вызванных европейской войною и последовавшими за ней событиями, когда жизнь мало помалу стала налаживаться, православные люди, обитающие на Полесье, вошедшем в состав новообразованной Полесской епархии, стали сознавать неотложную необходимость немедленного восстановления правильного течения православно-религиозной жизни» [3]. В эти годы в

Полесском воеводстве II Речи Посполитой, как свидетельствуют различные архивные и иные источники, православными были около 80 или даже более процентов его жителей [4]. Это была, так сказать, самая православная территория межвоенной Польши, самое православное ее воеводство, где, несмотря на все старания, число православных практически не уменьшилось и где «процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался» [5]. Многие православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» – тутошние, здешние, а язык их «тутейший», «простой» или «русский». «В официальных документах той поры было узаконено определение “тутейшие”, которых по различным данным насчитывалось около 1 миллиона человек» [6]. С момента образования в начале 1920-х гг. Полесской епархии границы ее неоднократно менялись, совпав в конце концов в основном с границами обширного Полесского воеводства, с дополнительно включенными в состав епархии православными приходами Сарненского повета Волынского воеводства. Административным центром Полесского воеводства был Брест, кафедра полесского православного архиерея находилась в тридцатитысячном Пинске.

Довольно быстро разобравшись в существе дел в новообразованной епархии, Владыка Александр начинает большую организаторскую работу по вовлечению духовенства и мирян в устройство православной церковной жизни как в епархии в целом, так и в отдельных приходах. Именно тогда в Пинске начинают проводиться совместные епархиальные собрания духовенства и мирян, на которых, в частности, ставились и вопросы, связанные с церковным пением. Текстологический анализ написанного и изданного от лица Владыки Александра [7] и предисловия к Обиходу 1929 г. убеждает, что все это написано одним и тем же лицом [8]. Поэтому важно сослаться на его слова: «на всех этих собраниях было неоднократно обращено внимание на упадок церковного пения после великой войны и на насущную потребность для

пользы церковно-приходского дела возможно скорейшего восстановления этой важной части богослужения» [9].

По инициативе Архипастыря «для поднятия церковного пения стали ежегодно организовываться в разных местах епархии псаломщицкие... курсы». Однако быстро выяснилось, «что большим тормозом в деле улучшения в приходах церковного пения является недостаток руководств к пению в виде нотных книг или так называемых «обиходов церковного пения»». Были предприняты настоящие археографические разыскания во всей епархии, которые подтвердили печальное обстоятельство отсутствия необходимых книг. Вот тогда-то и родилась мысль об издании собственного нотного сборника церковных песнопений, состав которого соответствовал бы местным условиям и мог удовлетворить насущные запросы и духовенства и мирян. Особенно в части «столь необходимого в настоящее время общенародного пения, а также для исполнения несколькими певцами или даже одним псаломщиком песнопений во время будних богослужений и при совершении частных треб» [10].

В епархии началась кропотливая работа по созданию нового особого типа и состава церковного певческого сборника, аналогов которому в истории Православной Церкви еще не было. Соборно было постановлено, что создаваемый сборник должен отвечать следующим задачам:

1) это должно быть пособие, изданное в виде партитуры, необходимое прежде всего для сельских регентов;

2) он должен быть доступным «для малоопытных и начинающих церковных хоров», нуждающихся в постепенном совершенствовании, «восходя от простейших песнопений к более сложным»;

3) он мог быть употребим «при общенародном пении, как в церкви, так и вне ее, на богослужбных собеседованиях, а равно и в школах и таким образом содействовать образованию противовеса развивающемуся сектантскому общенародному и хоровому пению»;

4) способствовать сохранению напевов, «которым большинство нашего духовенства обучалось в духовно-учебных заведениях нашего края и дома, и которые привычны, близки, сродны и дороги не только духовенству, но и прихожанам»;

5) способствовать сохранению и распространению партесных песнопений, которые особенно любимы верующими и доступны для сельских хоров, а также «народных песен из богогласников на местных языках» [11].

Несомненно, что главным «апробатором», а скорее всего и главным редактором создававшегося церковнопевческого сборника стал сам Владыка Александр [12]. Ему помогали члены Пинской Духовной Консистории, а также его секретари и состав епархиального миссионерского комитета [13]. Постоянными консультантами и во многом исполнителями являлись регенты ряда церковных хоров, в основном крупнейших.

Составленный сборник, получивший наименование «Обихода нотного церковного пения», оказался разделенным на три не равные по объему части. Его предваряла своего рода певческая азбука на сорока страницах, озаглавленная «*Элементарные заметки по теории пения*», составленная, как нам кажется, одним из лучших местных знатоков церковнопевческого искусства — регентом Пинского кафедрального собора Д. Кулишом, читавшем лекции по церковной музыке на различных курсах и собраниях [14].

В первую часть составленного Обихода вошло около 300 различных песнопений Всенощного бдения, включая партесные приложения к нему; песнопения Божественной литургии с партесными же приложениями; различные избранные церковные песнопения; песнопения при архиерейском служении; различные песнопения молебнов; песнопения при венчании, на панихидах и при отпевании; припевы на акафистах. Значительное число этих произведений было «местного напева» или было взято «из старых нот».

Вторую часть Обихода составили в основном песнопения на Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение, Рождество Христово, Крещение, Сретение, Благовещение, Преображение, Успение и другие неподвижные двенадцатые праздники; песнопения на Пасху, Вознесение и иные подвижные праздники общим числом около 200. Многие из этих песнопений также были избраны «из старых нот» или же представляли собой «старинные напевы» и «местные напевы».

Третья часть Обихода оказалась совершенно особенной. Она была озаглавлена «Избранные песни из Богогласников» и представляла собой сборник из более чем 60 песнопений на многих языках, в основном на местных диалектах, украинском, русском и так сказать «церковнославянизированном». В языке некоторых песнопений заметны чисто белорусские элементы. Завершалась третья часть и весь Обиход польским национальным гимном «*Boże, coś Polskę*» на польском языке. Наличие в этой части Обихода большого числа старинных украинских кантов и богогласничных песнопений объяснялось многими причинами, из которых самыми значимыми являются: существование богатейшей народно-церковной песенной традиции на Волыни, частично входившей тогда в состав Полесской православной епархии; широкое исконное распространение этой традиции далеко за пределами Украины, в том числе на территории нынешней Беларуси, России и Польши [15]; довольно мощное в ту пору украинское национальное движение в пределах всей тогдашней Речи Посполитой, естественно не исключая и белорусско-украинского культурного пограничья [16].

Анализируя состав и тексты Обихода в целом продолжаешь удивляться исключительности этого огромного церковно-певческого сборника – уникального собрания полеских паралитургических и литургических произведений на нескольких языках и местных диалектах, которое без преувеличения стало одним из самых выдающихся явлений в жизни Православной Церкви в Польше межвоенного перио-

да, как нельзя красноречивее характеризующее и представляющее полесскую духовную культуру того времени в ее глубинном варианте [17].

Полесский «церковный обиход» 1929 г. оказал значительное влияние на развитие певческой культуры во всем Полесском крае. Во время наших экспедиционных исследований было зафиксировано большое число разнородных рукописных списков с него, в том числе и нынешних, современных. Эти списки разнообразны по объему и форме, часто они являются последующими списками с более ранних списков и содержат множество изменений в языке и правописании относительно оригинала. Они содержат и немало более или менее пространных изменений и самого текста. Примечательно, что списки эти делались и делаются не только в Белоруссии и на Украине, но и в Польше, и России. В Польше чаще это происходит на Подляшье. Все поименованные обстоятельства дают основание говорить об удивительно стойком проецировании музыкально-текстовой составляющей полесской духовной культуры в день нынешний, несмотря на все драматические и даже трагические перипетии, затронувшие этот край и его людей в уходящем веке [18].

Ниже мы публикуем фрагмент рукописного паралитургического сборника, содержащего небольшой цикл песнопений из пинского «церковного обихода» 1929 г. Сборник этот, составленный в послевоенные годы и используемый до сих пор, сберегается в потомственной православной семье самой западной части Белорусского Полесья.

1. Обиход нотного церковного пения. Пинск, 1929. Ч. 1–3.
2. Там же. С. V.
3. Там же.
4. См., напр.: Государственный архив Брестской области. Ф. 2059. Оп. 1. Ед. хр. 2928.

5. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. М., 1999. С. 11.

6. Там же.

7. См., напр.: Александр, архиеп. Проповеди и поучения. Пинск, 1937.

8. Сравните, напр., первые слова «Предисловия» к Обиходу 1929 г. и его фрагмент речи, опубликованный в Указ. соч. на с. 336.

9. Обиход... С. V.

10. Последние требования с особой ясностью определились во время регулярно проходивших поветовых и епархиальных миссионерских конференций, а также в период работы различных курсов для псаломщиков и наиболее активных мирян.

11. Столь грандиозную задачу скорее всего выполняло несколько групп знатоков церковного пения, так сказать классического и местного. Это становится заметным при анализе состава Обихода 1929 г. Не исключено, что эти группы не были единодушны во взглядах на церковное пение и его особенности, что опять таки находит подтверждение при анализе содержания сборника.

12. Архиепископ Александр родился в 1887 г. в Сибири в Тобольске, скончался в 1948 г. в Германии в Мюнхене (см.: Богословский вісник. 1948. Ч. 1–2). Он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1918 г. стал руководителем епархиальной духовной миссии в Минске, затем настоятельством в Варшаве. В период его архипастырского служения в Полесской епархии отношение к нему со стороны духовенства и мирян не было однозначным. Его считали ставленником польских властей, он поддержал введенную в 1924 г. и не имевшую успеха реформу церковного календаря.

13. Деятельность всех миссионерских комитетов Полесской епархии была довольно многогранной и масштабной. См., напр.: Государственный архив Брестской области. Ф. 2059. Оп. 1. Ед. хр. 7.

14. Завершая свои «заметки» Д. Кулиш выражал надежду, что этот его «краткий, сжатый и далеко несовершенный» труд все же может «помочь псаломщикам-регентам в их церковнопевческой практике, особенно в настоящее время при отсутствии какой бы

то ни было церковнопевческой литературы» (см.: Обиход... С. XL).

15. Подробнее см.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.

16. См., напр.: Лабынцев Ю.А. Всему православному миру. М., 1995.

Украинское национальное движение было весьма сильным не только южнее Пинска, но и в самом Пинске и его окрестностях. Эти настроения преобладали даже среди сотрудников и членов Пинской Духовной Консistorии (см.: Государственный архив Брестской области. Ф.Р-114. Оп. 1. Ед. хр. 2).

17. Местом издания Обихода назван Пинск, но скорее всего он литографировался в Варшаве – как означено на его 392 странице («Lit. J. Koparzewski w Warszawie»). В самом Пинске православные стали активно выпускать печатную продукцию уже в 1930-е гг. Именно тогда епархиальным миссионерским комитетом было издано множество листовок, ряд брошюр и даже книг. Особенно хочется выделить объемные «Письма миссионера» пера известного православного миссионера протоиерея Павла Калиновича (Пинск, 1938).

18. Нельзя не упомянуть о том, что в 1990-е гг. полесский «церковный обиход» 1929 г. получил широчайшую известность в православном мире. В 1992 г. он был переиздан репринтным способом в Челябинске тиражом в 5000 экземпляров, быстро разошедшимся. Репринт сделан с экземпляра, принадлежавшего «Dumitru Tichoniuku» (см.: титульный лист и последний лист репринта).

В 1999 г. Обиход издали уже в Польше, в столице Подляшского воеводства – Белостоке.

Несколько ранее Обиход стал популярен у западноевропейских любителей церковного пения, которые изготовили ряд его копий с экземпляров, хранящихся в Польше, в частности в собрании Яблочинского Свято-Онуфриевского православного монастыря.

Пресвятая Дево; Светла Зарнице
Пресвятая Дево, Светла Зарница,
Мы Тебе просимъ, наша Царица
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ, усердно просимъ.
Молися за нами, о наша Мати!
Не дай намъ долъше въ грехахъ зостати,
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Мы бо не знали, якъ жити треба,
Штобы по смерти попасть на небо.
Мы Тя благаемъ и руце возносимъ,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Мы о выгоде телесной дбали,
А о душе нашей не памятали,
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Мы вх грехахъ света утеху мали,
О суде страшном и не гздавали.
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Шо мы тогда будем грешны рабити,
Якъ приде Сынъ Твой насъ всехъ судити.
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Онъ насъ пытати не буде многа,
Ти кто жиль въ выгодахъ света того.
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Онъ насъ пытать за тое стане,
Ти мы такъ жили якъ християне.
Мы Тя благаемъ и руце возносим,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
И судъ выдасть Богъ Справедливы,
«Идите во огонь неугасимый».
Мы Тя благаемъ и руце возносим,

Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.
Отъ того храни насъ, Божая Мати,
И не дай намъ в грехахъ умирати.
Дай же намъ Сама съ греховъ повстати
И Сына Твоего переблагати.
Мы Тя благаемъ и руце возносимъ,
Спасай насъ, спасай насъ усердно просимъ.

Заступнице усердная

Заступнице усердная, Маріе милосердная,
О, Мати Бога Вышняго, Христа Царя Всевышняго.
Ты молишь Сына Твоего, Владыку Спаса нашего,
О всехъ къ Тебе взывающихъ,
Подъ кровь Твой прибегающихъ.
Усердно молишь Ты Творца, Благога Бога и Отца,
Чтобъ за Твое моленіе всемъ даровалъ спасеніе.
О госпожа, благая Мати, подай Твою намъ благодать
Святаго заступленія и въ скорби утешенія.
Владычице небесная, Невесто неневестная!
Подай въ бедахъ терпенія, въ болезняхъ исцеленія.
О, Дево благодатная, надежда невозвратная,
Во дни напастей, бедъ, скорбей
Предстань покровомъ для людей,
На крестъ Христовъ взирающихъ,
Христа изображающихъ
Съ усердиемъ въ своихъ душахъ,
Съ любовію въ своихъ сердцахъ.
Крестомъ Христовымъ всякій часъ, Владычице,
Спасай всехъ насъ
Отъ вражыхъ пагубныхъ сетей
И отъ безбожныхъ злыхъ людей.
Неверныхъ верой просвети,
Заблудшихъ къ Богу обрати,
Жестокосердныхъ умягчай,
Злодеевъ тайныхъ обличай.
Душъ нашихъ все убожество,
Греховъ, пороковъ множество
Покрый Твоей любовію, омой Христовой кровію.

Предъ образомъ святымъ Твоимъ
Молитвенно мы предстоимъ
Съ душами умиленными, съ сердцами сокрушенными.
Взираемъ мы на образъ Твой
И плачемъ горько предъ Тобой,
Царицей милости, щедротъ,
Родною Матерью сиротъ.
Невинныхъ защити въ суде,
Несчастливымъ помоги въ беде,
Утехой будь изгнанникамъ,
Всемъ узникамъ и странникамъ.
Простыхъ людей благослови
И дай имъ чувство любви
Къ духовному ученію,
Къ святому просвещенію.
Всехъ насъ, Царице, просвещай,
Всехъ, Богородице, спасай,
Ты всемъ Божественный покровъ
Твоимъ детямъ отъ злыхъ враговъ.

Пречистая Дево, цвѣтъ благовонный
Пречистая Дево, цвѣтъ благовонный,
На помощь, Маріе, отъ Бога намъ данный.
Все людѣ прибегайте,
Все людѣ прибегайте,
Благодать обрѣтайте отъ Маріи.
Коль часъ приходитъ въ бедахъ Тя просити,
Не извольже, Дево, лица отвратити,
Буди съ нами день и ночь,
Буди съ нами день и ночь,
Даруй намъ Свою помощь, Маріе.
Ангеловъ Царице, прославленна въ небе,
Не презри молитвы во всякой потребе.
Встанься до Сына Своего,
Встанься до Сына Своего,
Да ради грѣха нашего люте не згинемъ.
Иисусе сладчайшій, къ Тебе припадаемъ,
Мы, Твои слуги, молимъ Тя, благаемъ,

Не допускай на насъ кары,
Не допускай на насъ кары,
Зливай на насъ свои дары и помилуй нас!

Мати милосердія, море щедротамъ
Мати милосердія, море щедротамъ,
Буди милостива беднымъ сиротамъ,
Не дай во клети греховъ сидети,
Да изволить нами Сын Твой владети.
Иже притекаетъ къ Тебе, Марія,
Во благо да имать се знаменіе.
Тя да возлюбить, честь усугубить,
Во веки своей души не погубить.
Кто изреши можетъ тайну сицеву,
Яко благо чтити Матерь Цареву,
Въ Ней воплотился, изъ Нея родился,
Къ матернимъ молитвамъ весь приклонился.
Рыдайте все горько своего стану,
Господь рече «сужду, въ чемъ ты застану,
Чи въ благомъ деле, чи въ грешномъ теле,
Каждый отъ дельъ воздасть ответъ по силе».
Ужаснейшая суть словеса сія,
Въ онъ же часъ не мните, приидеть Судія,
Начнетъ судити, добрымъ платити,
Злыхъ же пошлетъ во адъ мучити.
Помянувшѣ онъ гласъ страшныя трубы,
Трепетъ обдержитъ насъ злыя пагубы,
«Какъ предъстоимъ предъ лицемъ Твоимъ?
Не суди мя, Спасе, по деламъ моимъ».
Долги отпущати власть есть Вышняго,
Во образе даде намъ Себе Самаго,
Благотворити, не осудити,
Онъ же намъ изволить долги простити.
Зельными мя страстьми врагъ окружаетъ,
Еще же тяжшими плоть досаждаеть,
Не одинощи, но въ дни и въ нощи
Не даютъ покоя моей немощи.
Нагъ во миръ изыдохъ, нагъ возвращуся,

Разве отъ дель скверныхъ въ студию облечуся,
Молимъ Тя, в той часъ не забуди насъ,
Мати Владычице, услыши нашъ гласъ.
Слезныя намъ струи подаждь излити,
Да возможемъ тину греховъ измыти,
Храни вечныхъ мукъ, діавольскихъ рукъ,
Егда позоветъ насъ на судъ трубы звукъ.

Чудотворной иконе Богородицы Почаевской

Пасли пастыри овцы на горе,
Увидели Матерь Божу на скале.
На той скале стопку знати,
Где стояла Божая Мати,
Там воду берутъ,
Всем вернымъ дають.
О, Пречистая Дево Маріе,
Где в Почаеве Икона Твоя,
Чуда Твоя надъ чудами
Показала надъ Турками,
Бо Твоя сила всехъ победила.
Зъ града Збаража въ Почаевъ пришли,
Много народу христианъ нашли,
Зачалися уганяти,
Якъ бы могли всехъ достати,
Раду складають, все ся змовляють.
Въ вавторак рано браму облягли,
Законникову главу истяли,
Онъ взявъ, несе свою главу,
Матце Божой дае славу,
Передъ образомъ паде, дух свой предаде.
Все в монастыри плачуть, рыдають,
Руце подносятъ, крыжомъ падають:
Змилуйся же Дево Мати,
Не дай намъ погибати,
Въ несчастной доле, турковъ неволе.
За единъ бо день съ турецкой земли
Стали въ Почаеві чернецъ з неволи
Матерь Божию ублагати,

Щобъ схотела отогнати
Злыхъ басурмановъ, магометановъ.
Божая Мати всемъ ся зъявила,
И омофоромъ верныхъ покрыла.
«Не бойтесь християне,
Не возьмутъ вас бусурмане
Въ свои руки, въ тяжкие муки».
Иов Железо предъ Марією сталъ
На поветру всемъ видимою,
Просить Пани Монархини:
«Не опускай той святыни,
Яко Царица и Владычица».
Турки-татары смело ступають,
На гору стрелы, якъ дощъ, пускають,
Угоняются съ мечами,
Мають стрельбы за плечами.
Ихъ же все стрелы назад летели.
Крикнулъ на войско турецкій паша:
«Все мы погибли, недоля наша,
Назад стрелы ся вертають,
И насъ самихъ забивають,
Що я такого бачу дивного?!»
Съ того ся все турки дивовали,
Такого чуда имъ ще не видали,
Знать, съ небес Божія силы,
Полки войска наступили,
Насъ прогоняють и убивають.
«Вы християне» турокъ пытаеть,
Що то за Пани на горе сіяеть?
Съ нею войско и съ мечами
Поступае все за нами,
Нейде землю, но облаками».
А християне такъ им сказали:
«То Матерь Божія стоить с Ангелами,
Ея образъ въ Монастыре
Славень чудень въ Божіей силе.
Которую маеть и всемъ являеть».
Страхомъ великимъ все закричали,

Божую Матерь «Божкомъ» назвали.
«На поветру стоитъ “Божка”,
Съ нею пришло много войска,
Недоля наша; забитый Паша!».
Все басурманы зъ мисця рушаютъ,
Съ коней падають, карки ламають,
Съ Почаева утекають,
Невольниковъ оставляють.
Маріи сила страшна имъ была.
О, Мати Божія, мощна Царице,
Мы предъ Тобою падемъ на лице.
Прибуди в помощь и въ часъ смерти,
Не дай въ грехахъ намъ умерти,
Предстательнице, всехъ Заступнице!

Къ Тебе, о Матерь Пресвятая
Къ Тебе, о, Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести свой глас.
Лицо слезами омываю,
Услышь меня въ сей скорбный часъ.
Прійми мои теплейшія моленья,
Мой духъ отъ бедъ и золь избавь,
Пролей мне въ сердце уміленье,
На путь спасенія наставь.
Да буду чуждъ своей я воли,
Готовъ для Бога все стерпеть,
Будь мне покровъ во горькой доли,
Не дай въ печали умереть.
Ты всехъ прибежище несчастныхъ,
За всехъ молитвенница насъ,
О защити, когда ужасный
Услышимъ судный Божій гласъ.
Когда закроетъ вечность время,
Гласъ трубный мертвыхъ воскресить,
И книга совести все время
Греховъ моихъ изобличить.
Покровъ Ты верныхъ и отрада,
Тебе молюся всей душой,

Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной.

О, всепетая Мати

О, всепетая Мати, о, всепетая Мати,
О Мати благодати.

Мати благодати исполнена,

Исполнена благодати, Пречистая

Дево Мати, помилуй насъ.

Подъ Твою милость прибегаемъ,

Подъ Твою милость прибегаемъ,

Грешнии со лики и двory прибегаемъ.

Прибегаемъ к Тебе, Мати,

Сподоби насъ благодади Сына Тваего.

Милосердія двери, милосердія двери

Отверзи, Благословенная,

Отверзи намъ, Дево чистая, Христіанамъ.

Мы, грешнія, Тебя просимъ,

Руце наши къ Тебе возносимъ, помилуй насъ.

Чудесна въ той царской короне,

Чудесна въ той святой иконе,

Во Баре Пречистая лилія,

Въ алтаре чудесная Марія поставленна,

Поставленна, прославленна.

Помилуя мя, осужденна, на веки аминь.

О, Пресвятая Мати Дево

О, Пресвятая Мати Дево, помощнице моя,

Помога намъ христіанамъ завжди ласка Твоя.

Помога намъ христіанамъ завжди ласка Твоя.

Не во грехе первородномъ не есть Ты зачата,

Ажъ до неба Ангелами есть ты, Панно, взята,

Ажъ до неба Ангелами есть ты, Панно, взята.

А кто Тебе не восхощетъ а въ помощь призвати,

Нешасливы человекъ той може ся назвати,

Нешасливы человекъ той може ся назвати.

Тебе, Панно, власть подана грешнымъ помагати,

Бо Ты можешь Христа Бога за весь міръ благати,

Бо Ты можешь Христа Бога за весь міръ благати.

Ублагай нам, о Царице, у престола Его,
Сотворителя неба й земли і Сына Своего,
Сотворителя неба й земли і Сына Своего.
Щоб намъ тутъ на этомъ светі живот даровали,
А по смерти лице Его въ небе оглядали,
А по смерти лице Его въ небе оглядали.
Алиллуйя, Алиллуйя, слава Тебе Боже!
Не забудь насъ, Владычице, Маріе Госпоже,
Не забудь насъ, Владычице, Маріе Госпоже.
«Не забуду, аще буду за васъ всехъ молити,
Только прошу перестати да больше грешити,
Только прошу перестати да больше грешити».
А мы Тебя не забудемъ, пока жити будемъ,
Имя Твое всесвятое восхваляти будемъ,
Имя Твое всесвятое восхваляти будемъ.
Мы Тя будемъ выхваляти пока сего света
Сохрания насъ, Владычице, на многая лета.

Светло небо, со ангелы веселися днесь
Светло небо, со Ангелы веселися днесь!
Возыграйте горы, холмы и ты, роде весь!
Отъ неплодны раждаеся, съ Нею міръ обновляеся.
Предъизбранна, ожиданна Дево Маріе!
О чудо чудесъ новейшае! Како бо въ Тебе
Воможеть вместитися невместимый въ небе!
Престоль зде уготовляе, земныхъ слезы утоляе,
Въ сей сладкій часъ горестъ всякую отъ насъ отымае.
Представите, правдолюбцы, всею душою,
Радующеся, ублажимъ Матерь Божую:
Иоакима и Анны молитвы суть услышены,
Прозябе плодь, того весь родъ вечныхъ ублажить.
Адамъ и Ева отъ клятвы разрешаются,
Бо родися Матерь Бога, утешаются.
Радуйтесь, все языцы, бо праздникъ Отроковицы,
Воспевайте, восхваляйте Деву чистую.
Кой разум достойны песни Деве составить.
Звезды служатъ, солнце поеть, луна Ю славить.
Уста бранныя отверзи и надежду всю возверзи,

Благодати Самой дати, сіе есть дело.
Тою все пророцы конецъ ныне пріяли,
Юже въ ветхомъ завете изображали,
Отъ всехъ родовъ избранную, Деву Пренепорочную,
Явственню днесъ, человече весь роде приветствуй.
И ты велегласно въ гусли бряцай, Давиде,
Отъ твоихъ чреслъ Богоматерь во миръ изыде,
Маторянь, Марию, Сови, сродство Анны созови,
Торжествуйте и ликуйте въ рождество Девы.
Царица небесная на земли родися,
Изъ Нея же волею Вышній Богъ воплотися,
Во время последняго века, дабы спасти человека,
Изволивый, устроеный, яко же вестъ Самъ.
Иже Ту Предстательницу взыщещи,
Тебе, zde живущему, поможетъ, сподобить,
Въ тебе Бога въ Троице созерцати,
Ея помощь прославляти
Со святыми купно всеми во веки вековъ.

Рождество славно Приснодевы

Рождество славно Приснодевы
Восхвалимъ вси днесъ во гласехъ пенія.
О чудо, Дитя, та же и Мати,
Богу возлюбленна, свету нарожденна
Во спасеніе всехъ.
Жезль отъ корене Иесева,
Исполнишася Исаи слова:
Произыдетъ славно обещана давно
Красная лилія, Пречиста Марія,
Нарожденна Царица.
Звезда возсія, Солнце возводящи,
Сучецъ голубица оливный носящи:
Намъ грешнымъ Божія благоутробія
Даровательница, Марія Девица,
Мати Христа Бога.
Пророчески ликъ весело играетъ
Со Моисеемъ Ю предусматриваетъ:
Купину сей зрель, гору – Данииль,

Езекииль – врата, жезль и стамну изъ злата,
Руно – Гедеонъ славный.
А царь Царицу Давидъ именуеть,
Въ ризахъ позлащенныхъ свету изъявствуеть,
Семя – Авраамъ, Звезду – Валаамъ,
Иаковъ – лествицу, нетленно Девицу,
Исаія – родившу.
Все согласно днесь Марию сретаемъ,
Днесь рожденную песньми прославляемъ.
Вознесемъ до Нея все потребы своя,
Всещедрая Мати, не престань спасати
Правоверныхъ слугъ твоихъ.
О Дево Маріе, молися днесь съ нами,
Просимъ Тя усердно грешныя со слезами,
Земнымъ пособи, въ небе сподоби,
Со святыми жити, Тя съ Богомъ хвалити
На веки вечныя.

Воспойте согласно песнь нову прекрасно
Воспойте согласно песнь нову прекрасну
Маріи Девице, небесной Царице,
Все земляне христіане,
Котора на троне в горнемъ Сіоне
Руце подноситъ, за весь міръ просить.
Прошу Тя, Сыне любезный,
Пощади все христіаны и помилуй ихъ.
Любовно насъ смотри и омофоръ распростри,
Которымъ, Царице, Мати Владычице,
Покрываешъ, соблюдаешъ
На земли все роды отъ смертной природы,
Поветрія, брани всякія страны
Правоверныя воскоре
На земли же и на море неизменно.
Люта врага зело победила смело,
Олоферна давна, Воевода славна,
Юдифь иста, Дево чиста.
Смири враговъ роги цареви подъ ноги,
Покори поганы, спаси христіаны,

Дай намъ въ міре прожити,
Тя, Богоматерь, славить непрестанно.
Светлости святейша, надъ солнце яснейша,
Света не престаешь, благодать подаешь
Отъ небеси въ грады, веси,
Къ Тебе прибегаемъ, на помощь взываемъ,
Предстательнице, ходатаице,
Ко Творцу всехъ непреложна,
Маріе, Мати всевозможна, не презри нас.
Кивоть благодати Ты, пречиста Мати,
Въ Тя Слово вселися, изъ Тебя воплотися
Чудо красно, и ужасно,
Небесъ пространнейша, Серафимъ славнейша,
Ангель Царице, Богородице,
За насъ Сына благаешь,
Яко мати гневъ утоляешь справедливый.
Избранна святая, Порфира царская,
Блажимъ Тя вси роди, Ты же насъ свободи
Вражіихъ рукъ, пекельныхъ мукъ,
Упроси у Сына, о Мати едина,
Штобы въ день судны человекъ блудны
До благности былъ приятый
Черезъ Тебе, Чистая Мати, Надежда всехъ.
И еще въ Тебе во всякой потребе
Руце все возносимъ, о помощи Тя просимъ,
Призри насъ во смертный часъ,
Даждь, благая Мати, въ небе оглядати
Сына Твоего, Бога нашего,
Котораму честь и хвала
Съ Тобою чтоб не устала во вси веки.

Патріарси, торжествуйте

Патріарси, торжествуйте!

Отроковицы, бодрствуйте,

Со пророки ликовствуйте

Привѣтъ: Приведутся девы во следъ Ея

Ближнія Ея

Во святая святыхъ.

Ева, ныне веселися,
Непорочна Дщерь родися,
И во храмъ приведесея.

Привѣвъ.

Та во храмъ введесея,
Иерею воздадесея,
Ею же міръ весь спасесея.

Привѣвъ.

Захарія со девами
Пріемлетъ ю со свещами,
Возглашаютъ все устами.

Привѣвъ.

Архангелы торжествуютъ,
Богоматерь приветствуютъ,
Царицей именуютъ.

Привѣвъ.

Все же силы небесныя
Поютъ песни прекрасныя,
Отъ Давида писанныя.

Привѣвъ.

Соломоне премудрейшій,
День сей есть ти пресветлейшій,
Въ онъ же праздникъ всечестнейшій.

Привѣвъ.

Церковь твоя совершенна,
Чистымъ златомъ украшенна,
Ликовствуетъ просвещенна.

Привѣвъ.

Къ ней приходитъ днесь Девица,
Трилетствующая Юница,
Небесная Владычица.

Привѣвъ.

И мы все Ю да сретаемъ,
Непрестанно восхваляемъ,
Со пророкомъ восклицаемъ.

Привѣвъ: Приведутся девы во следъ Ея
Ближнія Ея
Во святая святыхъ.

На Покровъ Пресвятыя Богородицы
Истинная Мати света, Пречистая Дево,
Припадаемъ къ стопамъ Твоимъ, Госпоже Царице!
Милостива къ намъ Ты, Мати, буди,
Сына умоли за Твоя люди
В день честна Покрова.
Ты отъ Романа святаго, златая цевница,
Во Влахернахъ на воздусе видена бысть сице,
Со чинми ангель горе стояща,
Съ ними Матери мольбы творяща
Ко Сыну Своему.
Усугубляютъ молитвы Предтеча Христовъ,
Со пророки, мученики – Иоаннъ Богословъ,
Одесную Тя, Дево, стояли,
И съ Тобою Творца умоляли
За родъ христіанскій.
Лествицу Тя утверждenu патріархъ видяше,
Яже Твоя предстательства къ небеси являше,
Се ныне яве руце возносишь,
Сына Твоего за весь міръ просишь,
Верующій въ Него.
Исполняешь веселія днесъ во Твоемъ храме,
Простирая Свой омофоръ на святейшемъ раме,
Кто притекаетъ къ Твоей милости,
Спасенъ бываетъ отъ злой напасти,
Покровенъ Тобою.
Темъ ко Твоему покрову спешно прибегаемъ,
И надежду спасенія на Тебя возлагаемъ,
Моли Ты за насъ Сына Твоего,
Да не погибнемъ въ день гнева Его
Лютою казнію.
Еще молимъ, о Царице, Мати Царя славы,
Молящеса преклоняемъ смиренныя главы,
Ключу царствія пренебеснаго,
Избави насъ огня геенскаго
Мольбами Твоими.

Скинiя златая

Скинiя златая, ковчеже завета,

Видящи днесь младенца Сына повита.

Притевъ: Радуйся, Марiе, радуйся Приснодево,
въ нетленномъ рождестве Твоемъ.

И пастыремъ со Ангелы тайна явися,

Въ Вифлеемъ въ вертепе Христось родися:

Притевъ.

Воль и осель ту суще Творца познають,

Рожденному днесь Младенцу хвалу воздають.

Притевъ.

Звезда ясна сiяеть, Ему служаще,

Трi цари приходятъ дары носяще.

Притевъ.

О, Марiе Богомати! Молися за насъ,

Да возможемъ Тя хвалити мы на всякiй часъ.

Притевъ.

Небо и земля ныне торжествуютъ

Небо и земля, небо и земля

Ныне торжествуютъ,

Ангелы людямъ, ангелы людямъ

Весело спразднуютъ.

Притевъ: Христось родися, Богъ воплотися,

Ангелы спевають, царiе витають,

Поклонъ дають, пастырие грають,

Чудо, чудо поведаетъ.

Въ Вифлееме, въ Вифлееме

Весела новина:

Чистая Дева, чистая Дева

Породила Сына.

Притевъ.

Слово Отчее, слово Отчее

Взяло на Ся тело,

Въ темностяхъ земныхъ, въ темностяхъ земныхъ

Солнце засветило.

Притевъ.

Ангелы служатъ, ангелы служатъ

Рожденному Царю,
И во вертепе, и во вертепе
Творять Его волю.

Припевъ.

Три царіе, три царіе
Отъ востокъ приходятъ,
Смирну и ливанъ, смирну и ливанъ
И злато приносятъ.

Припевъ.

Царю и Богу, Царю и Богу
Тое все даруютъ.
Пастыри людемъ, пастыри людемъ
Дивну вестъ сказуютъ.

Припевъ.

И мы рожденну, и мы рожденну
Богу поклонъ даемъ,
Слава во вышнихъ, славу во вышнихъ
Ему запеваемъ.

Припевъ.

Ныне, Адаме, возвеселися

Ныне, Адаме, возвеселися,
Его Прамати, отъ слезъ отряся!
На Котораго вы ждали и с тоскою ожидали
Ныне съ Девы предъизбранной
Въ Вифлееме маломъ доме родился, явился.
Ему цари несутъ дары,
Злато щиро, ливанъ, смирну,
Отъ востокъ рекъ пророкъ.
Все патріархи и все пророки,
Ликъ Богоотецъ, съ ними отроки.
Торжествуйте, все на свете,
Ты уступай, ветхій завете,
Новый съ неба, его треба было давно.
Ныне явно настае, Богъ дае,
Коль съ небесъ на радость міру
Отецъ Сына намъ едина ниспослалъ, даровалъ.
«Слава въ вышнихъ» духи певаютъ,

Що Богъ родился, намъ возглашаютъ,
Котораго новорожденна и въ ясляхъ положенна
Звезда ясна и прекрасна озаряе, научае,
Що то Богъ съ небесъ дань,
А у ясель вошь и осель,
Якъ стояли, такъ познали
Всехъ рода Господа.
Ликуемъ и мы, ликуемъ цело,
Що Богъ на Себе взялъ наше тело,
Щобъ до неба насъ запровадилъ
И на троне Своемъ посадилъ.
За то Богу славу многу со Ангелы, Архангелы
Спеваемъ, воздаваемъ!
За те дары отъ всей твари щобы хвала не устала
Божеству, Рождеству!

Вселенная, веселися
Вселенная, веселися,
Богъ отъ Девы днесь родися,
Во вертепе со быдлѣты,
Которому кланяты,
Царіе приходятъ.
Тамъ Ангелы проницають,
«Слава въ вышнихъ» возглашаютъ,
Рожденному Отрочати,
Поспешаютъ поклонитись,
Во яслехъ лежащу.
Пастыріе прибегаютъ,
Смиранный поклонъ дають,
Познавъ Бога, днесь рожденна,
Отъ Маріи воплощенна,
Чистыя Девицы.
Ливанъ, смирну, злато – дары
Пришедшіе три цари
Новорожденнаму Цареву,
Вселенныя Господеви,
Отдають умильно.
Иосифе не смутися,

Веселіє днесь родися,
Сей плодь будеть тебе въ радость,
И въ веселье, и во сладость,
Отъ ныне и до века.
Пастырямъ уподобимся,
Рожденнаму поклонимся,
Да изволить миръ намъ дати,
Скорби въ радость пременяти,
Верующимъ въ Него.

Нова радость стала

Нова радость стала, яка небывала,
Надъ вертепомъ звезда ясна
Надъ светомъ возсіяла.
Где Христось родился, отъ Девы воплотился,
Якъ человекъ, пеленами убого повился.
Ангелы певають «Слава» восклицаютъ,
На небеси и на земли миръ провозглашаютъ.
Давидъ днесь играетъ, въ гусли ударяетъ,
Мелодично и предивно Бога восхваляетъ.
И мы тоже певаемъ, Христа прославляемъ,
Изъ Маріи рожденнаго смиренно благаемъ.
Просимъ Тя, Царю, небесный Владарю,
Даруй лета счастливыя сему господарю.
Въ мире проводити, Тебе угодити,
И съ Тобою въ царстве Твоемъ
Во векъ вековъ жити.

Видитъ Бог

Видитъ Богъ, видитъ Творецъ,
Що весь міръ погибае,
Архангела Гавріила в Назаретъ посилае,
Возвестити тайну ему, Богъ приходитъ в Вифлеему.
О, прекрасный Вифлееме, отверзи врата Едема.
Звезда ясна возсіяла, Тремъ царямъ путь показала,
Идутъ тые тріе цари, несуть Христові дары:
Ладанъ, смирну ще й кадило
Иисусу Христу приносили,

На колена припадають, Христа Бога выхваляють.
Иродь вельми засмутився,
Що Ісусь Христось народився.
Слуги свої розсылає, Христа вбита шукає.
Не знайшовшы Христа вбита,
Звелівъ детей погубити.
Слуги приказъ выполняють, малых детей убивають.
Десять тысячъ ще й четьре детей малыхъ погубили.
Плаче мати, ще й рыдає, Иродь детей убиває.
«Не плачь, мати, не рыдай,
Слезь своїхъ не проливай».
Якъ мне не тужити, побивъ Иродь мої діти!
Иродь детокъ убиває, їхъ обь камень розбиває,
Востримъ мечемъ розсікає, кровь невинну проливає.
Пійшов Иродь ажъ до аду, къ Люциперу на пораду.
А мы тому звеселимся, Рождеству поклонимся.

Христось Спаситель въ полночь родился
Христось Спаситель въ полночь родился,
Во вертепе бедномъ онъ поселился.
Надъ темъ вертепомъ звезда сияеть.
Христось родился, всемъ возвещаеть.
И сводъ небесный вдругъ растворился,
Въ вертепе темномъ светъ появился.
И хоры Ангель въ небе витали,
И песней дивной весь міръ оглашали.
И Ангель светлы предсталъ внезапно
Пастырямъ въ полі съ вестью отрадной.
Оне поспешно въ вертепъ приходятъ
И здесь въ ясляхъ Христа находятъ.
Со страхомъ великимъ у яслей стали
И на колени съ молитвою пали.
А надъ вертепомъ звезда сіяла.
Христось родился! всемъ возвещала.
Волхвы съ востока въ вертепъ приходятъ
И въ ясляхъ бедныхъ Христа находятъ.
Главы склоняют у яслей царі,
Христу приносять дарагія дары.

И вѣсть святую: Христа рождѣніе
Въ страну родную несутъ въ умиленіи.
А Иродъ злобны, въ лукавствѣ сердца,
Повсюду ищетъ Христа Младенца.
Детей невинныхъ онъ убиваетъ,
И кровь святую ихъ проливаетъ.
Святая Дева ночью уходитъ,
Христу въ Египте приютъ находить.
Христе Владыко, въ Твой день рожденья
Подай намъ темнымъ даръ просвещенья.
Для міра светъ Ты, людямъ отрада,
Спаси насъ грешныхъ отъ власти ада.
Въ грѣсахъ помилуй, храни въ напасти,
Избавь отъ злобы, спаси въ несчастьѣ.
Любви исполни сердца въ насъ, Спасе,
Дай міръ Твой всемъ намъ и Родинѣ нашей.
Прійми моленье и пѣснь святую,
Тебѣ поемъ мы: аллилуія,
Слава въ вышнихъ Богу, аллилуія,
И на земли миръ, аллилуія.

Иордане реко, уготовися
Иордане, реко, уготовися,
Бо се приходитъ Богъ креститися.
Плотію идетъ на твои струи,
Отъ Іоанна ища услуги.
О, Іоанне, изволь крестити,
Тако бо сему достоить быти.
Трепеща пророкъ длань простираетъ,
Се, Агнецъ Божій, ясно глашаетъ.
Духъ Святый въ видѣ голубя сходитъ,
Отецъ Небесный гласъ Свой низводитъ.
Море видевши возмущашеся,
Иорданска волна возвращашеся.
Что вспять, о струе, возвращаешася,
Творца своего устрашаешася?
Днесъ грѣхъ адамовъ оmyвается,
Глава змѣева сокрушается.

Днесь верныхъ роды все ликовствуютъ,
Ангелы купно соторжествуютъ.
Мы Иоанну уподобимся
И чистымъ сердцемъ скоро потщимся.
На речныхъ струяхъ Троицу славити,
Да достигнемъ в небесехъ пети:
Слава Тебе, Боже, предъ человеки
И предъ ангелы буди на веки!

Вонми, небо, земле, играй славно
Вонми небо, земле, играй славно,
Прійде креститися Господь явно.
Прійми, Иордане, крести Иоанне,
Владыку всехъ.
Струя водъ текущихъ кипяще днесь,
Трепещеть Креститель телесемъ весь,
Не могу возвести руку
И вознести на Владыку.
Но Творецъ предвечный се вещаетъ:
Крести, Мя, тако бо подобаеть.
Не смею, Владыка, Имя Твое велико
Страшаетъ мя!
Потомъ погрузився поверхъ главы,
Сокруши вскоре враговъ державы,
И попали въ воде силою крестною
Враговъ темныхъ.
Се, Агнецъ, вопіеть, стоять прямо,
Иже грехи міра возьмъ на рамо,
Ныне омываетъ и главы стираеть
Зміевыя.
Въ виде голубине Духъ схождаше,
Надъ главою его выспре паряше,
Небеса разводитъ и Отчій снисходитъ
Гласъ до Сына.
Сей Сынъ мой возлюбень, послушайте,
Въ Немъ же благоволихъ, все внимайте,
Иже царство готовитъ и всемъ даруетъ
Верующимъ.

Светло днесъ ликуемъ
Светло днесъ ликуемъ,
Песни воспеваемъ,
Бога Отца, Создателя
Сердцемъ восхваляемъ.
Той намъ благодать даль
Средь насъ пребывати,
Сына Его воплощенна
Въ Церкви обитати.
Голубица иста,
Марія Пречиста
Въ церковь приносить младенца,
Исуса Христа.
Старче, прииди семо,
Отдай поклонъ Богу,
Сего бо отдавна ждаль ты
Все дни попремногу.
Подними руками
Творца всего света,
Дабы насъ возблагословиль
На многия лета.
Пріять Его старецъ
Въ объятія своя,
Песнь самъ себе исходную,
Аки лебедь поя:
“Ныне отпусти мя,
Раба Тя, Владыко,
Старостию утружденна,
Ждуща Тя толико.
Видехъ бо очима
Светъ въ откровение
Языковъ и славу
Людей твоихъ спасение”.
Верни, воскликнемъ,
Духовно зыграемъ,
Съ Симеономъ и Анной
Христа прославляемъ!
Онъ бо насъ сподобить

Тоя благодати,
Со святыми вечно въ небе
Его созерцати.

Предивное торжество
Предивное торжество:
Въ теле людскомъ Божество!
Законъ давый сей исполняе,
По закону приймае
Въ церковь принестися.
Рождаша Сотворителя,
Верныхъ Искупителя,
Дае голубица два птенца
Такъ своего Первенца
Матерь искупляе.
Чистая голубица,
Нескверная ягница,
Яснейшая надъ солнце и зори,
Честнейшая надъ все хоры
Ангель и Архангель.
Надъ криль сельный белейша
И надъ кристаль чистейша,
Въ церковь на рукахъ Сына вносить,
Очищенія просит,
Суца безъ порока.
Симеонъ Ю встречаетъ,
Яко лебедь спѣваетъ:
«Ныне отпусти мя, Владыко,
Съ сего міра, елико
Милостивъ еси мне.
Отпусти мя отсюда,
Первый пророкъ да буду,
Отцомъ сетующимъ воспую
Во аде милость твою,
Яко к нимъ грядеши».
Старець держай Младенца,
Всея твари Первенца,
Рече «вернымъ на возстаніе,

Купно на паденіе
Невернымъ сей буде.
И твое, Мати бывша,
Безъ болезни родивша,
Сердце прободеть оружіе,
Якъ на кресте стемнеет
Предвечное Солнце».
Симеоне ерарше,
Великій Патріарше,
Вида Бога въ плоти рожденна,
Въ церковь принесенна,
Пестуне предивный.
Будь за нами причина,
Моли Матерь и Сына,
Да намъ позволить мирно жити,
Смерть благу заслужити,
Взоромъ Твоей смерти.

О, горе мне, грешнику сущу
О, горе мне грешнику сущу,
Горе благихъ дель неимущу.
Како на судъ Божій явлюся,
Како со святыми вселюся.
Отступихъ отъ Бога злобою,
Грехолюбивъ самъ съ собою,
Темность паче света кахаю,
Света благодати не маю.
Совлекохся перовой одежды,
Отчаяхся благой надежды,
Скверная одежда и дело,
Погубляетъ душу и тело.
Отъидохъ далече на страну,
Отъ рожець питатися стану,
Чуждъ дому небесна Владыки,
Недостоинъ жити съ человеки.
Временная предпочитаю,
А о славе вечной недбаю,
Чтожъ имамъ несчастный, творити,

Когда придетъ Господь судити?
Восплачуся вотще слезами,
Где не будетъ милости съ нами,
Чтожь услышу стражда на веки,
Ах, беда и вопль превеликій.
Ныне убо прежде дня судна
Представлю дела мои блудна,
Пойду предъ Отцомъ умилюся,
Да Его пищи насыщуся.
Пойду и реку Ему смело,
Согрешихъ Ти, Отче, зело,
Прими мя, заблудшаго сына,
Аки отъ наемникъ едина.

На Воздвиженіе Креста Господня

Крестнымъ древомъ Распятаго, увенчанна терніемъ,
Неверній Иудее приковаша гвоздіемъ,
Им же руце и нозе святїи
Его сквозь люте прободоше,
Кости и воч тоша, восплачемъ, христїане.
Лонгинъ темный приведенный Спасу прободе ребра,
Истече кровь дражайшая паче злата и сребра,
Паде капли едина на тварь темну Лонгина,
Очи отворила, благодать явила, ему спасительную.
Еврейскїй родъ, сіе видяй, во зло себе вменяше,
Ко Иисусу умершу яростїю дышаше,
О, народъ безумный, сердца каменнаго,
Дотоль не уверивый
И не познавый истиннаго Творца твари.
Богъ на кресте отъ лютейшихъ враговъ умираеть,
Живота Господь со разбойники ся вменяеть,
Три бо кресты создаша, на коемждо распяша,
Господь между двума бысть разбойникомъ,
О ужасно зрелище!
Аще же Ты среде двою разбойнику бе вися,
Но крестъ Твой, мерило правды,
Господи, явися,
Единъ ихъ Тя хуляща, другїй благословяща,

Темъ тому пагуба, сему же сугуба
Радость съ Тобою въ раи.
Новъ гробъ Тебе съ Никодимомъ Иосифъ устроиша,
Мажуще миромъ съ слезами, тамо упокоиша,
Но и въ немъ Тя хуляху, евреи пакостяху,
Стражей приставиша,
Дверь запечатавши, о-долготерпенія!
Како сія терпель еси, Иисусе,
Любви къ намъ неизмеримой
Призри днесъ съ креста на ны,
Въ царствіе Се помяни,
Не съ распинатели, но съ Твоими рачители,
Да пріимемъ честь на веки!

Иерусалиме светель

Иерусалиме светель надъ звезды днесъ буди,
Се бо Царь твой спаслъ есть нынѣ отъ ада люди,
Вострубите Ангеловъ лики,
Поправъ смертію смерть навеки,
Всякое древо цветы пускае,
Земля травы прозябае.
О воскресеніи Сотворителевомъ играйте,
Море, реки, съ человеки спевайте,
Горы, холмы, кедры помраченны,
Днесъ есте света исполненны,
Солнце лучи ясно испускае,
Съ подъ скалы темной сіяе, сіяе.
Ангель бо камень великій отъ гробъ отставиль,
Мироносицамъ велію радость изъявилъ,
Скорбь Маріи отнялъ горькую:
«Въ весь идите Галилейскую,
Тамъ обрящете Иисуса,
Грядуща до Еммауса, Еммауса».
Не плачь, Маріе, не касайся Мне, Христу,
Отхожу бо ко Отцу моему, Богу исту,
Иди къ братіи и рцы сіе,
Да прославлять Воскресеніе,
Азь бо пришелъ мірь спасти

Отъ геенскія пропасти, пропасти.
Зданія адовы, верей вечныя крушатся,
Врата медныя, ужья железныя ломаются,
Се бо съ крестомъ грядеть Царь славы,
Отцы, вознесите въ радость главы,
Ты, аде, плачь и горько рыдай,
Що Христось воскресь, поведай, поведай.
Ево, прамати, изволь сіе знати торжестно,
Сей день Господень, первый субботамаъ празднество,
Скачи, играй съ Отцы, Давиде,
И ты, Иессею прадеде.
Пиюще пиво днесь новое,
Отъ Христа камени данное, данное.
Широта земна есть наполнена светлости,
Призри на се, Адаме и Ево, съ темности,
Воспой гласно песнь таковую,
Лютымъ демонамъ ужасную,
Иже ключи Девы невредимый,
Ключи бездны сокрушивый, сокрушивый.
И ты, Соломоне, въ мудрости твоей то яви,
Яко былъ въ храме твоёмъ предивномъ укажи,
Победителю восклицаемо,
Во гласны кимвалы ударимо, ударимо,
Пенія лики весьма отновимъ,
Въ трубы, тимпаны все воззовемъ.
Царю славиму, непобедимо на веки,
Ему же служатъ Силы, Престола со Лики,
Власти вышній послушаютъ,
Вои Ангеловъ ся ужасають,
Хотящи зрети, но не могутъ,
Ныне Воскресшаму да поють, поють.
Крины сельныя, цветы своими бряцайте,
Рыбы морскія, звери и гады зыграйте,
Се бо Творецъ вашъ съ гроба воскресь,
Радость небу и земли принесь.
Людіе, другъ друга объемлите,
Гневъ и скорбь всю отложите, отложите.
И тако рцем все молитвенными словесы,

Христе воскресшій, сподоби быти где Самъ еси,
Христе, возсіявшій въ славе,
Честь и поклонъ Твоей державе,
Позволь намъ здесь долгій векъ жити
И даждь въ небе Тебе зрети.

Господь вознесется на небеса

Господь вознесется на небеса ныне,
Духъ Святой снидетъ ко Сионстей сени.

Привѣвъ: Вострубите, воскликните,
Вострубите предъ Царемъ,
Предъ Царемъ Господомъ.

О, гора святая, добробы ты зрети,
На тебе стоявшу Богу должно пети.

Привѣвъ.

Роди вси верніи, поклонъ воздадимъ,
Вознесшася Христа возблагодаримъ.

Привѣвъ.

Ангелы дивятся, зряще человека,
Другъ другу глаголють, егда се Владыка.

Привѣвъ.

Елеонску гору окружили беху,
И егда Господа быти разумеху.

Привѣвъ.

Лики составивше, гласы восклицаху,
Возьмите, князи, врата ваши взываху.

Привѣвъ.

Единъ апостольскі ликъ прискорбень бяше,
Ибо Вождь и Господь отъ нихъ отхождаше.

Привѣвъ.

О, Владыка, зовуть, сирыхъ не остави,
Ихъ же для царствія Твоего избравый.

Привѣвъ.

Не скорбите, рече, но въ граде сидите,
Обетования отеческа ждите.

Привѣвъ.

Се пошлю вамъ Духа отъ вышнія славы,
И приимете силу, нашедшую на вы.

Припевъ.

Како возвеличимъ днесъ Вознесеніе,
Им же соделал намъ Христось спасеніе.

Припевъ.

Апостоль устами Тя молимъ,
Ангельскими песньми по вся дни славимъ.

Припевъ.

Яко обещаешь еси апостоломъ дати,
И намъ изволь Духа Святаго послати.

Припевъ.

Спитъ Сіонъ.

Спитъ Сіонъ и дремлетъ злоба,
Спитъ во гробе Царь царей!
За печатью камень гроба,
Всюду стража у дверей.
Ночи темень садъ объемлетъ,
Стража грозная стоитъ,
Чуткій слухъ ее не дремлетъ,
Зорько въдалъ она глядитъ.
Ночь прошла. На гробъ Мессіи
Съ ароматами въ рукахъ
Шли печальныя Маріи
Безпокойство въ ихъ чертахъ.
И тревога ихъ печалитъ.
Кто могучею рукой
Тяжкій камень имъ отвалитъ
Отъ пещеры гробовой.
И глядятъ дивятся обе,
Камень сдвинуть, гробъ открытъ,
И какъ мертвая при гробе
Стража грозная лежитъ.
А во гробе полномъ света,
Кто-то чудный неземной,
Въ ризы белыя одетый,
Сель на камень гробовой.
Ярче молніи блистанья
Блеск небеснага лица,

Въ страхе вестницы взирають,
И трепещуть ихъ сердца.
Что вы, робкія, въ смятеньи,
Имъ сказалъ пришлецъ святой,
Съ вестью мира и спасенья
Возвратитесь домой.
Я ниспосланъ небесами
Вестъ чудесную принесть,
Нетъ живого съ мертвецами,
Гробъ ужъ пусть, воскресъ Христось!
И спешать оттуда жены,
И съ восторгомъ ихъ уста
Проповедуютъ Сіону
Воскресение Христа!

Троне вышній, днесь двигнися
Троне вышній, днесь двигнися,
Роде земный удивися,
Се Дева Богомати восходитъ
Обитати въ горнемъ троне,
Во Сіоне, вместе съ Сыномъ
Во граде едіномъ.
Вострубите, воскликните
Все согласно днесь.
Рцею купно все устами
И возовемъ со слезами,
Царице предъизбранна,
Богомъ Отцемъ въ небо званна,
Пріиди ныне отъ святыни,
Горней палаты, Дево и Мати,
Дажь намъ мирно, праверно,
Тя величати.
О, Девице, всехъ краснейша,
О, Царице, всехъ славнейша,
Тебе святыхъ соборы,
Купно съ небесными дворы
Почитають и зывають,
Возмите врата се бо Невеста,

От Ливана ожиданна,
Грядеть венчанна.
Сретають Ю Херувимы,
Окружають Серафимы,
Радостно воззываютъ,
Къ стопамъ Ея упадаютъ.
Прииди, Мати благодати,
Сяди на троне въ вечной короні,
Заступница будь всемъ выну
Къ Своему Сыну.
Тамъ днесъ небо торжествуетъ,
Земля горько болезнуетъ,
Апостолы рыдаютъ,
Со слезами вещаютъ,
Не остави но прослави
Всехъ насъ, Царица, Мати Девице,
Въ горнемъ троне даждь на лоне
Жити во Сионе.
Явственно днесъ известися,
Сколь Царица прославися,
Отъ земныхъ преставленна,
И къ небеси превожденна,
Ибо ныне въ той године
Мечъ изощренный, врагом явленный,
Посекаетъ, устрашаетъ,
Тьму прогоняетъ.
Народъ злой не ужаснулся
Еврейскій, одра прикоснулся,
Но вскоре посрамленны
Бысть Афоний, рукъ лишены,
Паль ниць слепо и се лепо
Виде Царицу, светлу Девицу,
Проводиму горе, зриму,
Ото всехъ славиму.
Небо все просветися,
Внутрь палата украсися,
Царица спешить яве
На podporу Твоей славе,

Пожеланна, прежде званна
Тщися-приятя, Божія Мати,
Чиста Дева, предъизбранна,
Богомъ венчанна.

Певница Ты благодати,
Дажь намъ убо созерцати
Отца, Духа съ Сыномъ
Въ Божестве единомъ,
Дабы въ міре и на небе
Тя непрестанно, Дева Марія,
Съ нимъ хвалили и славили
Во векъ желанно.

О кто, кто Николая любитъ
О кто, кто Николая любитъ,
О кто, кто Николаю служитъ,
Тому Святый Николай
На всякій часъ помагае,
Николае!

О кто, кто живе въ его дворе,
Помощникъ на земле и на море,
Изметъ его отъ напасти,
Не дасть ему въ грехъ впасти,
Николае!

О кто, кто къ нему прибегае,
На помощь его призываетъ,
Той не буде ошуканный,
И греховой уйде раны,
Николае!

Пастырю словеснаго стада
Изми насъ варварскаго ада,
Сохрани насъ отъ левой,
Постави насъ на правой,
Николае!

Николая имя знаменито,
Побеждай тезоимито,
Побеждай аріаны,
Сохраняй христіаны,

Николае!
Побеждай враговъ нашихъ всюду,
Помощникъ во скорбехъ намъ буди,
Хотящихъ насъ разорити,
Зволь ихъ уста заградити,
Николае!
Николае, молися за нами,
Просимъ Тя все со слезами,
Мы Тя будемъ выхваляти,
Имя Твое величати,
На веки.

Явный всему міру благодетелю
Явный всему міру благодетелю,
Православной веры известителю,
Ты аріанъ победилъ, вождя же ихъ постыдилъ,
Богу Отцу Духа Сына равна въ естестве едина
Цети научилъ.
Къ Тебе мы днесъ, Отче, все прибегаемъ,
Пастыря изрядна тя нарицаемъ,
Прійми паси Ты стадо, укрытися есть радо,
На Твоей благой пожити пасящися, свято жити
Человекъ можетъ.
Упасль еси добро Мірскія страны,
Удивилъ чудесами вся христіаны,
Нони Міра довольны, врачуются все больны,
Но и душъ нашихъ немощи во Твоей сильной помощи
Исцеляются.
Людіе все, Отче, днесъ бежать къ Тебе,
Взыскующе пользы въ своей потребе,
Отъ болезни и страсти желающесе спасти,
Убозіи и богаты ищутъ дары воспріяти
Въ Твоей благодати.
Честь Ти творить небо, міръ славу даетъ,
Воздухъ же и море добро Тя знаетъ,
Демонскія злы силы, где корабли топили,
Ты представши победилъ есь,
От потопа освободилъ есь

Во бури сущихъ.
Иныя надежды, святе, не знаемъ,
По Бозе и Деве на Тя уповаемъ,
Прими же всехъ въ поруку,
Не даждь врагамъ на муку,
Услыши насъ, Николае,
Церковь въ Тебе то признаеть,
Що вся еси всемъ.
Клеветы мірскія, мятежа, брани,
Всякихъ злоключеній такожь сохрани,
Отъ напасти и беды, града, тучи, невзгоды,
Предстани намъ, Николае,
Всякъ Тя бедный призываетъ
Въ помощь себе.
И вечныя въ конецъ храни пагубы,
О томъ къ Тебе мольбы творимъ сугубы,
Въ исходе души изъ телеси
Прибуди къ намъ с небеси.
Можешь тое исполнити,
Мы же съ Богомъ Тя славити
Будемъ во веки.

Дивный во делахъ Святитель
Дивный во делахъ Святитель великій,
Явился міру предстатель толикий,
Припевъ: Николае святейший,
Во чудесахъ славнейший,
Богъ Тя избралъ намъ,
Избралъ намъ.

Отъ сосць матерныхъ чудень познася,
Предстатель теплейший всемъ намъ показася.

Припевъ.

Отъ света славы имаше благая,
Тьму еретиковъ хульныхъ разоряя.

Припевъ.

Девы въ юности цветущи прекрасно,
Поютъ непрестанно песнь велегласно.

Припевъ.

Царіе, князи, патріарховъ лики
Глашають купно песнь Ти съ человеки.

Припевъ.

Всякъ бо просящій на земли и на море
Пріемлетъ помощь отъ Тебе воскоре.

Припевъ.

Пріими отъ насъ песнь, смиренно молимся,
Да овцы стада Твоего явимся.

Припевъ.

Гроздь еси зрелый горня винограда
Учини насъ внутрь небеснаго сада.

Припевъ.

Галаадскій славне пророче

Галаадскій, славне пророче, жителю
Иліе, теплейшій Божій служителю.

Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.

Ангелы Тя въ пламень огнемъ повиваху,
Родитель во сне виде, и огнемъ питаху.

Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.

Темъ ко чести Бога былъ еси ревнивый,
Льстивыя пророки огнемъ попалили.

Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.

Небеса заключилъ ключемъ твердымъ слова,
Да въ конецъ исчезнетъ прелестъ Ваалова.

Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.

Реку милостию ты разделилъ еси,
Конми огненными возлетелъ на небеси.

Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.

Видель еси Бога въ Хоривстей горе,
И славу зрелъ еси Христа на Фаворс.

Иліе преславный, ревнителю явный,

Моли Бога о насъ.
И предъ вторымъ страшнымъ пришествиемъ Христа
Ты обличиши лестъ приидешъ антихриста.
Иліе преславный, ревнителю явный,
Моли Бога о насъ.
Аще бы на суде томъ многость обрели
И съ тобою во векъ Господа хвалили,
Иліе преславный, ревнителю явный
Моли Бога о насъ.

Днесъ все христіане

Днесъ все христіане радостно ликуютъ,
Востокъ съ Западомъ купно торжествуютъ.
Ибо память сія на весь міръ возсіяла
Петра же и Павла.
Играй, Внесаидо, духомъ веселися.
Въ тебе бо Петръ Святый во міръ народися,
И оттуда званный, Апостоль избранный
Самимъ Спасителемъ.
Место Тарсъ хвалися родомъ Павла Свята,
Сосудъ сей избранный паче светла злата,
Провести Христово Имя предъ владыки,
Предъ всемъ Израилемъ, купно предъ языки,
Вселенскій учитель.
Тебе, Апостоле Петре, Христось веле:
Водныхъ рыбъ не будешь ловить отсель,
Будешь же ловити, простеръ слова речи,
Люди въ животь вечный.
Разсевая семя Божіяго Слова,
Въ Дамаску, о Павле, ту скорбь Ти готова,
Въ коше спущень бяше, далече бежаше,
Да многіхъ обращаешь.
Любяше Тя Господь, Петре, ибо явилъ
На Фаворстей горе светъ Своей славы.
Ты въ утвержденіе, намъ въ наставленіе
Въ вере несомненной.
Едва и ты мне любимы явился,
Павле, едва красоть вышнихъ насладился,

Въ небеса третя живой возлетая,
Чудныя вещи сказалъ.
Весьма суть подобны въ трудахъ и чести,
Спешили все людіе Христовы привести,
Сей Израиля, сей языкъ учитель
Быша избранны.
Кто сказати можетъ Твое терпеніе,
Петре Апостоле, за отвержение,
Въ проповеди стези, въ молитвахъ слезы
Безчисленны всюду.
А все труды Павла не можешь исповести,
Якъ всемъ вся бяше, хотя всехъ обрести.
Узы бо и раны быша налаганы
Безпрестанно быша.
Въ римскихъ вратахъ, Петре, Господь ти явился,
Дабы сообразно къ Нему представился,
Убо крестъ пріяти, на немъ ся распяти
Благоволилъ еси.
Смерть драгу за Христа и ты, Павле Святый,
По множайшихъ трудахъ изволилъ пріяти,
Темъ же усеченны, тела разрешенны
Къ Спасу пришелъ еси.
Якими ублажимъ васъ днесъ похвалами,
Якую достойную честь мы Вамъ воздамы,
Въ правду не имеемъ и недоумеемъ,
Разве Церкви мольбу.
Испросите Церкви, котору научите,
Властію и словамъ крепко утвердите,
Веры храненіе, а намъ спасеніе,
Первоверховницы.

Днесъ отверзеса весна благодати
Днесъ отверзеса весна благодати,
Начнемъ, верніи, днесъ торжествовати,
Въ он же всехъ созываетъ,
Яко финикъ процветаетъ,
Славный Георгій.
По веленію Діоклетиана

Послушилъ быти, не восхотевъ сана
Воеводства имети,
Только Христу служити
Сыну Божию.
Представъ цареви, проповеда Христа
Паче идоловъ Бога быти иста,
Мужественна дерзаше,
Самъ радостно иляше
Ко страданію.
Велель мучитель копіемъ пробити,
Жилами крепко тело его бити,
Копію согнувшуся,
Народу удивляшуся
Пребысть невреждень.
Привязанъ къ древу низу ниспущенный,
Бяше на дробны части раздробленный,
Ангелы его исцепили,
Мнози же поверили,
Что Христось есть Богъ.
Въ ровъ вапненный царь велель кинути,
Въ сапоги остры железны обути,
Но вапно ихъ не снеде,
Раненный ровно иде,
Славячи Христа.
Рече Магнентій воскресити мертва,
Да будетъ отъ нихъ Богу дана жертва,
Святыи же помолился,
Надъ гробомъ прослезився,
Мертва воскреси.
Чудесемъ темъ быша все изумлены,
Истинна Бога знати научены,
И увероваша мнози,
Кумиры не суть бози,
Только Христось – Богъ.
Между многими Георгій чудесны.
И вола падша бедному оживи,
Познали же правдива
Бога предъ веки жива,

Въ Троице едина.
Идоли еще словомъ въ прахъ обрати,
Невесть мучитель, какъ смерти предати
Посещи велить убо
Съ царицею сугубо
Веровавшею.
Сія торжества христомученика
Суть намъ виною духовна праздника,
Предстоить бо въ Сіоне
При Божественномъ троне,
Моляся о насъ.
Воине Христовъ, Георгіе святой,
Не престай о насъ предстательствовати,
Зде долгій веки прожити
И съ Тобою хвалити
Творца на веки.

Сподоби, Господи
Сподоби, Господи, въ вечерь сей
Безъ грѣха сохранитися намъ.
Благословенъ еси, Господи,
Боже Отець нашихъ,
И хвально и прославленно
Имя Твое во веки вековъ, аминь.
Буди, Господи, милость Твоя на насъ,
Яко же уповахомъ на Тя.
Благословенъ еси, Господи,
Научи мя оправдаемъ Твоимъ.
Благословенъ еси, Владыко,
Вразуми мя оправданиемъ Твоимъ.
Благословенъ еси, Святой,
Просвети мя оправданіи Твоими.
Господи, милость Твоя во векъ
Дель руку Твоею не презри.
Тебе подобаеъ хвала,
Тебе подобаеъ пеніе,
Тебе подобаеъ слава
Отцу и Сыну и Святаму Духу
И ныне, и присно,
И во веки вековъ, аминь.

Искапайте, горы

Искапайте, горы, днесь сладость и холмы,
Взыграйте въ общую радость,
Се ластовица, красна горлица,
Свете благодати всемь дае знати
Сіяющий съ небесь.
Проповедникъ Нова Завета
Приходить во страны земнаго света,
Солнца денница зарею лица
Предозаряе, всехъ просвещае
Во тьме греховъ сущихъ.
Предтеча Христовъ приходитъ,
Отъ ложеснь неплодныхъ нынеся родить,
Светъ всему миру съ горняго неба
Предвозвещае, проповедае
На земли явленный.
Ангель во плоти посылается,
Имъ же Божій Агнецъ изъявляется,
Право творите, путь готовите
Богу нашему, на ся вземшему
Всего міра грехи.
Елисавета, веселися,
Неплодствіе твое днесь разрешися.
Ты, Захаріе, вземъ решеніе
Своей немоты, съ всей охоты
Благослови Бога.
Въ рождестве семъ все веселимся,
Превеликихъ даровъ сподобимся,
Клятва решится, жизнь возводится,
Всякъ да кается, приближается
Небесное Царство.
Благодати отъ Иоанна
Той воспросимо, штоб была дана
Грехи простити, адъ позбыти,
Небо пріяти, въ немъ праздновати
Агнчее торжество.

ПѢСНЬ 61.

ОТАНЬ ДѢДЕ СЪ ГУСЛАМИ
БРАЩАИ ПЕСНЮ С. НАМИ

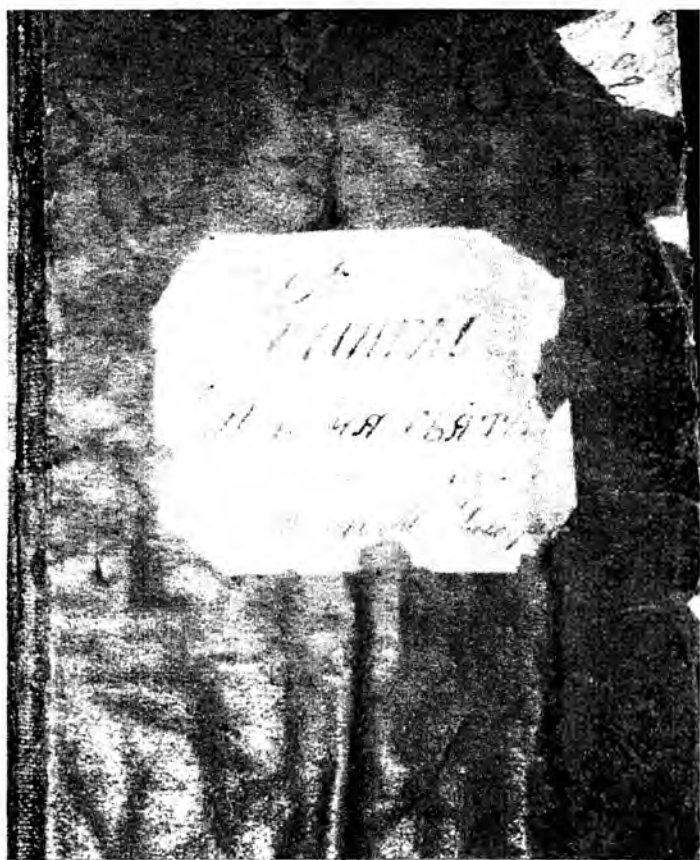
БЪ ХРѢТЪ РОЖДЕНОМЪ ИГРАИМО
И ВЕСЕЛО СПИВАИМО

ИГРАИМО СПЕВАИМО
СПЕВАИМО ИРАИМО

ДНЕСЬ ВО РОЖДЕСТВЕ ЕГО
НАКО ТВОРЦА НАШЕГО

ВЫХВАЛАИМО

АГГЕЛЫ СВОА ЛИКИ

Самодельный переплет книги «Жития святых», изготовленный в западнелитовской крестьянской среде в 1890 г.

Менша выдъ речеся.

ЖКЛЗНБ и

Варшавский институт общества

русского языка и литературы

в Варшаве

издано

в 1881 году

в типографии

И. П. Сивилева

в Варшаве

Житие святого Николая

Ч. 1

Западнобелорусские крестьянские записи XIX в.
на народной книге

Самостоятельный перевод с белорусского языка на русский язык
в 1881 г. в городе Варшаве издательством

Страницы записей белорусского рукописного источника
1881 г. 1881 г.

Цен. 35. 1. 1888 г.

Сир. П. П. П.

К. П.

М. П.

Ф. П.

1888 г.

Западнобелорусская крестьянская владельческая запись 1888 г.
на одном из изданий для народа

Церковнославянский язык в народной среде белорусов современной Польши

Можно со всей ответственностью констатировать, что сейчас у православных Польши изучение церковнославянского языка «это задача № 1 в деле религиозного обучения православных детей», как о том писал предстоятель Польской Автокефальной Православной Церкви митрополит Василий [1]. В последнее время появился целый ряд учебных пособий по церковнославянскому языку, подготовленных непосредственно в польской православной церковной среде и рассчитанных на самые различные уровни читателей, включая детей. Весьма заметна в этой связи деятельность протоиерея Станислава Страха, автора специальных учебников, словарей и множества статей на эту тему [2; 3]. Известный журнал «*Przegląd Prawosławny*», широко распространенный в Польше и за ее рубежами, печатает различные публикации о церковнославянском языке, в том числе и о языке литургии. Активную позицию в этом деле занимают и различные православные братства. Еще в 1993 г. Братство православной молодежи в Польше опубликовало в одном из своих изданий специальный «*Самоучитель церковнославянского языка*» [4], предназначенный для реализации одной из самых насущных потребностей православного юношества. Наконец, в 1996 г. в Белостоке был издан труд всей жизни одного из замечательнейших православных богословов Польши митрофорного протоиерея доктора Алексея Зноско – «*Церковнославяно-польский словарь*» [5], без преувеличения издание не имеющее современных аналогов в других странах. Недавно начатки православной грамоты стали активно преподаваться и совсем маленьким детям [6].

Вопрос о церковнославянском языке чрезвычайно актуален и для греко-католиков (униатов) в Польше. Известен даже случай перехода в православие целого униатского церковного хора, не пожелавшего заменить традиционный церковнославянский литургический язык на живой украинский. Весьма любопытно, что одна из хористок этого хора, кстати, музыковед по образованию, так объяснила причину своего перехода из униатства в православие: «Переход с церковнославянского на украинский – это изменение тональности, метричности, это иное звучание церковного пения» [7]. При этом она еще ссылалась на слова известнейшего композитора К. Пендерецкого: «Только церковнославянский язык созвучен церковной музыке и нельзя этого менять» [7].

В одной из белорусских крестьянских семей, живущих в районе польской части Беловежской пуши, нам удалось обнаружить своего рода рукописный сборник-самоучитель церковнославянского языка*, который ныне активно используется**. Из этого самоучителя, переписанного в послевоенные годы***, мы воспроизводим вступительный русскоязычный текст о том, как следует начинать учить детей «читать по церковнославянски». Мы воспроизводим обнаруженную рукопись с сохранением всех ее основных текстологических особенностей.

---

* Самоучитель этот, переписанный в обычную ученическую тетрадь, состоит как бы из двух частей – краткой азбучно-грамматической и практической.

** Как нам удалось установить, этот рукописный текст является обширным фрагментом статьи протоиерея К. Милькова, опубликованной в 8 номере журнала «Воскресное чтение» за 1938 г.

*** Более точно, к сожалению, определить время его написания не представляется возможным, однако это произошло не ранее конца 1940-х – начала 1950-х и не позднее 1960-х гг.

1. Bazyli, metrop. Język Liturgiczny Cerkwi // Церковный вестн. 1993. № 7. S. 6.
2. Strach S., ks. prot. Krótka gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego. Białystok, 1994.
3. Strach S., ks. prot. Szkolny cerkiewnosłowiańsko-polski. Hajnówka, 1996.
4. Samouczek języka cerkiewno-słowiańskiego // Wiadomości Bractwa. 1993. № 4. S. 11–14.
5. Znosko A., ks. dr. Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski. Białystok, 1996.
6. Uczymy się języka cerkiewnosłowiańskiego // Aniołek. 2000. № 3. S. 4.
7. Bołtryk M. Parafia w Stargarodzie Szczecińskim // Przegląd Prawosławny. 2000. № 9. S. 17.

*   *
*

«Законоучители на урокахъ Закона Божія должны ознакомлять школьнико́въ с церковнославянскимъ чтениемъ, т. е. научать ихъ читать по церковнославянски. Но тутъ встречаются затруднения: съ какого отдела начинать научание церковнославянскому чтению, въ какомъ порядке и т.п. Цель настоящей заметки указать способъ, какъ въ течение 1¼ часа Законоучитель можетъ научить школьнико́въ читать по славянски: на 5 урокахъ Закона Божія уделить по 15 минут (5*15 мин. = 1¼ часа) на объяснение детямъ, какъ читать по славянски. Что касается того, чтобы дети бегло и правильно читали по славянски, то, конечно, это дело потребуетъ большо́го времени, длительной практики и въ школе, и вне школы.

Итакъ, приступимъ къ наученію школьнико́въ читать по славянски. Прежде всего, является вопрос: съ какого класса начинать? Ответъ можетъ быть только одинъ: съ того време-

ни, когда дети в школе овладели уже механизмом чтения. Речь идет о тех школьниках, когда дети в школе овладели уже механизмом чтения. Значит, когда школьники уже могут бегло и правильно читать по польски, можно приступить к научанию их читать по славянски.

Начинать научение церковнославянскому чтению можно во всякое время, но лучше всего сразу с начала учебного года. И не в конце лекции Закона Божия, а в начале, пока голова у детей свежая, следует занять детей в течение 5 лекций (сразу или через 1,2) по 15 минут на каждой лекции. После каждой лекции необходимо давать школьникам на дом соответствующие примеры и упражнения, которые они должны приготовить к следующей лекции для закрепления в памяти того, что им объяснили, и для более правильного чтения по славянски. Способ учения сравнительный, т. е. через сравнение букв польского языка (азбуки), которые они уже знают, с буквами славянского языка (азбукой), которой они еще не знают, а чуть начинают изучать. Для этого все буквы польского и славянского алфавита разделены на 5 категорий: 1-я – буквы, которые в обоих алфавитах имеют одинаковое начертание и одинаковое произношение; 2-я – буквы, которые в обоих алфавитах имеют одинаковое начертание, но разное произношение; 3-я – буквы, которые в обоих алфавитах имеют различное начертание и различное произношение; 4-я – буквы сложные в обоих алфавитах; 5-я – буквы, особенные для каждого алфавита (в одном алфавите есть, в другом – нет). Сначала изучаются буквы прописные (большая), а потом простые (малая). Дети приносят тетрадки для начертания в порядке лекций букв обоих алфавитов, а дома упражняются по любой книжке Священного Писания, или богослужбной, и пишут примеры или упражнения, какие им задает Законоучитель на дом. Итак, начинается первый урок. В распоряжении Законоучителя 15 минут. Законоучитель чертит на доске и велит школьникам чертить у себя

в тетрадке заглавныя (большія) буквы 1-й категории, т. е. буквы, которыя въ польскомъ и славянскомъ алфавитахъ имеютъ одинаковое начертаніе и одинаковое произношеніе:

А, Е, І, К, М, Н, О, Т

причемъ, надо пояснить, что это – общій видъ буквъ обоихъ алфавитовъ, но некоторыя буквы имеютъ свои особыя черточки и придатки, которыя не мешаютъ общему виду буквъ, напримеръ, славянское **А** въ общемъ похоже на польское **A**, славянское **О** и **W** похоже на польское **O**. Немногимъ отличаются славянскія буквы **К, М, Н** отъ такихъ же польскихъ, а **Є, І, О, Т** – почти одинаковы. После этихъ поясненій пусть дети начертятъ два ряда буквъ: сверху польскія, а подъ чертой внизу соответствующія славянскія:

А, Е, І, К, М, Н, О, Т

А, Є, І, И, К, М, Н, О, W, Т

Далее Законоучитель чертитъ заглавныя буквы 2-й категории, т. е. те, которыя въ обоихъ алфавитахъ имеютъ одинаковое начертаніе, но не одинаковое произношеніе:

В, С, Р, У въ следующей таблице:

Польскія буквы

В, С, Р, У

по славянски пишутся

В, Ц, П, Ы

Славянскія буквы

В, Ё, Р, У

по польски пишутся

W, S, R, U

Начертивши буквы 1-й и 2-й категории, Законоучитель велитъ ученикамъ научиться дома чертить эти буквы и составлять слова въ пределе вышечисленныхъ буквъ; кроме того,

рекомендуеть ученикамъ въ какой-либо церковнославянской книгѣ узнавать и произносить уже знакомые буквы или даже слоги и слова. На этомъ кончается первый урокъ или правильнее 15 минутъ на первой лекціи Закона Божія, которыя употреблены на наученіе детей церковнославянскому чтенію.

Второй урокъ церковнославянскаго чтенія можетъ занять 15 минутъ на следующей лекціи Закона Божія или по прошествии 2–3 лекціи. За это время можно требовать отъ учениковъ представления къ каждому уроку Закона Божія письменныхъ упражненій въ черченіи церковнославянскихъ буквъ, слоговъ и словъ и въ пробахъ чтенія по какой-либо церковнославянской книжкѣ.

На второмъ уроке Законоучитель уделяетъ 15 минутъ на черченіе заглавныхъ буквъ 3-й категоріи, т. е. такихъ, которыя въ обоихъ алфавитахъ имеютъ различное начертаніе и различное произношеніе, какъ показано въ нижеследующей таблицѣ:

Польскія: **Д,   Ф,   Г,   Ж,   Ъ,   Л,   З,   Ѣ**

Славянскія: **Д,   Ф,   Ѳ,   Г,   Й,   Л,   Ль,   З,   Ж**

На этомъ же второмъ уроке сообщаются детямъ знаки надстрочные, какъ въ польскомъ, такъ и славянскомъ чтеніи: знакъ смягченія (˘) въ польскомъ языкѣ, онъ же знакъ ударенія въ славянскомъ языкѣ; придыханія, титла и т. п. въ славянскомъ языкѣ, и ихъ значеніе. Задаются соответствующія упражненія на домъ и чтеніе по церковнославянской книгѣ.

На третьемъ уроке Законоучитель чертитъ заглавныя буквы 4-й категоріи, т. е. такія, которыя называются сложными въ обоихъ алфавитахъ и 5-й категоріи, т. е. буквы особенныя для cadaго алфавита, какъ это видно изъ нижеследующей таблицы:

4-я категория:

Ch, CZ, SZ, U, Ju, Ja, Je, Dz, RZ

Х, Ч, Ш, ОУ, Ю, ЯА, Ё, ДЗ, РЖ

5-я категория:

Н,	Je,	Ot	Ks	Ps	I	не	соответ-
						чита-	ствует
						ется	знаку
							смяг-
							чения

звук	Ѣ	Ѡ	Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѣ,	'
средний						Ѣ	
между							
Г и Х;							

В начертании этих букв 4-й и 5-й категории проходят 15 минут 3-й лекции Закона Божия. На дом даются новые упражнения и чтение по церковнославянской книжке.

На четвертом и пятом уроках Законоучитель чертит на доске простые (малые) буквы первой и второй категории применительно к таблицам тех же категорий заглавных (больших) букв, как вышешоказано:

1-я категория:

Польскія:	а,	е,	і,	к,	о,	т,	почти
Сла-	а,	е,	і, и,	к,	о, ѡ,	т,	одинако-
вянскія:							вые в на-
							чертании

2-я категория:

Польскія:	с,	р,	у	Славянскія:	с,	р,	у
Славянскія:	ц,	п,	ы	Польскія:	s,	r,	u

Въ первой категоріи малыхъ буквѣ, по сравненію съ той же категоріей большихъ буквѣ, отпали славянскія буквы *ì* и *í*, какъ имеющія свое отдельное начертаніе, а потому отнесены къ малымъ буквамъ 3-й категоріи. Также и по той причине изъ 2-й категоріи отпала буква **В** польская, ибо малая буква имеетъ свое отдельное начертаніе и тоже отнесена къ 3-й категоріи. На домъ даются соответствующія упражненія.

На пятомъ уроке Законоучитель чертитъ малые буквы 3-й категоріи по нижеследующей таблицѣ:

Польскія:

b, d, f, g, h, j, k, l, m, n, t, u, w, z, ż

Славянскія:

б, д, ф, ѡ, г, - й, л, ль, м, н, т, Ѹ, в, з, ж

О буквахъ малыхъ 4 и 5 категорій законоучитель поясняетъ, что они имеютъ то же начертаніе, что и большія буквы, только меньшаго размера. На домъ даются соответствующія упражненія.

После вышеуказанныхъ пятиминутныхъ лекцій школьники уже будутъ слегка уметь читать по славянски. Конечно, будутъ еще ошибаться, особенно, если кто изъ нихъ поленился и мало писалъ упражненій, или мало писалъ дома после изученія буквѣ той или другой категорій. Дело Законоучителя и после этихъ пяти лекцій не оставлять школьниковъ вне своего вниманія; наоборотъ, онъ долженъ всегда стремиться къ тому, чтобы дети хорошо читали по славянски и могли участвовать въ церковномъ чтеніи и пеніи, что такъ важно въ воспитательномъ отношеніи для детей и, вообще, для красоты и торжественности службы церковной».

Один из современных западнобелорусских детских рисунков с надписью на церковнославянском языке

Доктор богословия митрофорный протоиерей Алексей Зноско
(1912, г. Брест – 1994, г. Ломжа)

ks. dr Aleksy Znosko

SŁOWNIK
CERKIEWNOSŁOWIAŃSKO
- POLSKI

WYDANIE DRUGIE
POPRAWIONE I UZUPEŁNIONE

V

dodatek

HASŁA CERKIEWNO-TEOLOGICZNE

WARSZAWA
1989

Титульный лист заключительной части рукописи
«Церковнославяно-польского словаря» о. Алексея Зноско

Церковнославянизмы в современном поточном языке коренного восточнославянского населения крайнего западного пограничья *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana* и рукописный «*Słownik języka wsi Chraboły k/Bielska Podlaskiego*» Н.С. Врублевского

Во время наших экспедиционных исследований на белорусско-украинско-польском пограничье неоднократно удавалось знакомиться с самыми различными лексикографическими материалами, собиравшимися местными жителями, которые, как правило, весьма неохотно показывали их посторонним. К числу уникальных в ряду подобных материалов принадлежит «*Słownik języka wsi Chraboły k/Bielska Podlaskiego*», составленный в 1960-е гг. уроженцем деревни Храболы Николаем Симоновичем Врублевским [1]. Словарь насчитывает более 19 тысяч слов, касающихся всех сторон жизни здешних крестьян, из среды которых происходит и его составитель Н.С. Врублевский, родившийся в 1936 г. на одном из хуторов вблизи Храбол. Выпускник Белорусского лицея в Бельске Подляшском и Белорусского государственного университета в Минске он в течение ряда лет (1961–1970) трудится в Варшавском университете, затем житейские неудачи начинают преследовать его одна за другой и он возвращается на родную Белостотчину, полностью порывая связь с польским ученым миром. Приостанавливается и его работа над словарем языка деревни Храболы, который остается незавершенным. Н.С. Врублевскому удается закончить лишь составление реестрового словника.

Несмотря на то, что традиционный поточный язык восточнославянского населения Подляшья именовали и все чаще, особенно с 2002 г. и прежде всего в интеллигентских

кругах, начинают именовать «русским», местное население упорно называет его «прóстой мовой», «тутейшей мовой», «нашей мовой». Все это относится и к жителям и уроженцам Храбол, с которыми нам приходилось общаться, называвшими язык своей деревни «прóстым». Язык этот имеет ряд своих собственных специфических черт, что связано с исторической судьбой Храбол, возникших в XV – начале XVI в. (первое письменное упоминание в 1536 г.) как поселение православных «русских» бортников и бобровников неподалеку от реки Нарев. Анализируя словник Н.С. Врублевского, можно, в частности, отметить огромный пласт заимствований преимущественно из русского разговорного языка, что прежде всего, конечно же, было связано с так называемым беженством 1915–1920-х гг. – практически поголовным пребыванием жителей Храбол в глубине России после их эвакуации с Подляшья.

Особый интерес представляют церковнославянизмы в составе «прóстой мовы» Храбол, которые, как мы можем судить, составитель словника зафиксировал далеко не полностью. Примером могут служить широко распространенные и по сей день употребляемые местными жителями такие слова, как «акафист», «богогласник» и другие, отсутствующие в рукописном словнике.

Наличие в языке жителей Храбол церковнославянских элементов, их частое и широкое использование не являются чем-то исключительным и для всего восточнославянского населения Подляшского воеводства современной Польши, что было связано практически с общей его судьбой на протяжении столетий. Многочисленные документальные и иные свидетельства, зафиксированные и изученные нами в ходе экспедиций, анализ этих материалов позволяют нарисовать достаточно наглядную картину появления большей части церковнославянизмов в поточном языке жителей Храбол и окрестностей. Собственно этот церковнославянский лексический массив состоит как бы из нескольких пластов, сложив-

шихся в разное время и не без потерь и всевозможных трансформаций продолжающихся и по сей день:

- 1) древнейшего доуниатского;
- 2) униатского XVII – начала XIX в.
- 3) постуниатского первой половины XIX – конца XIX в.;
- 4) православного конца XIX – начала XX в. и периода беженства 1915–1920-х гг.;
- 5) православного в межвоенной Польше, в годы Второй мировой войны;
- б) православного в послевоенной Польше.

Сравнительно недавно известный белорусский лингвист Г.А. Цыхун писал о «кирилло-мефодиевских элементах (словах, выражениях и тому подобном)» и вообще о «кирилло-мефодиевской традиции в белорусском народном и литературном языках» так: «... если сравнить суммарное количество таких элементов в различных диалектах белорусского языка с их числом в литературном языке (согласно О.М. Николаевой, их насчитывается около 150), то можно придти к парадоксальному выводу о том, что народный язык ближе к кирилло-мефодиевской традиции, чем современный белорусский литературный язык» [2].

Лексический состав «простой мовы», различных ее территориальных вариаций и белорусского литературного языка позволяет говорить не о парадоксальности, а о закономерности, примером чего служит и все, связанное с судьбой церковнославянизмов в языке жителей Храбол.

Документальные материалы, собранные нами, дают возможность зафиксировать постепенную, с каждым десятилетием нарастающую замену в XVII – XVIII вв. многих элементов церковнославянской лексики польской и отчасти латинской через посредство польского языка. Это было время, когда в поточном языке оставалось очень немного церковнославянских слов, например, таких как «церковь», но и они, увы, часто заменялись в тех или иных случаях на польские и латинские аналоги. Весьма характерно в данной связи все,

связанное с так называемой паралитургией, в большинстве своем наследующей уже не кирилло-мефодиевскую, а латино-польскую традицию. Особый момент – переход с кириллицы на латиницу, на латинское письмо, преимущественно в его польском варианте. В конце концов доходило до того, что местные жители вслед за своим униатским пастырем начинали именовать литургию «мшой», то есть мессой, а его самого «ксендзом». Эти два столетия униатского или греко-католического времени оказались своего рода цивилизационной границей в истории местного восточнославянского населения, подвергшегося тогда взрывной экспансии западного мира, преимущественно через посредство *Slavia Romana*, серьезнейшим образом повлиявшего и на изменения и на замены в сфере церковнославянского лексического массива в здешних народных говорах.

Возвращение в круг *Slavia Orthodoxa* наступило на Подляшье лишь в первой половине XIX в., причем полномасштабное – с середины этого столетия. Тогда же наблюдается уже заметное к концу XIX в. наполнение местных говоров церковнославянской лексикой, что стало возможным благодаря переходу от греко-католичества к православию и появлению широкой сети народных школ, где активно преподавался церковнославянский язык. Особое внимание ему уделялось в церковно-приходских школах, количество которых здесь возрастало с каждым годом. Как свидетельствуют многочисленные местные церковно-приходские летописи, до сих пор сохраняющиеся в здешних церковных и частных собраниях, к концу XIX в. до половины, а среди молодежи и более, прихожан были грамотны. «Народ хорошо понимает пользу учения, – писал тогда один из священников, – и с охотой посылает детей в школу; при этом одинаково желает видеть грамотными не только мальчиков, но и девочек» [3].

К концу XIX в. церковно-приходская школа добилась огромных успехов в преподавании церковнославянского языка не только местной молодежи, но и взрослым. Православные

священники и учителя всех типов школ, начиная с так называемых передвижных, воскресных, грамоты и кончая расположенным неподалеку от Храбол в районе села Пухлы церковно-учительским институтом смогли добиться того, что среди местного населения в большом числе появились не только читающие различные церковнославянские тексты, но и переписывающие их и даже сочиняющие на церковнославянском языке. Все это в той или иной мере спроецировано и в нынешней день, в частности в форме повсеместного использования даже лицами среднего возраста при написании и переписке всевозможных паралитургических сочинений различных букв церковнославянского алфавита, активным использованием церковнославянской книжности того времени.

По свидетельству составителей церковных летописей, в приходах к концу XIX в. значительно изменилась языковая ситуация в церковной и околоцерковной сферах, что прямым образом влияло и на местную «прóсту мову» в целом. Православное духовенство начинает учреждать многочисленные приходские и прихрамовые библиотеки, наполненные в том числе и книгами на церковнославянском языке или содержащими большое число церковнославянизмов. И из этих, «наиболее народом уважаемых книг религиозно-нравственного характера», – как писал тогда один из местных священников [4], в разговорный обиход было постепенно введено большое число церковнославянизмов, включая целые языковые обороты. Распространяющаяся грамотность и любовь к чтению способствовала появлению собственных крестьянских библиотек, состав которых во многих церковных летописях в конце XIX в. описан примерно так: «Молитвослов можно найти в каждом доме, нередкость встретить и часослов, псалтырь, сборник акафистов, Библию. Польские молитвенники тоже в большом употреблении по домам у прихожан» [5].

Последнее объясняется не только и даже не столько уже почти отошедшим к концу XIX в. униатством местного восточнославянского населения, но в большей степени многолетним доминированием в здешней жизни, в том числе до середины XIX в. и в начальной школе, польского языка, воспринимавшегося в качестве основного административного, делового, письменного.

Церковнославянский язык со второй половины XIX в. во всех типах народных школ присутствовал в той или иной степени и в качестве самостоятельного предмета и изучался опосредованно: на занятиях по катехизации, церковному пению и других. В нашем распоряжении оказался целый ряд свидетельств успешного и довольно быстрого обучения церковнославянскому языку как в народных школах низшей ступени – школах грамоты, так и более высокой, например, так называемой двухклассной – с четырех-пятилетним сроком обучения, где изучению церковнославянского языка отводилось несколько часов в неделю. Вот как шло обучение в самой низшей школе в окрестностях Храбол в передвижной школе деревни Кнорозы: «Найбільш вучилися Закона Божяга і малітвы. Навука чытання пачыналася ад вывучэння на памяць усіх літараў», – вспоминал один из учеников [6].

Стоит ли говорить, что в начале XX в., когда грамотность среди населения из числа призывавшихся в армию составляла в среднем около 70%, церковнославянская лексика становилась обыденной и в поточном языке местного восточнославянского населения. Этому же способствовала церковная проповедь, ведущаяся как на местной «прóстой мове» или же с ее использованием, так и на русском языке, не говоря уже о самом православном богослужении. В окрестностях Храбол очень важным подспорьем в изучении церковнославянского языка явились так называемые церковные спевки, в ходе которых приохотились к грамоте, прежде всего церковнославянской, многие лица из числа местной молодежи, а также взрослые.

Период беженства 1915-го – 1920-х гг. – это время массового непосредственного соприкосновения эвакуированных вглубь России местных жителей с великорусским населением и его культурой. История беженства пока не изучена. Тем не менее имеется возможность восстановить в общих чертах картину интересующих нас многолетних непосредственных контактов восточнославянского населения Подляшья с великорусской культурой и языком. Вот слова одной беженки, достаточно точно и кратко описывающие этот непростой процесс: «Па-руску гаварыць мы не ўмелі. У нас... перад бежанствам на прывітанне гаварылі «нех бендзе похвалёны», а там у кожную пару інакш здароўкаліся. Але ж руская мова не нямецкая, хутка мы яе навучыліся. Нават, калі прыехалі на бацькаўшчыну, то цяжка было прывыкаць да польскай мовы. Між сабой мы гаварылі па нашаму» [7]. А вот еще одно упоминание, на этот раз записанное местным священником в церковной летописи, отчасти касающееся и церковнославянского языка: «...в Москве избрали своим временным местожительством до 15 священников Гродн. епархии, ...здесь была устроена церковь и школа, для совершения богослужения были назначены 2 священника Гродн. губ. и псаломщик... который организовал общенародный хор певцов и привлек сюда массу москвичей даже из высших слоев общества» [8].

Наследие старой имперской церковно-приходской школы продолжало использоваться местным православным восточнославянским населением и в межвоенной Польше 1918–1939 гг. Примечательно, что тогда же у местных жителей русский язык наряду с церковнославянским начинает приобретать статус «языка Православия», на котором только и возможно обучать детей основам религии. Нам известны многочисленные протесты и бойкоты, связанные с игнорированием польской администрацией подобных установок, хотя все же постепенно начальная школа почти полностью переходит на польский язык, в том числе и при обучении цер-

ковнославянскому языку. Ситуация несколько меняется в предвоенные, военные и послевоенные годы, когда в местных школах начинают преподавать белорусский литературный язык. Это практически никак не сказывается ни на статусе, ни на характере употребления в здешних местах церковнославянского языка, но в определенной степени влияет на «простую мову», что находит отражение и в словнике Н.С. Врублевского.

К настоящему времени словник этот, в котором зафиксирован состав «простой мовы» населения Храбол периода ее еще достаточно полноценного функционирования, может считаться одним из немногих масштабных памятников народной языковой культуры пограничья *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*. Он заслуживает скорейшего научного издания, что, надеемся, в полной мере осуществят со временем наши польские коллеги [9]. Мы же, чтобы дать наглядное представление об этом словнике, публикуем все его материалы на букву «а» в той самой транскрипции, которую употреблял составитель – Н.С. Врублевский [10].

1. Лябынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Рукописный словник «простой мовы» Н.С. Врублевского и церковнославянизмы в его составе // Палеославистика, лексикология и лексикография: Тез. междунар. науч. конф., посв. памяти Р.М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М., 2002. С. 34–35.

2. Цыхун Г.А. Кірыла-мяфодзіеўскія традыцыі ў беларускай народнай і літаратурнай мове // Славяне: Адзінства і многастайнасць. Міжнар. канф. 24–25 мая 1990. Мінск, 1990. С. 110.

3. Wołkowski A. Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej. Czarna Cerkiewna; Bielsk Podlaski, 1994. Отд. IV. Прихожане.

4. Там же.

5. Там же.

6. Рукописные записки Нестора Несторовича Перевоя (1887–1971) – «Залатая кніга пра вёску Кноразы».

7. Воспоминания Марии Лисовской 1901 г. рождения. Записаны в 1994 г. Г. Кондратюк. См.: Бежанства 1915 года. Беласток, 2000. С.179.

8. Цит. по: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000. С.102.

9. Польский культуролог белорусского происхождения Д. Фионик с 2001 г. начал публикацию этого словника отдельным выпуском в качестве приложения к своему журналу «Бельскі гостінец».

10. У православных Польши изучение церковнославянского языка – это важнейшая задача, о чем сейчас говорят все больше и больше, о чем неоднократно писал и ныне покойный предстоятель Польской Автокефальной Православной Церкви митрополит Василий [Wazyli, metrop. Język Liturgiczny Cerkwi // Церковный вестн. 1993. № 7. S. 6.], уроженец белорусских этнических земель северо-западной окраины польской части Беловежской пуши. Уже появился целый ряд учебных пособий по церковнославянскому языку, в том числе трудами протоиерея Станислава Страха, автора специальных учебников, словарей и множества статей на эту тему [Strach S., ks. prot. Krótka gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego. Białystok, 1994; Strach S., ks. prot. Szkolny cerkiewnosłowiańsko-polski. Hajnówka, 1996]. Журнал «Przegląd Prawosławny» печатает различные публикации о церковнославянском языке. Наконец, начатки православной грамоты стали активно преподаваться и совсем маленьким детям [Uczymy się języka cerkiewnosłowiańskiego // Aniołek. 2000. № 3. S. 4], которые охотно демонстрируют результаты обучения, например, в процессе подготовки к конкурсам иконографического искусства, когда на рисунках делаются соответствующие надписи на церковнославянском языке.

* *

*

Словник
języka wsi Chraboły k/Bielska Podlaskiego
Stan z roku 1967.

Ча́сць II

Zestaw leksykalny

Stron 661

Leksemow ok.19200

Sporządził Mgr Mikołaj Wróblewski

A

абажу'р, -а

або

або'ж

абошто'

абы

абыја'к

аванту'ра, -ы,

<авантурова'тисе

- уюсе

- уется

авантуры'ст, -а

ава'рыја, -и

австрали'јец, -йця

австали'јс'ки

австрыја'к, -а

австрыја'ц'ки

авто'бус, -а

автома'т, -а

автома'тчык, -а

ага'!

агита'тор, -а

агита'цыја, -ыи

агитова'ти, -тую, -туеш

а'γрест, -у

адвока'т, -а

а'дрес, -а

а'дресны

адресова'ти, -сую, -суеш

аж

аза'рт, -у

а'збука, -и

а'збучны

азэрбајджа'н

азэрбајджа'нс'ки

аја'(к/γ) жеш

ака'цыја

а'корд
акордо'вы
аксами'т
активи'ст
аку'ла
акура'тны
ал'бо'м
ал'у'е'рс'ки
ал'у'е'рыја
а'л'е
а'леж
алиме'нты
алкохо'л'
алма'з
ал'уми'н
ал'уми'н'овы
ал'пи'јски
ама'тор
амби'цыја
амбулато'рыја
амер'ыка
полудн'о'ва
пувнуо'чна
амерыка'нец'
ами'н
амне'стија
амортиза'тор
аму'р
анализова'ти
ана'рхија
анархи'ст
а'нгел
англи'јс'ки

англича'нин
англича'нка
анги'на
ане'мија
ане(у/г)до'т
а'ни
анк'е'та
анонимо'вы
анте'на
антило'па
анто'нуска
анул'ова'ти
апара'т
ап'ети'т
апте'ка
апте'чка
ара'(п/б)с'ки
аре'л'с'ки
аре'л'шчык
аре'нда
а'решт
арешта'нт
арешто'вувати
арештова'ти
а'ркуш
артил'е'рыја
артыл'еры'јс'ки
арти'ст
арти'стка
архи'в
архијепи'скоп
архијере'ј
архите'кт

аске́т
аспи́д
аспиры́на
а́стер
астроно́м
асфа́лт

атакова́ти
ата́ка
атама́н
ате́ны
а́тлас

атла́с
ато́м
а́томны
афи́ша
афра́н'с'ки

ок. 110

Н.С. Врублевский

У околицы деревни Храболы

Список иллюстраций

Белостотчина. Церковь Преображения Господня на вершине Святой Горы Грабарки	14
Тысячи обетных крестов на вершине Святой Горы Грабарки	15
Известные исследователи и собиратели православной церковной старины в Польше доктор богословия митрофорный протоиерей Григорий Сосна и матушка Антонина Сосна (Троц)	16
Современная западнобелорусская икона св. Онуфрия Великого (Супрасльский Благовещенский монастырь)	56
Современная западнобелорусская икона св. Онуфрия Великого (Супрасльский Благовещенский монастырь)	57
Фрагмент пергаменной кирилловской рукописи XIII–XIV вв. из книги-архива, содержащей уникальный экземпляр издания жития св. Онуфрия Великого (Супрасль, 1696)	58
Экземпляр польскоязычного издания жития св. Онуфрия Великого (Вильно, 1686), принадлежавший святителю Димитрию Ростовскому	59
Прикарпатское воеводство Польши. Церковь св. Онуфрия Великого в Посаде Рыботыцкой	60
Западнобелорусские земли с Новоградчиной на карте Великого княжества Литовского конца XVII в. (Амстердам, гравюра на меди)	83

Католический придорожный крест на современном белорусско-польском пограничье	84
Старинная хата на современном белорусско-польском пограничье	85
Схема Рыболовского церковного прихода и его окрестностей, помещенная о. Николаем Круковским в местной церковноприходской летописи (середина XX в.)	138
Церковь свв. Косьмы и Дамиана в селе Рыболы	139
Одна из первых в окрестностях Рыбол церковно-приходских школ, построенная в 1864 г. священником Григорием Сосновским в селе Трещанке (фото 1970-х гг.)	140
План Плёсковской церковно-приходской школы, построенной в 1904 г., составленный В.Н. Круковским	140
Новообретенная икона Богоматери Холмской (XII в.)	167
Бывший православный кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы в г. Холме, заложенный в первой половине XIII в., ныне римско-католическая базилика	168
В.В. Богданович	195
В. Богданович (крайний слева) среди членов Белорусского посольского клуба А. Овсяника (внизу), М. Кохановича (справа), В. Рагули (вверху слева) и С. Яковюка (вверху справа)	196
Рукописный список сочинений В. Богдановича, недавно найденный на Белостотчине Д. Фиоником	197
Страница «Описания Рыболовского Прихода» о. Николая Круковского	228

Настоятель Рыболовского прихода о. Николай Круковский среди прихожан	229
Белорусский культуролог из г. Бельска Подляшского Д. Фионик за просмотром церковной рукописи . . .	230
Страница одной из церковных летописей с Белостотчины, на которой описаны некоторые местные события в апреле 1938 г.	247
Страница западнорусского рукописного «Богослужения» (первая треть XX в.)	296
Самодельный переплет книги «Жития святых», изготовленный в западнорусской крестьянской среде в 1890 г.	297
Западнорусские крестьянские записи XIX в. на народной книге	298
Западнорусская крестьянская владельческая запись 1888 г. на одном из изданий для народа	299
Один из современных западнорусских детских рисунков с надписью на церковнославянском языке	308
Доктор богословия митрофорный протоиерей Алексей Зноско (1912, г. Брест – 1994, г. Ломжа)	309
Титульный лист заключительной части рукописи «Церковнославяно-польского словаря» о. Алексея Зноско	310
Н.С. Врублевский	323
У околицы деревни Храболы	324

Содержание

На пограничье славянских миров	3
Старобелорусская агиография в её связях с западноукраинской и польской: литературная традиция культа св. Онуфрия Великого	17
Сочинения земляков – предшественников Адама Мицкевича среди читателей наших дней	61
Церковно-приходская школа и церковнославянская письменность у белорусов в XIX – XX вв.	86
Живая древность: литературная традиция культа иконы Богоматери Холмской наших дней	141
Писания В.В. Богдановича о роли и значении церковнославянского языка в судьбе восточного славянства	169
«Русское» и «польское» в западнобелорусской церковной среде первой половины XX в.	198
Великорусское наследие в западнобелорусском церковном летописании 1930-х гг.	231
Пинский «церковный обиход» и белорусская народная рукописная книжность	248
Церковнославянский язык в народной среде белорусов современной Польши	300
Церковнославянизмы в современном поточном языке коренного восточнославянского населения крайнего западного пограничья Slavia Orthodoxa – Slavia Romana и рукописный «Słownik języka wsi Chraboły k/Bielska Podlaskiego» Н.С. Врублевского	311
Список иллюстраций	325

ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОЕ
ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ
XVII – XX вв.

Лабынцев Юрий Андреевич
Щавинская Лариса Леонидовна

Ответственный за выпуск *Т.И. Рощина*

Подписано в печать 13.03.04. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура ТАЙМС.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,06. Уч.-изд. л. 12,40. Тираж 100 экз. Заказ 34.

Национальная библиотека Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9. Налечтано на
ризографе Национальной библиотеки Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9.

